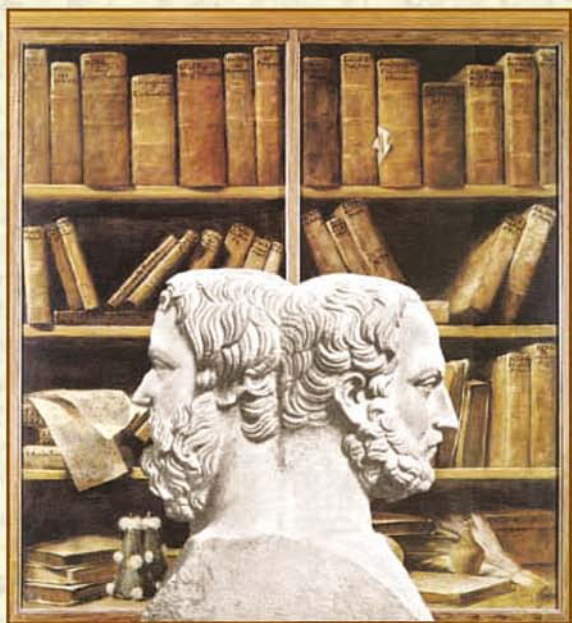

S E R I E S M I N O R

Б. А. УСПЕНСКИЙ

ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ОЧЕРКИ

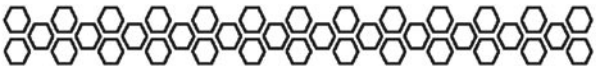

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

STUDIA PHILOLOGICA

SERIES MINOR

Б. А. УСПЕНСКИЙ

ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ОЧЕРКИ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2004

ББК 63.3(2)4-3в6
У 77

Успенский Б. А.

У 77 Историко-филологические очерки. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 176 с. — (Язык. Семиотика. Культура. Малая сер.).

ISSN 1727-1649
ISBN 5-9551-0044-X

Книга представляет собой сборник статей, посвященных истории русской культуры. Одни очерки посвящены русской литературе, другие — русской истории, но все они так или иначе находятся на стыке истории и филологии. Почти все статьи сборника были предварительно опубликованы в зарубежных изданиях; в России они не публиковались. Некоторые статьи выходят в существенно переработанном виде.

ББК 63.3(2)

В оформлении обложки использованы униформная герма с портретами Геродота и Фукидида и картина Дж. Крести «Книжные полки» (1725 г.)

Борис Андреевич Успенский

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Издатель А. Кошелев
Художественное оформление обложки
Натальи Прокуратовой и Сергея Жигалкина

Корректор М. Н. Григорян
Подписано в печать 28.09.2004. Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная.
Усл. п. л. 3,36. Тираж 1000. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры». ЛР № 02745 от 04.10.2000.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153). E-mail: Lrc@comtvl.ru

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-9551-0044-X

© Б. А. Успенский, 2004
© Языки славянской культуры, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	7
Европа как метафора и как метонимия (применительно к истории России)	9
Пушкин и Толстой: тема Кавказа	27
Время в гоголевском «Носе» («Нос» глазами этнографа) ...	4□
Когда был канонизирован князь Владимир Святославич?	□9
Николай I и польский язык (Языковая политика Российской империи в отношении Царства Польского: вопросы графики и орфографии)	123
<i>Приложение.</i> «О предположениях заменить в поль- ском языке латинский алфавит русской азбукою» ...	156
<i>Принятые сокращения</i>	175
<i>Библиографическая справка</i>	176

ОТ АВТОРА

В книге собраны статьи последних лет. Разнообразные по своему содержанию, все они объединены русской тематикой: речь идет в них о русской истории или истории русской культуры. Собранные вместе, они могут служить дополнением к изданному ранее автором сборнику статей на ту же тему (см.: *Б. А. Успенский. Этюды о русской истории*. СПб.: «Азбука», 2002).

Разрядка в цитатах, равно как и текст, взятый в квадратные скобки, во всех случаях принадлежат автору книги (а не автору цитируемого текста).

ЕВРОПА КАК МЕТАФОРА И КАК МЕТОНИМИЯ (применительно к истории России)

К 300-летию Санкт-Петербурга

1. Очевидно, что Европа — понятие не столько географическое, сколько культурно-историческое и идеологическое. Мало кто знает, например, что с географической точки зрения центром Европы является Вильнюс, столица Литвы; с культурно-исторической точки зрения это скорее периферия Европы. Когда мы говорим о Европе, мы едва ли имеем в виду Турцию и Казахстан: вместе с тем, строго говоря, они могут считаться европейскими странами, поскольку определенная часть их территории принадлежит Европе.

2. Обратимся к России.

Принадлежит ли Россия Европе? С географической точки зрения этот вопрос предполагает, несомненно, положительный ответ. Правда, большая часть России относится к Азии, однако центральная — наиболее репрезентативная — ее часть находится в Европе (и в этом разница между Россией и Турцией, не говоря уже о Казахстане); исторически Россия представляет собой европейскую страну, которая распространила свои границы, выйдя за пределы Европы. Азиатская часть России относится к ее периферии и, собственно, не называется Россией. Жители Сибири могут сказать *поехать в Россию*, точно так же как жители окраины Москвы говорят *поехать в город*.

Равным образом с культурно-исторической точки зрения принадлежность России к Европе не вызывает ни-

какого сомнения: русская культура — несомненно, культура европейская, русская литература, музыка и изобразительное искусство представляют собой выдающиеся достижения европейской культурной традиции. Мы едва ли можем представить себе европейскую культуру без русской классической литературы и русской поэзии, без русского авангарда, русской симфонической музыки, русского балета и, наконец, русского театра и кино.

И, тем не менее, постоянно в нашем сознании присутствует вопрос: принадлежит ли Россия Европе? Этот вопрос поднимает Чаадаев в то время, когда, казалось бы, он менее всего актуален.

Почему же так? Откуда эти сомнения при кажущейся очевидности ответа на этот вопрос?

3. Распространение наименования, относящегося к некоторому культурно-историческому центру (т. е. представляющего определенную культурно-историческую традицию), может основываться вообще как на принципе метонимии, так и на принципе метафоры. Соответственно, как мы увидим, имя «Европа» может пониматься и как метонимия, и как метафора.

В первом случае речь идет о культурной экспансии, в результате которой имя, относящееся к центру, распространяется на периферию. Это естественный процесс.

В другом случае речь идет о культурной ориентации. Это искусственный процесс.

Вот два примера, иллюстрирующие оба случая.

Пример первый. В X в. Île de France, феодальный домен Гуго Капета, становится центром страны, которую мы называем Францией; так появляется имя «Франция» как название страны.

Пример второй. При освоении Нового и Новейшего Света (Америки, Австралии, Новой Зеландии) города и области очень часто называются так же, как европейские: мы видим отчетливое стремление перенести на новые области европейское культурное пространство.

Так, мы имеем здесь Новый Йорк (New York; первоначально он назывался Новым Амстердамом), Новую Англию, Новую Зеландию и т. п., а в дальнейшем мы встречаем в Америке такие названия, как Итака, Сиракузы, Санкт-Петербург и т. п. Том Сойер, знаменитый герой повести Марка Твена, жил в городке, который носил название столицы Российской империи (Санкт-Петербург); город с таким названием есть во Флориде, но город Тома Сойера находится на берегах Миссисипи, — по-видимому, автор считал, что это типичное название американского города. Когда я попал в Америку, я познакомился — на крыше нью-йоркского Metropolitan Museum — с милой пожилой дамой, которая спросила меня, откуда я, и, узнав, что из Москвы, осведомилась, в каком это штате: она была уверена, что Москва — один из американских городов.

Очевидна разница между этими двумя случаями: в одном случае мы наблюдаем естественный процесс культурной экспансии, в другом — искусственный процесс культурной ориентации. В первом случае имеет место метонимия, в другом — метафора. В одном случае действуют силы центробежные (принцип метонимии), во втором — центроостремительные (принцип метафоры).

Заметим, что в случае метафоры (метафорической топонимии, свидетельствующей о культурной ориентации) мы часто встречаем эпитет «Новый», ср.: Новый Йорк (New York), Новый Амстердам (Nieuw Amsterdam как старое название Нью-Йорка; Nouvelle Amsterdam как название острова в Индийском океане), Новый Орлеан (New Orleans), Новый Лондон (New London; в Соединенных Штатах есть несколько городов с таким именем), Новая Франция (Nouvelle France; так назывались французские земли в Канаде до 1763 г.), Новая Голландия (Nieuw Holland; так первоначально называлась Австралия), Новая Англия (New England), Новая Шотландия (Nova Scotia; провинция в Канаде) с городом Новый Глазго (New Glasgow), Новый Южный Уэльс

(New South Wales), Новая Зеландия (New Zealand), Новая Каледония (Nouvelle Calédonie), Новая Джорджия (New Georgia; остров в группе Соломоновых островов), Новая Гвинея (New Guinea или Nieuw Guinea), Новая Ирландия и Новая Британия (New Ireland, New Britain; острова в архипелаге Бисмарка; ранее они назывались, соответственно, Новым Мекленбургом и Новой Померанией: Neumecklenburg, Neupommern), Новая Испания (Nueva España; испанская колония около Мехико, основанная в 1522 г.), Новая Галисия (Nueva Galicia; область к востоку и северу от Мехико), Новая Гранада (Nueva Granada; испанская колония в Южной Америке, образованная в 1538 г.), Новая Сибирь (остров в архипелаге Новосибирские острова), Новый Брауншвейг (New Brunswick), Новый Джерси (New Jersey), Новый Гемпшир (New Hampshire), Новая Мексика (New Mexico), Новые Гебриды (New Hebrides) и т. д. Такого рода названия могут повторяться: так, «Новой Англией» называется с 1614 г. исторически сложившийся район в северо-восточной части Соединенных Штатов, но точно так же называлась территория на северном берегу Черного моря, отданная византийским императором Алексием своим английским телохранителям во второй половине XI в.; города на этой территории (Nova Anglia) повторяли названия английских городов: Лондон, Йорк и т. п.

Между тем в случае метонимии (метонимической топонимики, свидетельствующей о культурной экспансии) мы обычно встречаем эпитет «Большой» («Великий»). Например, имя Бостон, представляющее собой название города, может распространяться на пригороды, и мы говорим о Большом Бостоне (Greater Boston). Такого рода примеры широко представлены в топонимии. Так, название Бретани в результате колонизации распространилось на Англию, и отсюда объясняется название Великобритания, т. е. Великая Бретань (впоследствии это название было переосмыслено в связи с объединением Англии и Шотландии в 1707 г.). Точно так же южная Италия с изначально греческим населе-

нием традиционно называется «Великой Грецией» (*Magna Grecia*). В 1819–1830 гг. в ходе борьбы испанских колоний за независимость в Южной Америке была образована республика Великая Колумбия, центральную часть которой составляла собственно Колумбия.

То же имело место и в истории России: понятие Руси первоначально относилось к Киеву и землям вокруг Киева. Севернорусские земли изначально Русью не назывались; в дальнейшем они могли относиться к Великой Руси, подобно тому, например, как пригороды Москвы, не принадлежащие собственно к Москве, могут называться сегодня «Большой Москвой». Так, в византийском списке епархий (*Notitia episcopatum*) второй половины XII в. перечисляются епархии, относящиеся к митрополии τῆ μεγάλης Ῥωσίας, т. е. «великой Руси», и в их числе называются Новгород, Смоленск, Суздаль.

Отсюда название «великой Руси» (μεγάλη Ῥωσία) становится равнозначным названию «всей Руси» (πᾶσα Ῥωσία), которое входило в титул киевского митрополита, управляющего всеми русскими территориями (по крайней мере со второй половины XII в. он именуется «Киевским и всея Руси»). Противопоставление «Руси» и «Великой Руси» при этом не является взаимоисключающим, однако «Русь» выделяется из «Великой Руси» как маркированная часть ее территории. На этом этапе понятие «Руси» имеет двойное значение: название «Русь», с одной стороны, соотносится с киевской землей, с другой же стороны, выступает как общее понятие. Семантически (по объему понятия) «Русь» включает в себя «Великую Русь», при том что физически (по охвату территории) соотношение оказывается обратным.

В дальнейшем — после перенесения митрополии из Киева во Владимир в 1299 г. — понятие «Великая Русь» начинает означать не «всю Русь», но то, что не относится к «Руси» как таковой, т. е. прежде всего севернорусские территории. Поскольку понятие «Великая Русь» начинает ассоциироваться с северными территориями

и поскольку территории эти приобретают все большее значение, то, что ранее называлось «Русью», начинает именоваться «Малой Русью». Так появляется название «Малая Русь» («Малороссия») — оно явно образуется по контрасту с «Великой Русью», и это свидетельствует о том, что принимается именно перспектива «Великой Руси». В итоге оппозиция «Руси» и «Великой Руси» превращается в противопоставление «Малой Руси» и «Великой Руси». Украинцы воспринимают название «Малороссия» как обидное (уничижительное) и предпочитают название «Украина», хотя оно, в сущности, означает то же самое: «Украина» означает окраину, периферию, противопоставленную центру. Как в названии «Малая Русь», так и в названии «Украина», прослеживается одна и та же идея: идея периферии; в обоих случаях это означает мену центра и периферии: центр (то, что называлось некогда «Русью») стал периферией («Малой Русью» или окраиной — «Украиной»), а периферия — центром.

В результате понятие «Русь» становится общим понятием не только по отношению к Великой Руси, но и по отношению к Малой Руси. В этих условиях, например, о Суздале можно сказать и то, что это «Русь», и то, что это «Великая Русь» (но нельзя сказать, что это «Малая Русь»); равным образом о Чернигове можно сказать и то, что это «Русь», и то, что это «Малая Русь» (но нельзя сказать, что это «Великая Русь»). Таким образом, понятия «Русь» и «Великая Русь», с одной стороны, «Русь» и «Малая Русь», с другой, не исключают друг друга (они противопоставляются как общее и частное понятия), при том что понятия «Великая Русь» и «Малая Русь» оказываются взаимоисключающими. Иначе говоря: все, что можно назвать «Великой Русью», можно назвать и просто «Русью», однако обратное неверно; все, что можно назвать «Малой Русью», можно назвать и просто «Русью», но обратное неверно.

Заметим, что в то время как в киевской перспективе Русь, включающая в себя северные земли, именовалась

«Великой Русью», в скандинавской перспективе Русь (как в собственном смысле, так и с прилегающими землями) могла называться «Великой Швецией» (Sviþjóð hinn mikla). В обоих случаях слово, обозначающее «великий», имеет одно и то же значение: значение периферии, относящейся к центру.

Топонимическая модель с названием «Великий», как правило, относится вообще к области колонизации, а не к метрополии. Например, Великобритания называется так относительно материковой Бретани, Великая Греция — относительно исторической Греции, Великая Колумбия — относительно исторической Колумбии, Великороссия — относительно Руси изначальной (которая лишь под воздействием своего коррелята становится Малороссией).

4. Итак, распространение названия (топонима) — усвоение традиционного термина, относящегося к некоторой первоначальной (исходной) территории, — может иметь характер либо метонимии либо метафоры. Когда Англия называется Великобританией, перед нами метонимия. Когда город в Америке называется Новым Орлеаном или Новым Йорком, налицо метафора.

Когда мы употребляем эпитет «Великий» (например, когда мы говорим Великая Россия или Великобритания), подразумевается, что имело место — по крайней мере изначальное) **о т о ж д е с т в л е н и е** некоторой периферийной территории с историческим центром.

Когда же мы употребляем эпитет «Новый» (например, Новая Зеландия и т. п.) речь идет не об отождествлении, а об **у п о д о б л е н и и** (которое вообще, по Аристотелю, лежит в основе метафоры). Но уподобление предполагает изначальное **п р о т и в о п о с т а в л е н и е** сопоставляемых явлений: мы можем уподоблять друг другу лишь то, что признается разным.

Поэтому, когда мы определяем что-то (в частности, какое-то место) как «новое», оказывается естественным охарактеризовать соотнесенное (противопоставляемое)

понятие как «старое». Так после открытия «Нового Света» (Америки), Европа начинает называться «Старым Светом». Совершенно аналогично после появления «Нового Завета» еврейская Библия понимается как «Ветхий Завет»; после Французской революции предшествующий порядок получает название «Старого режима» (*Ancien Régime*); после введения григорианского календаря, который определяется как «новый стиль», юлианский календарь именуется «старым стилем», и т. п.

Напротив, когда мы определяем нечто как «великое», мы обычно не определяем противоположное понятие как «малое». (Исключение представляет название «Малороссия», но это особый случай, который объясняется меной центра и периферии на русской территории, см. выше.)

В случае метонимического наименования встает проблема центра и периферии, в случае наименования метафорического — проблема нового и старого: вообще метонимия основывается на отношениях в пространстве, тогда как метафора предполагает отношения во времени. В отличие от отношения центра и периферии, отношения нового и старого строятся на отрицании и в принципе имеют характер взаимоисключающей оппозиции: здесь всегда предполагается противостояние. Когда Константин Великий в 330 г. основывает новую — христианскую — столицу Римской империи, которая получает название «Нового Рима» (одновременно она называется Константинополем), Новый Рим оказывается противопоставленным Старому Риму как христианский город — языческому (а впоследствии как православный город — католическому). То же самое происходит после Флорентийской унии 1438 г. и последующего падения Константинополя в 1453 г. (которое воспринималось православными как следствие унии с католиками — как наказание греков за измену православию), когда на Руси формируется представление о Москве как Третьем Риме или Новом Константинополе. Москва как Новый Рим и Новый Константино-

поль противопоставляется как первому (ветхому) Риму, так и первому Константинополю (второму Риму) как город, сохранивший православную традицию, — городам, ее утратившим. В обоих случаях перед нами метафора, и это отчетливо проявляется в эпитете «новый». И в обоих случаях четко обозначается взаимоисключающее противопоставление, характерное именно для метафорической номинации.

5. Остается заметить, что само наименование Европы представляет собой не что иное, как метонимию: ведь Европой первоначально называлась Греция, причем континентальная Греция (в отличие от «Азии», т. е. островов Эгейского моря и Ионического побережья Малой Азии). Потом постепенно это название распространяется на другие земли — сначала соседние, потом соседние с соседними и т. п. — по принципу метонимического обозначения. Первые ионийские географы, такие как Анаксимандр, называли «Европой» территорию к северу от Средиземного моря, тогда как область к югу от него называлась «Азией». Таким образом, противопоставление Европы и Азии первоначально шло не по линии Запад — Восток, а по линии Север — Юг.

6. Возвращаясь к России, можно сказать: Россия может считаться Европой не как метонимия, а как метафора. Речь идет не об экспансии Европы как исторического культурного (цивилизационного) центра на прилегающие территории, а о сознательной ориентации на Европу, т. е. о процессе, имеющем искусственный характер. Иначе говоря, речь идет не о центробежном, а о центростремительном процессе.

Если бы речь шла о последовательной экспансии, Россия могла бы быть определена как **В е л и к а я** Европа, т. е. область на периферии Европы, на которую постепенно распространяется европейская культурная модель. Это был бы процесс постепенной и последовательной эволюции, и он был вполне возможен (напом-

ню, что европеизация России начинается при Борисе Годунове и затем продолжается при Лжедмитрии; этот процесс возобновляется после Смутного времени, особенно во второй половине XVII в.). Этому помешали реформы Петра I, которые имели не эволюционный, а революционный — не естественный, а искусственный — характер. В результате Европа становится для России не метонимией, а метафорой: вместо того чтобы стать органической частью «Великой Европы», Россия становится «Новой Европой».

Но сознательная ориентация предполагает противостояние между Россией и Европой: сама ориентация на Европу предполагает, что Россия изначально Европой не является.

Именно эта идея заложена в основе петровских реформ.

То, что я говорю, может показаться парадоксом. Петр I вошел в историю как культуртрегер, европеизатор России. Принято считать, что в результате петровских реформ Россия усваивает европейские культурные ценности и становится европейской страной. Я же утверждаю, что одновременно Петр создает культурное противостояние между Россией и Европой, которого — по крайней мере в такой форме — не было раньше. По образному выражению Пушкина (восходящему к высказыванию Альгаротти), Петр «в Европу прорубил окно». Продолжая этот образ, я бы сказал, что для того, чтобы прорубить окно в Европу, Петру необходимо было воздвигнуть стену, отделяющую Россию от Европы.

7. Эта искусственность петровских реформ проявляется с самого их начала. Примечательно, что реформы эти имеют отчетливо выраженный семиотический характер: Петр начинает с усвоения знаков, предполагая, очевидно, что содержание должно прийти вслед за формой (это типично вообще в том случае, когда цивилизационный процесс имеет характер метафорического уподобления). Такого рода искусственность определяет все

последующее развитие России: знаки опережают содержание, и именно поэтому Ленину могла в дальнейшем прийти в голову безумная мысль устроить антикапиталистическую революцию (реализовать идеи Маркса) в промышленно отсталой, аграрной стране. Как начинания Петра, так и начинания Ленина имели явно выраженный утопический характер: они основывались не на том, что есть, а на том, что должно быть.

25 августа 1698 г. молодой царь Петр возвращается из-за границы; он полтора года путешествовал по Европе (Пруссия, Швеция, Курляндия, Голландия, Англия, Австрия) под именем урядника Петра Михайлова, и это был первый случай, когда царь покинул свою страну. Уже на следующий день после своего приезда Петр начинает собственноручно резать бороды русским боярам, заставляя всех переодеться в иностранное платье. Это должно было символизировать начало нового — европейского — этапа русской истории. В дальнейшем ношение бороды и русского платья означало выключение из общества: дворянин, отказывавшийся сбрить бороду или предпочитавший носить традиционную одежду, терял дворянство.

По существу, трудно найти что-либо европейское в этом акте: это позиция туземца, который рядится в платье белого человека.

Такого рода действия очевидным образом символизируют стремление к Европе; но одновременно они создают не менее очевидное противостояние между Россией и Европой, которую отличает как раз приверженность к традиции. Переодевание в немецкое платье не делает русского немцем, но, напротив, усугубляет различие между ними. В самом деле, есть очевидная разница между немцем, который носит немецкое платье, и русским, который вдруг по приказу монарха начинает такое платье носить. Это примерно такая же разница как между немцем, который говорит по-немецки (на своем языке), и иностранцем, который говорит по-немецки как на чужом языке. Иностранец, говорящий на чужом языке, не свободен, он поневоле должен ори-

ентироваться на носителя языка, который по определению всегда прав, который имеет естественные навыки речи и — естественным образом — знает, как надо сказать. В некотором смысле разница между немцем, говорящим на немецком языке, и русским, говорящим на немецком языке, не меньше, а больше, чем разница между немцем, говорящим на немецком языке, и русским, говорящим на русском языке, — ведь каждый из них в этом последнем случае говорит на своем родном языке!

8. Переодевание в иностранное платье создает своеобразный эффект маскарада. Следует иметь в виду, что европейское платье воспринималось в допетровской культуре как маскарадное (и в частности, бесы на иконах изображались в немецкой одежде). Русский дворянин, оказавшись побритым и переодетым, на первых порах чувствовал себя ряженым. Вместе с тем традиционное русское платье в петровских карнавалах выступало как платье шутовское.

Так в России появляются две культуры: традиционная, которая объявляется обветшавшей и невежественной, и новая, провозглашаемая просвещенной и прогрессивной. Каждая из них воспринимает другую как шутовскую, карнавальную. С одной стороны, в петровских шутовских церемониях появляются шуты в русском народном платье, с другой стороны, в русских народных обрядах можно нарядиться чертом, надев немецкое платье (ср. образ черта в немецком платье у Го голя в «Ночи перед Рождеством»).

Русская (светская) жизнь оказывалась необычайно карнавализованной. Карнавал становится элементом придворной культуры: участие в нем было обязательным. Царь считал необходимым принимать участие в подобных церемониях: это была часть культурной программы, обязательной для его окружения. Маски могли носить даже в официальных учреждениях (в присутственных местах), что поражало иностранцев: известны слу-

чай, когда по распоряжению Петра все сенаторы и члены коллегий должны были являться на службу в масках; мы можем представить себе, как выглядело заседание Сената — что-то похожее на сон Татьяны в «Евгении Онегине»... Вначале потехи приурочивались к русским праздникам святок и масленицы — традиционному времени карнавальных увеселений, — но постепенно они выходят за эти пределы, распространяясь вообще на все время.

9. Характерным образом реформы Петра I, призванные европеизировать Россию, обычно начинаются именно с карнавальной игры. Так «потешные» войска, созданные в начале 1680-х гг. для «военных потех» царевича Петра, положили начало образованию регулярной армии: можно сказать, что военная реформа начинается с игры в солдатики. Точно так же церковной реформе Петра, в результате которой отношения церкви и государства были ориентированы на европейскую модель, принятую в протестантских странах, — предшествовали шутовские церемонии Всепьянейшего собора; можно сказать, что церковная реформа начинается с непристойной и кощунственной пародии на церковь. Точно так же, наконец, пародирование традиционного облика русского царя на шутовских свадьбах предвосхищало принятие Петром императорского титула, когда Петр провозглашает себя «императором» и «отцом отечества» (*pater patriae*) — так, как назывались римские императоры (и это при том, что слово *царь* собственно и означало ‘император’!). Одновременно Петр называет себя «Великим», наподобие Карла Великого и Константина Великого, и «Первым»: он именуется «Великим» и «Первым» потому, что в истории под таким именем фигурируют западные монархи (и в дальнейшем императоры Павел, Александр и Николай называют себя «Первыми», при том что Павел II отсутствует в русской истории, а Александр II и Николай II появляются значительно позже).

Это разительно напоминает поведение ребенка, который изображает взрослого.

Переодевание, переименование — все это было проявлением общей культурной политики, свидетельствующей об искусственном характере европеизации России. Появляются новые имена городов, составленные из иностранных слов, — такие, как Санкт-Петербург, Шлиссельбург и другие. Ранее подобные названия воспринимались как «потешные», игровые (ср. «потешный городок» Пресбург, который строит молодой Петр в Преображенском); теперь же так называется новая столица Российского государства.

Новой одежде, новым наименованиям отвечает и новая азбука: собственноручно создавая русскую гражданскую азбуку, Петр отталкивается от традиционных начертаний славянских букв, приближая их к латинским начертаниям. В изменении формы букв по существу не было никакой необходимости: буквы переодеваются в европейское платье, подобно тому как переодеваются в него и люди.

10. Петр начинает строительство новой — европейской — России со строительства Санкт-Петербурга. Новая столица нового государства строится как европейский город с иностранным именем, как град святого Петра, что не может не напоминать о Риме; характерно, что герб Петербурга содержит трансформированные элементы герба папской столицы («*Claves Ecclesiae Romanae*»), который отразился в современном гербе Ватикана (так, перекрещенным ключам в гербе Ватикана соответствуют перекрещенные же якоря в гербе Петербурга; расположение якорей лапами вверх отчетливо выдает их происхождение — ключи в гербе римского папы также повернуты бородками вверх). Таким образом, герб Петербурга семантически соответствует имени города: имя и герб предстают как словесное и визуальное выражение одной общей идеи.

Замечательно при этом, что новая столица будущей империи строится не в центре страны, а на ее перифе-

рии — на ее западной границе. В этом смысле Петербург противопоставлен Москве, которая находится именно в центре России. Это едва ли не уникальный случай, но интенции Петра понятны: на Западе своего государства он создает своего рода европейский анклав, который призван затем распространиться на всю страну. Противопоставление Запада и Востока, Европы и Азии переносится, таким образом, на саму Россию.

При этом, наряду со строительством каменного Петербурга, призванного олицетворять собой новую Россию, Петр налагает по всей стране запрет на строительство каменных зданий (1714 г.). Тем самым фактически создается не только образ Петербурга, но и образ деревянной, нецивилизованной России как ее антипода: Петербург мыслится как будущее России, но при этом создается не только образ будущего, но и образ прошлого ее состояния — образ, вообще говоря, не вполне соответствующий действительности (Москва называлась ранее «белокаменной», теперь же она должна восприниматься как деревянная). Создание новой культуры предполагало сознательную дискредитацию старой: новое создается за счет старого, как его антипод.

Запрет на строительство каменных зданий аналогичен запрету монахам заниматься литературной деятельностью: указом Петра от 31 января 1701 г. монахам запрещалось держать перья и бумагу, и такого рода запрещение вошло затем в прибавления к «Духовному регламенту» (1722 г.). В допетровской России монастыри были культурными центрами, монахи занимались литературным трудом, и это даже могло входить в монашеское правило (т. е. в иноческий обет). Теперь монастыри воспринимаются как центры традиционной, невежественной культуры и монахам (если они не вписываются в новый государственный порядок) вообще запрещается писать. Все это мало напоминает европеизацию: налицо всего лишь явное стремление подражать Европе...

Так, наряду со строительством новой России создается «анти-Россия», символизирующая старую, традиционную культуру. С точки зрения новой России, старая Россия — «анти-Россия», а с точки зрения старой, «анти-Россией» является именно новая культура. В результате появляются две культуры-антипода, антагонистически противопоставленные друг другу.

В «Войне и мире» Толстого есть сцена (психологически очень верная), где Наташа Ростова попадает в крестьянскую деревню и крестьяне рассматривают ее как куклу, как ряженую: они ее трогают, щупают платье, обсуждают, не стесняясь ее присутствием. С точки зрения новой России, ряжеными становятся крестьяне, с точки же зрения старой России, ряженные — дворяне. И это — результат сознательной культурной политики: результат противостояния, которое создается реформами Петра и определяется именно искусственным характером этих реформ.

Ничего похожего не было ни во Франции, ни в Германии: это специфика России — России, созданной Петром.

В дальнейшем, когда под влиянием идей Гердера и Гегеля о «народном духе» (Volksggeist) появляется концепция народа как движущей силы истории, в России под «народом» понимается нечто отличное от того, что имеет место в Западной Европе: понятие народа оказывается противопоставленным понятию цивилизации. Это определяет особую роль и специфическую функцию русской интеллигенции как связующего звена между народом и цивилизованным обществом.

11. Как видим, стремление к европеизации русской культуры на деле совсем не всегда приводит к уподоблению Западу: в целом ряде случаев отличия России от Запада могут быть обусловлены именно тем, что здесь имеет место импорт западной культуры, подражание западной культуре. Русская культура после Петра отличается повышенной семиотичностью, она ориентиро-

вана на знаки: усваиваются новые формы выражения, с тем чтобы воссоздать соответствующее им содержание. В обычном случае содержание порождает выражение; в данном же случае, напротив, выражение призвано породить содержание.

Такого рода ориентация на Западную Европу может приводить к парадоксальным результатам. Так, в XVIII в. в России наряду с идеями Просвещения утверждается крепостное право, основанное на личной прикреплённости крестьянина к помещику (а не к земле, которая находится в распоряжении помещика). В результате становится общепринятой продажа крестьян без земли, практикуется разлучение семей, вообще закрепощение крестьян в самых бесчеловечных формах. Продажа крестьян без земли фактически начинается во второй половине XVII в., однако именно в XVIII в. она становится массовой практикой. Это определяется бюрократическими реформами Петра I (перепись населения и подушным податным обложением), при которых крестьяне и холопы были вписаны в одну общую рубрику; в результате крестьяне оказались на положении рабов. Нельзя не видеть здесь общий процесс бюрократической централизации и модернизации, обусловленный в конечном счете стремлением к европеизации русской бюрократической системы (перепись населения выступает как элемент бюрократизации системы, сокращение рубрик — ее модернизации). Не последнюю роль в отношении Петра к крепостному праву могло играть то обстоятельство, что крепостное право существовало у непосредственных западных соседей России — в Пруссии и Польше.

Следует также иметь в виду, что после петровских реформ резко снижается грамотность населения. В допетровской Руси население было в основном грамотным (имеется в виду прежде всего обучение чтению: элементарная грамотность входила в процесс религиозного образования). В результате реформ Петра и его последователей, направленных на европеизацию обра-

зования в России, подавляющее большинство крестьянского населения оказывается безграмотным.

Итак, Петр создает европейскую Россию, но одновременно он создает и противоположный образ России — России азиатской, невежественной, непросвещенной. Таким образом, он создает противостояние между своим и чужим, определяющее дальнейшее развитие русской культуры и русской истории.

ПУШКИН И ТОЛСТОЙ: ТЕМА КАВКАЗА

Кавказская тема в русской литературе обозначена двумя вехами: творчеством Пушкина и Толстого. До Пушкина в русской литературе нет сколько-нибудь значительных произведений на эту тему, и точно так же нет их и после Толстого. При этом позиции Пушкина и Толстого по отношению к Кавказу — и вообще по отношению к Востоку — полярно противоположны. Более того: Толстой, несомненно, полемизирует с Пушкиным.

Так, «Кавказский пленник» Толстого откровенно ориентирован на «Кавказского пленника» Пушкина: в обоих произведениях один сюжет (герой попадает в плен, и его спасает женщина). Здесь явная полемика с Пушкиным, и Толстой это специально подчеркивает, давая своему рассказу то же название, что у пушкинской поэмы. Перед нами, в сущности, своеобразный перевод — с языка романтической поэзии на язык психологической прозы. В первом случае герой оказывается частью событийного текста, он представлен в остраненной, поэтизированной перспективе: читатель не ассоциирует себя с ним, но видит его остраненно, как предмет эстетического созерцания — он любит его так, как можно любоваться экзотическим пейзажем. Во втором же случае, напротив, события представлены через восприятие героя, с которым читатель так или иначе себя ассоциирует.

Эта полемика представлена настолько эксплицитно, что едва ли является случайным эпизодом в творчестве Толстого: скорее всего, она не ограничивается данным произведением, но отражает общую (программную)

позицию Толстого, которая — не в столь явной форме — прослеживается и в других его произведениях кавказской тематики.

Так, с этой точки зрения кажется вероятным, что «Хаджи Мурат» Толстого представляет собой скрытую полемику с пушкинским «Путешествием в Арзрум»¹. В данном случае речь не идет о полемике с романтическим, байроническим стилем: здесь проявляется разница в мировосприятии, и в частности, в понимании истории.

Позиция Пушкина — европоцентристская: он приезжает на Кавказ как представитель европейской цивилизации. Более того: он ощущает себя представителем великой европейской державы, занимающей ведущее положение в мире. Это ощущение появляется в России после войны с Наполеоном: Франции нет более на политическом горизонте, Австрия ослаблена, и Европа представлена теперь двумя империями, одержавшими победу над Наполеоном, которые расширяют сферы своего влияния и свои географические границы, — Россией и Англией; обе эти империи ведут колониционную политику на Востоке. Эта колонизация имеет как политический, так и цивилизационный характер: она отвечает историософской концепции Просвещения, основывающейся на идее прогресса; согласно этой концепции, все народы идут к одной цели и одни оказываются впереди, другие позади. В рамках этой концепции колонизация оказывается оправданной — она воспринимается как цивилизационный процесс; национальное или культурное своеобразие оказывается этапом в общечеловеческом движении².

Толстой же в «Хаджи Мурате» (а также в «Казаках» и других своих произведениях) переводит противопоставление «цивилизация—дикость» в противопоставление «естественное—искусственное». Соответственно, противопоставление Запада и Востока, столь актуальное для Пушкина, у него вообще снимается.

Я говорил о связи Пушкина с идеями Просвещения. Но то же можно сказать и о Толстом: они — в общем и

целом — черпают из одного источника, но, так сказать, извлекают при этом разную пищу.

Позиция Толстого восходит к идеям Руссо. В этом контексте цивилизация может переосмысляться — в соответствии с идеями Руссо — как отрицательное явление, но противопоставление «естественное—искусственное» затрагивает прежде всего человеческую личность, а не отдельные социальные институты. Различие между Пушкиным и Толстым отражает разницу в концепциях Вольтера и Руссо.

В сущности, «Хаджи Мурат» и «Путешествие в Арзрум» противопоставлены между собой так же, как противопоставлены «Кавказский пленник» Толстого и «Кавказский пленник» Пушкина: это противопоставление внешней и внутренней перспективы. В одном случае (у Пушкина) Кавказ показан глазами постороннего наблюдателя, посетившего эту страну, — как обобщенная картина, в другом случае (у Толстого) он показан изнутри; в одном случае это предмет оценки (эстетической или идеологической), в другом — проникновение во внутренний мир героя. Это противопоставление аналогично противопоставлению прямой и обратной перспективы: пользуясь этой метафорой, можно было бы сказать, что Пушкин ведет повествование в прямой перспективе, а Толстой — в обратной.

Историческая концепция Пушкина ближайшим образом связана с позицией Карамзина — и ей в большой степени созвучна. Так, обсуждая реформы Петра, Карамзин писал в «Письмах русского путешественника»:

«Путь образования или просвещения *один* для народов; все они идут им в след друг за другом. Иностранцы были умнее Русских: и так надлежало от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытами. [...] Какой народ не перенимал у другова? и не должно ли *сравняться*, чтобы *превзойти*? [...] Немцы, Французы, Англичане были впереди Русских по крайней мере шестью веками: Петр двинул нас своею мощною рукою, и мы в не-

сколько лет почти догнали их. [...] Все *народное* ничто перед *человеческим*. Главное дело быть *людьми*, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для Руских; и что Англичане или Немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то *мое*, ибо я человек!»³. И в другом месте («Lettre au Spectateur sur la littérature russe») Карамзин говорит: «Французский народ прошел через все степени цивилизации, чтобы оказаться на той вершине, на которой он находится в настоящее время. Сравнивая его влекущийся шаг с быстрым полетом нашего народа к той же цели, говорят о чуде. Удивительно все-силие творческого гения, который, вырвав Россию из летаргического сна, в который она была погружена, направил ее на пути света с такой силой, что по прошествии малого числа лет мы находимся впереди вместе с народами, которые многие века обгоняли нас»⁴ (ср. затем — в ином контексте — образ спящей России у Пушкина⁵). О том же говорит, наконец, Карамзин и в речи, произнесенной в Российской академии: «Петр Великий, могущею рукою своею преобразив отечество, сделал нас подобными другим Европейцам. Жалобы бесполезны. [...] Мы не хотим подражать иноземцам, но пишем, как они пишут: ибо живем, как они живут; читаем, что они читают; имеем те же образцы ума и вкуса; участвуем в повсеместном, взаимном сближении народов, которое есть следствие самага их просвещения. Красоты *особенныя*, составляющия характер Словесности *народной*, уступают красотам общим: первыя изменяются, вторыя вечны. Хорошо писать для России: еще лучше писать для всех людей. Если нам оскорбительно итти позади других, то можем итти рядом с другими к цели всемирной для человечества, путем своего века [...]»⁶.

Так писал Карамзин в конце XVIII в. После победы над Наполеоном положение изменилось: Франция становится провинциальной страной, а Петербург (куда эмигрировали французские аристократы) оказывается в центре европейской политической жизни. (После Крымской войны положение меняется вновь, и здесь

значим голос Достоевского — об этом будет сказано ниже.)

Карамзин, вслед за французскими просветителями, формулирует идею непрерывного поступательного развития человеческого разума, шествующего единым путем — по дороге цивилизации — от темноты и невежества к знанию и совершенству. Фактически он повторяет Кондорсе, по словам которого «движение других народов будет более быстрым и более надежным, чем наше, поскольку они получают от нас то, что мы принуждены были открыть первыми, и потому, что знание этих простых истин, этих методов, которых мы достигли лишь путем длительных блужданий, они смогут постичь, следуя развитию доказательств в наших речах и книгах»⁷. Замечательным образом общая направленность эволюции Культуры (Цивилизации) фактически мыслится при этом аналогичной эволюции Природы, как ее, например, описывает Ламарк.

Такая концепция истории может оправдывать насилие ради исторически необходимого цивилизаторства (подобно тому, как в католическом мировосприятии могла быть оправдана принудительная христианизация). Толстой выступает против этого, и он выдвигает свою концепцию исторического процесса — свою философию истории. Полемика Толстого и Пушкина — это своеобразное отражение полемики Вольтера и Руссо, переосмысленное в русском контексте. Именно этим определяется их отношение к Кавказу.

Итак, историософская концепция Пушкина, как и Карамзина, восходит к идеям Вольтера и его последователей (французских просветителей)⁸. Но именно здесь отчетливо выступает специфика русских последователей Вольтера. Вообще специфика всегда выявляется в сравнении; специфика русского положения особенно отчетливо проявляется именно тогда, когда высказывания русских авторов восходят к иностранным источникам (обычное явление в послепетровской России): если

совпадения с источником в этих условиях легко объяснимы, то расхождения, напротив, могут быть чрезвычайно значимы⁹.

Так, французские просветители в своей философии истории основывались на Разуме: историческая эволюция предстает у них как прогрессивное движение, которое определяется борьбой Разума с фанатизмом, невежеством и предрассудками.

Русские же последователи Вольтера делают акцент не на Разуме, а на Культуре: они исходят не из рационального начала, а из ориентации на передовую (прогрессивную) культуру, т. е. из представлений об исторических закономерностях эволюции цивилизации. По словам П. И. Макарова, эпигона Карамзина, мы (русские) должны научиться «умствовать как Французы, как Немцы, как нынешние просвещенные народы»¹⁰.

Разница очевидна. Мы должны мыслить, говорят французские просветители. Мы должны мыслить как европейцы, говорят их русские последователи. Речь идет, таким образом, не о непосредственной апелляции к Разуму, а об апелляции, так сказать, культурно опосредствованной. Они руководствуются не соображениями о природе разума (что соответствует или что противоречит человеческому разуму), а общими представлениями о характере культурной эволюции. Европейская культура (культура «просвещенных народов») представляется естественным и органическим выражением развития ума и нравов, и следовательно, для того чтобы научиться «умствовать как [...] нынешние просвещенные народы», необходимо усвоить их культуру. Вообще говоря, этот вывод никак не следует из посылки, и, по существу, апелляция к Разуму подменяется здесь апелляцией к (правильной) Культуре, в которой усматривается его выражение: ориентиром выступает не Разум как таковой, а культурно обусловленные формы мышления и поведения.

Содержание и форма (причина и следствие) меняются местами: предполагается, что необходимо усвоить

формы выражения, присущие прогрессивной культуре, для того чтобы было усвоено само содержание, обусловившее эти культурные формы¹¹. Это проявляется как в исторических концепциях (в оценке петровских реформ), так и в отношении к другим культурам (в отношении к Западу и Востоку). Вера в Разум, столь характерная для французских просветителей, подменяется верой в Культуру — которая может принимать при этом иррациональный характер.

Сказанное объединяет Пушкина и Карамзина. Они исходят, в сущности, из одной концепции, меняется лишь перспектива рассмотрения: Карамзин в «Письмах русского путешественника» говорит о прошлом, Пушкин в «Путешествии в Арзрум» — о настоящем. Карамзин противопоставляет допетровскую Россию и Запад, Пушкин противопоставляет европейскую Россию и Восток: подобно тому, как французская культура могла считаться прогрессивной в перспективе России, русская культура считается прогрессивной в перспективе Востока.

Это различие между французскими просветителями и их русскими учениками (в данном случае — Пушкиным), может быть, отчетливее всего сказывается в отношении к церкви и к христианской традиции. Антихристианская и антиклерикальная позиция французских просветителей общеизвестна (и это закономерно обусловило введение новых форм культа во время Французской революции); церковь является для них главным врагом прогресса и просвещения¹².

Между тем позиция Пушкина — совершенно иная. Христианство для него — это эпоха цивилизованной истории. Нецивилизованные народы находятся на древнем этапе своей истории и должны будут принять христианство, и церковь в этой перспективе неожиданно предстает как источник прогресса и просвещения¹³. По словам Пушкина, «величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. [...] История новейшая есть история христианства. Горе стра-

не, находящейся вне европейской системы!»¹⁴. Соответственно, в письме к Чаадаеву от 19 октября 1836 г. Пушкин говорит о «христианской цивилизации (la civilisation Chrétienne)» — сочетание, которое Вольтеру должно было бы показаться оксюмороном!¹⁵

Вполне естественно с этой точки зрения, что такое отношение к христианству проявляется именно тогда, когда Пушкин говорит о Востоке — в частности, в произведениях кавказской тематики.

Так, в «Путешествии в Арзрум» Пушкин говорит о христианском просвещении как о действенном средстве приобщения кавказских народов к европейской цивилизации: он говорит о проповеди Евангелия и необходимости отправления на Кавказ христианских миссионеров:

«Должно [...] надеяться, что приобретение восточного края Черного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться. Влияние роскоши может благоприятствовать их укрощению: самовар был бы важным нововведением. Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия. [...] Кавказ ожидает христианских миссионеров. Но легче для нашей лени в замену слова живого выливать мертвые буквы и посылать немые книги людям, незнающим грамоты»¹⁶. Это — не религиозная, а культуртрегерская позиция: проповедь Евангелия оказывается здесь в одном ряду с торговлей, самоваром и предметами роскоши.

Точно так же, например, в послесловии Пушкина к очерку «Долина Ажитугай», опубликованному в «Современнике», автором которого был черкес, офицер русской армии, мы читаем: «Любопытно видеть, [...] как [...] магометанин с глубокой думою смотрит на крест, *эту хоругвь Европы и просвещения*»¹⁷.

Столкновению христианской и мусульманской культуры специально посвящена, наконец, неоконченная поэма Пушкина «Тазит» (1829—1830 гг.), написание которой совпадает по времени с «Путешествием в Арзрум»¹⁸.

Таким образом, Пушкин осмысляет христианство в историософском ключе. С тех же позиций он полемизирует и с Чаадаевым, говоря на этот раз уже не о христианстве вообще, но о православии¹⁹. Равным образом и Чаадаев, выступая апологетом католицизма, говорит прежде всего о его значении для европейской — и, тем самым, мировой — культуры. Полемика Пушкина и Чаадаева — это не обычная полемика православного и католика, а полемика двух культуртрегеров: это спор не двух религий, а двух историософских концепций. Оба автора говорят о церкви как о культурном институте (но не как о теле Божием).

Итак, Пушкин, следуя французским просветителям, противопоставляет передовые (прогрессивные) культуры — культурам отсталым, невежественным, причем понятие прогресса органически связывается у него с европейской цивилизацией²⁰.

Позиция Толстого — совершенно иная: как и Руссо, он противопоставляет культуру — не-культуре, т. е. естественному состоянию человека, не отягощенному условными формами цивилизации. Основная проблема у Толстого — проблема искренности, моральной честности (которая имеет индивидуальный, личностный, а не социальный характер). Основной конфликт в его произведениях — это конфликт между искренностью и фальшью. Толстой — в отличие, например, от Достоевского — не говорит в своих художественных произведениях об имманентной Правде и Лжи, он не говорит о Добре и Зле как таковых; его интересует другое — органичность, естественность человеческого поведения. Толстой не говорит нам о Боге, как не говорит вообще ни о чем абсолютном: речь идет не о том, чтобы быть искренним перед Богом, а о том, чтобы быть искренним перед самим собой. Проблема Добра и Зла решается у него как проблема естественного и искусственного (условного).

Герои его произведений делятся на искренних и фальшивых — носителей правды и выразителей лжи. Путь

героя — моральное совершенствование, освобождение от фальши. Поскольку это представлено как оппозиция естественного и искусственного, народ может оказываться носителем моральных ценностей, но это не социальный конфликт — это конфликт естественного и искусственного, Природы и Цивилизации²¹.

При этом, в отличие от Руссо, Толстой не говорит о первобытном состоянии общества: он вообще не исходит из утопической идеи совершенного состояния общества: его интересует не естественное общество (которое является чистой и несбыточной утопией), а естественный человек. Все социальные формы жизни — условны и потому фальшивы. Отсюда определяется еще одно отличие Толстого от Руссо (сближающее его отчасти с Мейстером Экхартом): его принципиальная антисемиотичность²². Мы облакаем наши мысли и чувства в знаки, мы выражаем их с помощью навязанных нам условных средств выражения, и в результате форма неизбежно оказывается не адекватной содержанию. Вместе с тем, когда мы общаемся с другими людьми, мы смотрим на себя со стороны — глазами другого человека, — и это заставляет нас играть роль, надевать социальную маску, т. е., опять-таки, лгать²³.

Так определяется отношение Толстого к языку как средству социального общения. Это отношение — резко отрицательное: язык принуждает нас лгать. Это парадоксально для писателя, и это определяет внутренний конфликт Толстого как личности: сам процесс литературного творчества входит в противоречие с его идеологией. В результате этого конфликта Толстой в конце концов перестает писать.

Совершенно так же определяется отношение Толстого и к культуре как к условным (искусственным) формам социального существования. Толстой борется со знаковым характером языка и культуры, однако как язык, так и культура представляют собой не что иное, как системы знаков; можно сказать, таким образом, что Толстой борется с языком и культурой — постольку,

поскольку они могут вступать в конфликт с естественным состоянием человека.

Итак, Толстой противопоставляет Культуру и Не-Культуру. Это в принципе открывает возможность одинаковой оценки разных культур (с позиции Толстого они могут, видимо, оцениваться в равной мере отрицательно).

Но вернемся к Пушкину. Я говорил, что его позиции в значительной мере определяются тем мировосприятием, которое появляется в России после победы над Наполеоном. Отношение к Наполеону в России — как правило, резко отрицательное, и это один из ярких пунктов расхождения между русскими и поляками²⁴. Такое отношение становится одной из константных характеристик русской культуры. Отрицательное отношение к Наполеону объединяет самых разных русских писателей, в частности таких, как Пушкин, Толстой и Достоевский. Оно прослеживается как в прямых оценках (ср. стихотворения Пушкина, посвященные Наполеону²⁵, или образ Наполеона в «Войне и мире» Толстого), так и в литературных героях: достаточно вспомнить Германна в «Пиковой даме» Пушкина и Раскольникова в «Преступлении и наказании» Достоевского (при этом образ Раскольникова непосредственно восходит к образу Германна)²⁶. Это отношение, кстати сказать, может определять отрицательное отношение к декабристам и декабристскому кругу; оно особенно ярко проявляется в отношении к Ермолову, который явно играл в Наполеона²⁷; кстати сказать, не к нему ли относятся пушкинские строки в «Евгении Онегине», II, 14 («Мы все глядим в Наполеоны [...]»)?

Победа над Наполеоном воспринимается в контексте актуального для русского самосознания противопоставления Востока и Запада, но при этом в разные исторические эпохи она может осмысляться по-разному. Об отношении Пушкина я уже говорил: победа над французами воспринималась как одно из основных событий

русской истории; вместе с тем после победы над Наполеоном Россия воспринимается как великая европейская держава, один из центров европейской цивилизации (тогда как Франция становится провинцией Европы — в сущности, тем, чем была ранее Россия). «Для поколения декабристов, Грибоедова и Пушкина с 1812 г. начиналось вступление России в мировую историю»²⁸. В этом смысл слов Пушкина, обращенных к Наполеону:

Хвала! он русскому народу
Высокий жребий указал [...]²⁹

В «Полтаве» (песнь I) Пушкин именует Наполеона «мужем рока», и это наименование таит в себе сознательную двусмысленность: Наполеон и баловень Судьбы, и орудие Судьбы, и в контексте «Полтавы» возможны как та, так и другая интерпретация:

Он [Карл] шел путем, где след оставил
В дни наши новый, сильный враг,
Когда падением ославил
Муж рока свой попятный шаг³⁰.

Положение меняется после Крымской войны 1854—1856 гг., когда Россия терпит поражение от союзных войск Франции, Англии, Турции и Сардинии (Толстой начинает «Декабристов» с сопоставления войны с Наполеоном и Крымской войны: «Состояние, два раза повторившееся для России в XIX столетии: в первый раз, когда в двенадцатом году мы отшлепали Наполеона I, и во второй раз, когда в пятьдесят шестом году нас отшлепал Наполеон III»³¹).

С европоцентристской позицией Пушкина любопытно сопоставить позицию Достоевского в «Дневнике писателя» (1881 г.). Отвечая на голоса: «Какая необходимость в грядущем захвате Азии? Что нам в ней делать?» — Достоевский говорит:

«Потому необходимость, что Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. [...]

Надо прогнать лакейскую боязнь, что нас назовут в Европе азиатскими варварами и скажут про нас, что мы азиаты еще более чем европейцы. Этот стыд, что нас Европа сочтет азиатами, преследует нас уж чуть не два века [с петровского времени]. [...] Этот ошибочный стыд наш, этот ошибочный наш взгляд на себя единственно как только на европейцев, а не азиатов (каковыми мы никогда не переставали пребывать), — этот стыд и этот ошибочный взгляд дорого, очень дорого стоили нам в эти два века, и мы заплатились за него и утратою духовной самостоятельности нашей, и неудачной европейской политикой нашей [...]. И чего-чего мы не делали, чтоб Европа признала нас за *своих*, за европейцев, за одних только европейцев, а не за татар. Мы лезли к Европе поминутно и неустанно, сами напрашивались во все ее дела и делишки. Мы то пугали ее силой, посылали туда наши армии “спасать царей”, то склонялись опять перед нею, как не надо бы было, и уверяли ее, что мы созданы лишь, чтоб служить Европе и сделать ее счастливою».

Далее Достоевский говорит, что мы должны были примириться с Наполеоном и разделить с ним мир: Франции принадлежал бы Запад, России — Восток, который сейчас завоевывает Англия. И он продолжает:

«Но мы все отдали за картинку. [...] Не мы ли способствовали укреплению германских держав, не мы ли создали им силу [...] Кончилось тем, что теперь всякий-то в Европе [...] держит у себя за пазухой давно уже припасенный на нас камень [...] Вот, что мы выиграли в Европе, столь ей служа? Одну ее ненависть! [...]

Но почему эта ее ненависть к нам, почему они все не могут никак в нас увериться раз навсегда, поверить в безвредность нашу, поверить, что мы их друзья и слуги, добрые слуги, и что даже все европейское назначение наше — это служить Европе и ее благоденствию. [...] Нет, они не могут увериться в нас! Главная причина именно в том состоит, что они не могут никак нас *своими* признать.

Они ни за что и никогда не поверят, что мы воистину можем участвовать вместе с ними и наравне с ними в дальнейших службах их цивилизации. Они признали нас чуждыми своей цивилизации, пришельцами, самозванцами. Они признают нас за воров, укравших у них их просвещение, в их платье перерядившихся»³².

Как видим, позиции Пушкина и Достоевского полярно противоположны. Отчасти это объясняется тем, что они представляют разные исторические периоды: позиция Пушкина характерна для первой половины XIX в. (после победы над французами, когда Россия приняла участие в европейском альянсе), позиция Достоевского — для второй половины (когда Россия потерпела поражение в Крымской войне от союзных сил Европы, объединившихся с Турцией). Тем не менее, при всем различии этих позиций в них есть общее: в обоих случаях роль России вписывается в противопоставление Запада и Востока. Пушкин воспринимает Восток через Запад, в западной перспективе³³; при этом Кавказ для него представляет ту часть Востока, которая находится в пределах Российской империи и которую можно воочию наблюдать. Достоевский, напротив, воспринимает Запад через Восток, в восточной перспективе. Толстой же, как я уже говорил, вообще снимает это противопоставление.

Примечания

¹ «Путешествие в Арзрум» существенно отличается по стилю от пушкинского «Кавказского пленника» и в какой-то мере, может быть, ему противопоставлено как произведение подчеркнуто не-романтическое (в этом отношении любопытен отзыв о «Кавказском пленнике» в первой главе «Путешествия...»: «Все это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено верно» — Пушкин, VIII, с. 451). Следует иметь в виду при этом, что «Путешествие...» — произведение принципиально иного жанра, где автор выступает не в роли романтического Поэта, а в роли автора путевых очерков, который описывает то, что действительно было, не обращая к своему воображению.

Если в поэзии Пушкин старался следовать сложившейся литературной традиции, то проза его носит экспериментальный характер: он создает образцы прозаического повествования в разных жанрах, и его прозаические тексты существенно отличаются друг от друга по стилистическим характеристикам. Это оттого, что русская литература начинается с поэзии: прозу фактически создают Карамзин и Пушкин. Характерно в этом смысле замечание Пушкина, относящееся к Радищеву: «[...] Радищев писал лучше стихами, нежели прозою. В ней не имел он образца, а Ломоносов, Херасков, Державин и Костров успели уже обработать наш стихотворный язык» (Пушкин, XII, с. 35). Многоточия в цитатах здесь и далее принадлежат автору настоящей работы (а не автору цитируемого текста), если не оговорено обратное.

² Точно так же оправдано в этих условиях и подчинение Польши (которая может ассоциироваться именно с Востоком, см.: Лотман, 1988/1997, с. 615).

³ Карамзин, 1984, с. 253—254. Курсив Карамзина.

⁴ «Le Spectateur du Nord, Journal politique, littéraire et moral». Hamburg, 1797, № 10; см.: Карамзин, 1984, с. 453, 460. Вслед за тем Карамзин, однако, замечает, как бы полемизируя сам с собой: «Но здесь другие идеи и новые образы теснятся в моем уме: достаточно ли прочны сооружения, воздвигаемые с излишней поспешностью? Шествие Природы не является ли всегда постепенным и медленным? Блистательная иррегулярность может ли быть устойчивой и прочной? Вырастают ли великие люди из детей, которые с самого раннего возраста обучаются слишком многому?.. Я умолкаю». Реформы Петра таят в себе опасность быстрого роста, они нарушают естественные процессы эволюции и чреваты опасностями. Впоследствии Карамзин изменит свой взгляд на петровские реформы и скажет: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр» («Записка о древней и новой России» — Карамзин, 1991, с. 35).

Это замечание, надо полагать, связано с событиями Французской революции, поставившей вопрос о соотношении эволюционного и революционного процесса, проявляющегося в виде катаклизмов: реформы Петра воспринимаются современником Французской революции в свете того, что происходит во Франции. Отметим в этой связи, что именно под влиянием идеологии Просвещения после Французской революции ме-

няется значение слова *революция*: если ранее (в прямом соответствии со своей этимологией) это слово означало реставрацию, поворот колеса, т. е. возвращение вспять (отвечающее представлению о циклическом движении времени), то после революции оно начинает пониматься в связи с прогрессивным (линейным) движением времени, как поступательное движение вперед, как скачкообразное, упреждающее развитие событий — что предполагает, в свою очередь, быстрое приближение к какой-то цели, этапу, рубежу. См.: Koselleck, 1979, с. 69—78, ср. с. 60—61; Успенский, 1996, с. 65—66.

⁵ «Россия вспрынет ото сна [...]» («К Чадаеву [Чаадаеву]» — Пушкин, II, с. 72).

⁶ Карамзин, III, с. 649. Курсив Карамзина.

⁷ Condorcet, 1797, с. 257. Ср.: Лотман и Успенский, 1984, с. 533.

⁸ Речь идет о Вольтере-философе. К Вольтеру как человеку Пушкин относился с презрением: «Вольтер, во все течение долгой своей жизни, никогда не умел сохранить своего собственного достоинства», — говорит Пушкин о Вольтере («Вольтер» — Пушкин, XII, с. 80). Вместе с тем, он говорит о «неимоверном» влиянии Вольтера на новую европейскую культуру («О ничтожестве литературы русской» — Пушкин, XI, с. 272).

⁹ См.: Успенский, 2001, с. 396 сл.

¹⁰ Макаров, 1803, с. 170.

¹¹ См.: Лотман, 1996, с. 14—15. Характерным образом молодой Третьяковский переводит прециозный роман Поля Талемана, произведение французской салонной культуры (Талеман, 1730), не потому, что в России была такого рода культура, а именно для того, чтобы создать здесь нечто аналогичное французскому салону (см.: Лотман, 1985/1997, с. 175; Успенский, 1994, с. 131). Если в обычной ситуации тексты возникают в некотором контексте, мотивирующем их появление, то в данном случае, наоборот, — создание текста призвано предшествовать возникновению соответствующего контекста. Ср. в этой связи: Успенский, 1998, с. 6—7; Успенский, 2001, с. 381 сл.

¹² Достаточно напомнить призыв Вольтера «раздавить Гадину» (*écraser l'Infâme*) в письме Д'Аламберу от 30 октября 1760 г. или статью «Каннибализм» (*Anthropophagie*) в первом томе «Энциклопедии» — с отсылкой к статье «Евхаристия». См.: Дарнтон, 2001, с. 440, 442.

¹³ Ср. аналогичные мысли М. П. Погодина (Погодин, 1836, с. 7). См.: Годдес, 1973, с. 67.

¹⁴ Заметки о втором томе «Истории русского народа» Николая Полевого (Пушкин, XI, с. 127).

¹⁵ Пушкин, XVI, с. 171, 392.

¹⁶ Пушкин, VIII, с. 449. Последняя фраза, по всей видимости, — выпад против деятельности Библейского общества и конкретно против митрополита Филарета.

¹⁷ Пушкин, XII, с. 25. Курсив Пушкина (слова, выделенные курсивом, — цитата из очерка).

¹⁸ См.: Годдес, 1973. То, что Тазит — христианин, видно по черновым вариантам поэмы.

¹⁹ Так, в письме к Чаадаеву 19 октября 1836 г. (написанном в день двадцатипятилетней годовщины основания Лицея!) Пушкин говорит: «[...] Я далеко не во всем согласен с вами. Нет сомнения, что Схизма [разделение церквей] отделила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясали, но у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех. [...] Наше духовенство, до Феофана, было достойно уважения, оно никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда не вызвало бы реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве. Согласен, что нынешнее наше духовенство отстало. Хотите знать причину? Оно носит бороду, вот и все. Оно не принадлежит к хорошему обществу» (Пушкин, XVI, с. 171—172, 392—393). Ср. о том же в статье «О ничтожестве литературы русской» (1834 г.): «Долго Россия оставалась чуждою Европе. Приняв свет христианства от Византии, она не участвовала ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности римско-кафолического мира. Великая эпоха возрождения не имела на нее никакого влияния; рыцарство не одушевило предков наших чистыми восторгами, и благодетельное потрясение, произведенное кре-

стовыми походами, не отозвалось в краях оцепеневшего севера... России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработченную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией... [*Примечание*: А не Польшею, как еще недавно утверждали европейские журналы; но Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна]» (Пушкин, XI, с. 268).

²⁰ Это противопоставление представлено и в его романтических произведениях: восточная культура предстает здесь прежде всего как странная (экзотическая, дикая), но никоим образом не как естественная. Романтическая позиция Пушкина может сближаться с позицией Руссо, но остается существенно от нее отличной. Вместе с тем романтизм может проявляться в противопоставлении романтического героя — дикой природе.

²¹ В «Хаджи Мурате», например, противопоставляются не русские и горцы: противопоставляются люди, поведение которых подчиняется естественным стремлениям и психология которых так или иначе понятна (это могут быть представители русских и горцев, высших и низших социальных слоев), и люди, которые подчинены социальным условностям, которые живут в искусственном мире норм. То же характерно и для других произведений Толстого. В первом случае описывается обычно (но не всегда) внутренняя жизнь персонажей, во втором они могут быть показаны как автоматы (как куклы, ср.: Гиппиус, 1966; Успенский, 2000, с. 257—259).

²² Ср. в этой связи: Pomorska, 1982.

²³ С этим в конечном итоге связан и прием «остранения», столь важный для творчества Толстого.

²⁴ О религиозном поклонении поляков Наполеону пишет Герцен в «Былом и думах» (ч. V, гл. 36 — Герцен, X, с. 41—42).

²⁵ «Наполеон на Эльбе», «Наполеон», ср. также оду «Вольность» и др. Вообще об отношении Пушкина к Наполеону см.: Лотман, 1981/1995, с. 87—88; Лотман, 1980/1995, с. 600; Лотман, 1988/1997, с. 610; Лотман, 1967/1997, с. 763.

²⁶ См.: Лотман, 1975/1995, с. 803. Ср. в этой связи: Лотман, 1962/1997, с. 555; Лотман, 1979/1995, с. 278—280; Лотман, 1988а/1997, с. 684.

²⁷ Грибоедов в письмах называет Ермолова «г. проконсулом Иберии». В другом письме, явно сравнивая Ермолова с Наполеоном, Грибоедов говорит: «Есть одно обстоятельство, которое покажет, дорожит ли он людьми [...] Притом тьма красноречия, а не нынешнее отрывчатое, несвязное, наполеоновское риторство» (Грибоедов, 1953, с. 481, 397, ср. с. 381, 406).

²⁸ Лотман, 1988/1997, с. 610.

²⁹ «Наполеон» (Пушкин, II, с. 216).

³⁰ Пушкин, V, с. 23. И в другом месте Пушкин называет Наполеона аналогичным образом: «Явился Муж судеб, рабы затихли вновь [...]» («Зачем ты послан был и кто тебя послал?» — Пушкин, II, с. 314). Ср., наконец, в X главе «Евгения Онегина»: «Сей муж судьбы, сей странник бранный [...]» — Пушкин, VI, с. 522).

³¹ Толстой, III, с. 349.

³² Достоевский, XXVII, с. 33—35. Курсив Достоевского.

³³ См. в этой связи: Успенский, 1999.

Цитируемая литература

Герцен, I—XXX — *А. И. Герцен*. Собрание сочинений в тридцати томах, т. I—XXX. М., 1954—1965.

Гиппиус, 1966 — *В. В. Гиппиус*. Люди и куклы в сатире Салтыкова. — В изд.: *В. В. Гиппиус*. От Пушкина до Блока. М.—Л., 1966.

Грибоедов, 1953 — *А. С. Грибоедов*. Сочинения. [Подгот. текста, предисл. и коммент. Вл. Орлова]. М., 1953.

Дарнтон, 2001 — *Роберт Дарнтон*. История — журналистика — антропология. — В изд.: «История продолжается: Изучение восемнадцатого века на пороге двадцать первого». Сост. и отв. ред. С. Я. Карп. М.—СПб.—Ферней-Вольтер, 2001 (с. 416—452).

Достоевский, I—XXX — *Ф. М. Достоевский*. Полное собрание сочинений в тридцати томах, т. I—XXX. Л., 1972—1990.

Карамзин, I—III — [*Н. М.*] *Карамзин*. Сочинения, т. I—III. СПб., 1848.

Карамзин, 1984 — *Н. М. Карамзин*. Письма русского путешественника. Изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984.

- Карамзин, 1991 — *Н. М. Карамзин*. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М., 1991.
- Лотман, 1962/1997 — *Ю. М. Лотман*. Истоки «толстовского направления» в русской литературе 1830-х годов. — «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 119 («Труды по русской и славянской филологии», V). Тарту, 1962 (с. 3—77). Цит. по изд.: Лотман, 1997 (с. 548—593).
- Лотман, 1967/1997 — *Ю. М. Лотман*. Литературоведение должно быть наукой. — «Вопросы литературы», 1967, № 1 (с. 90—100). Цит. по изд.: Лотман, 1997 (с. 756—765).
- Лотман, 1975/1995 — *Ю. М. Лотман*. Тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века. — «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 365 («Труды по знаковым системам», VII). Тарту, 1975 (с. 120—142). Цит. по изд.: Лотман, 1995 (с. 786—814 — под заглавием: «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века).
- Лотман, 1979/1995 — *Ю. М. Лотман*. «Повесть о капитане Копейкине» (Реконструкция замысла и идейно-композиционная функция). — «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 467 («Труды по знаковым системам», XI). Тарту, 1979 (с. 26—43). Цит. по изд.: Лотман, 1995 (с. 266—280).
- Лотман, 1980/1995 — *Ю. М. Лотман*. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Пособие для учителя. Л., 1980. Цит. по изд.: Лотман, 1995 (с. 472—762).
- Лотман, 1981/1995 — *Ю. М. Лотман*. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя. Пособие для учителя. Л., 1981. Цит. по изд.: Лотман, 1995 (с. 21—184).
- Лотман, 1985/1997 — *Ю. М. Лотман*. «Езда в остров любви» Тредиаковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII века. — В изд.: «Проблемы изучения культурного наследия». М., 1985 (с. 222—230). Цит. по изд.: Лотман, 1997 (с. 168—175).
- Лотман, 1988/1997 — *Ю. М. Лотман*. «Фаталист» и проблема Востока и Запада в творчестве Лермонтова. — В изд.: «В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. Книга для учителя». М., 1988 (с. 5—22). Цит. по изд.: Лотман, 1997 (с. 605—620).
- Лотман, 1988а/1997 — *Ю. М. Лотман*. О Хлестакове. — В изд.: «В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Го-

- голь. Книга для учителя». М., 1988 (с. 293—324). Цит. по изд.: Лотман, 1997 (с. 659—688).
- Лотман, 1995 — Ю. М. Лотман. Пушкин (Биография писателя. Статьи и заметки 1960—1990. «Евгений Онегин»: Комментарий). СПб., [1995].
- Лотман, 1996 — Ю. М. Лотман. Очерки по истории русской культуры XVIII — начала XIX века. — В изд.: «Из истории русской культуры», т. IV (XVIII — начало XIX века). М., 1996 (с. 11—346).
- Лотман, 1997 — Ю. М. Лотман. О русской литературе: Статьи и исследования 1958—1993 (История русской прозы. Теория литературы). СПб., [1997].
- Лотман и Успенский, 1984 — Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры. — В изд.: Карамзин, 1984 (с. 525—606).
- Макаров, 1803 — [П. И. Макаров]. Критика на книгу под названием «Разсуждение о старом и новом слоге Российского языка» [А. С. Шишкова], напечатанную в Петербурге, 1803 года, в 8-ю долю листа. — «Московский Меркурий», 1803, ч. IV, декабрь (с. 155—198).
- Погодин, 1836 — М. П. Погодин. Исторические афоризмы. М., 1836.
- Пушкин, I—XVI — [А. С.] Пушкин. Полное собрание сочинений, т. I—XVI. [М.—Л.], 1937—1949.
- Талеман, 1730 — [П. Талеман]. Езда в остров любви. Переведена с французского на руской чрез студента Василья Тредиаковского [...] [СПб.], 1730. Ср.: [P. Tallemant]. Le voyage de l'isle d'amour, à Licidas. Leyde, 1671.
- Тоддес, 1973 — Е. А. Тоддес. О незаконченной поэме Пушкина «Тазит». — «Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена [без обозначения тома]. Пушкинский сборник». Псков, 1973 (с. 59—76).
- Толстой, I—XII — Л. Н. Толстой. Собрание сочинений, т. I—XII. М., 1973.
- Успенский, 1994 — Б. А. Успенский. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI — XIX вв.). М., 1994.
- Успенский, 1996 — Б. А. Успенский. История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема). — В изд.: Б. А. Успенский. Избранные труды, т. I: Семиотика исто-

- рии, семиотика культуры. Изд. 2-е, испр. и переработ. М., 1996 (с. 10—70).
- Успенский, 1998 — Б. А. Успенский. Царь и патриарх: Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998.
- Успенский, 1999 — Б. А. Успенский. Пушкин и Восток. — «Russica Romana», vol. VI, 1999 (p. 87—98).
- Успенский, 2000 — Б. А. Успенский. Поэтика композиции. [Изд. 3-е]. СПб., 2000.
- Успенский, 2001 — Б. А. Успенский. Россия и Запад в XVIII в. — В изд.: «История продолжается: Изучение восемнадцатого века на пороге двадцать первого». Сост. и отв. ред. С. Я. Карп. М.—СПб.—Ферней-Вольтер, 2001 (с. 375—415).
- Condorcet, 1797 — [*Jean-Antoine-Nicolas de Caritat, marquis de Condorcet*]. Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain. Ouvrage posthume. [Sine loco]., 1797.
- Koselleck, 1979 — *Reinhart Koselleck*. Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. [Frankfurt am Main, 1979].
- Pomorska, 1982 — *Krystyna Pomorska*. Tolstoy — contra semiosis. — «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics», vol. 25—26, 1982 (p. 383—390).

ВРЕМЯ В ГОГОЛЕВСКОМ «НОСЕ» («Нос» глазами этнографа)

Никоторого числа. День был без числа.
(Гоголь. «Записки сумасшедшего»)

Малороссийские и петербургские повести Гоголя отчетливо противопоставлены по своему стилю. Первые связаны с фольклорно-этнографической традицией, во вторых эта связь совсем не столь очевидна. Тем не менее, она прослеживается и здесь: этнограф, внимательно читающий «Петербургские повести», не может не заметить в ряде случаев сходства образов Гоголя с образами народной мифологии.

Наглядной иллюстрацией может служить концовка «Шинели»: коломенский будочник видит привидение, которое по мере удаления от него становится выше ростом (с. 174, ср. с. 461)¹. Это отвечает образу лешего, который может увеличиваться в размерах по мере удаления от смотрящего на него человека, создавая, так сказать, эффект обратной перспективы². На этом примере видно, что фантастика в «Петербургских повестях» совсем не всегда принимает гофманианские формы, она может иметь фольклорный характер.

В некоторых случаях этнографический комментарий позволяет лучше понять не только отдельные образы (как мы это видели на примере «Шинели»), но и самый сюжет произведения. Мы постараемся показать это на примере гоголевского «Носа»: речь пойдет о времени как сюжетобразующем — или, говоря точнее, сюжетомотивирующем — факторе в этой повести.

Цирюльник Иван Яковлевич обнаруживает нос майора Ковалева 25 марта (с. 49). В этот день церковь отмечает

праздник Благовещения. Праздник этот, как правило, приходится на Великий пост, и Иван Яковлевич находит нос в хлебе, который дает ему супруга. На Благовещение во время поста, правда, разрешена рыба, но ни в коем случае не мясо; тем более нос в хлебе оказывается чем-то едва ли не кошунственным. Как говорит Иван Яковлевич, «хлеб — дело печеное, а нос совсем не то» (с. 50). Так для читателя вводится тема кошунства, актуальная вообще для этого произведения³. Мотив антропофагии, чуть было не осуществившейся, — ужасный сам по себе — усугубляется тем обстоятельством, что это могло произойти в Великий пост, да еще и на двенадесятый праздник.

Майор Ковалев обретает нос на своем лице 7 апреля (с. 73). В настоящее время это тот же день Благовещения, но по григорианскому, а не юлианскому календарю: 7 апреля по новому стилю соответствует 25 марта по старому. В XIX в. разница между григорианским и юлианским календарем составляла не тринадцать дней (как в XX и XXI вв.), а двенадцать, следовательно Благовещение приходилось на 6 апреля нового стиля: значит, майор Ковалев обретает свой нос на следующий день после Благовещения по новому стилю.

Итак, нос исчезает с лица майора в день Благовещения по старому стилю и появляется вновь на следующий день после Благовещения по новому стилю. Едва ли это случайно. Но как объяснить это совпадение?

Кажется, что разгадка кроется в народных поверьях, связанных с восприятием времени.

Следует иметь в виду, что в районах межконфессионального пограничья, где в непосредственной близости и контакте живут православные, пользующиеся юлианским календарем, и католики, пользующиеся календарем григорианским, промежуток времени, отделяющий одноименные православные и католические праздники, может считаться «нечистым», как бы несуществующим, — подобно Касьянову дню и другим дням, в которых может быть усмотрено искусственное вмешательство человека в естественный временной процесс.

Касьянов день (29 февраля старого стиля) считался особенно опасным, и всякая деятельность в этот день могла приводить к отрицательным последствиям. В некоторых местах в этот день было принято спать до обеда, чтобы таким образом переспать самое опасное время⁴, — иначе говоря, предполагался как бы временный уход из жизни⁵. Отношение к Касьянову дню определило восприятие високосного года как несчастливого, опасного времени. Оно определило, наконец, и восприятие самого св. Касьяна, который может пониматься как враг рода человеческого и так или иначе ассоциируется вообще с нечистой силой⁶; этот образ Касьяна отразился в гоголевском «Вие»⁷. Подобно Касьянову дню, неблагоприятным считался в свое время дополнительный 13-й месяц, который вставлялся при счислении времени по луне через каждые 2 года во избежание смещения сезонных сроков по дням 12-месячного лунного года (так называемый «связанный» или лунно-солнечный тип лунного года — в отличие от «свободного» типа, принятого в мусульманских странах, когда год состоит всегда из 12 лунных месяцев). Отсюда объясняется, между прочим, представление о неблагоприятных свойствах числа 13⁸. Вообще всякое дополнительное время, обусловленное пересчетом дней, как правило, признается заведомо несчастливым, т. е. расценивается как б е з в р е м е н ь е⁹. Поэтому, видимо, в некоторых календарных системах число дней в месяце не могло превышать 30, в результате чего в тех месяцах, в которых был 31 день, считалось два первых числа¹⁰; известны и такие календари, где последний день месяца всегда называется «тридцатым» — даже и в том случае, когда число дней в месяце меньше 30¹¹.

Можно сказать, что это виртуальное, а не реальное время¹². Это время, которого нет: оно создано человеком, а не Богом, и, следовательно, здесь проявляется власть демонов, здесь могут происходить самые фантастические события. Именно таким образом воспринимался, в частности, в Белоруссии период времени между православным и католическим Благовещени-

ем¹³; несомненно, то же самое имело место и на Украине. Гоголь, специально интересовавшийся народными обычаями — мы знаем это не только по его художественным произведениям, но и по его многочисленным этнографическим выпискам¹⁴, — вполне мог быть знаком с такого рода поверьями.

Итак, период между 25 марта и 6 апреля (по новому стилю) — это виртуальное, «нечистое» время, и это отвечает тому, что происходит в данный период времени с майором Ковалевым. Но майор Ковалев, несомненно, жил по русскому (юлианскому) календарю: соотнесение даты нового и старого стиля едва ли могло быть для него актуально. Вместе с тем оно могло быть актуально для самого Гоголя, и мы можем предположить, что здесь представлено восприятие времени не героя повести, а ее автора: иначе говоря, здесь отражается а в т о р с к о е с о з н а н и е, а не сознание персонажа.

Слияние авторского времени (или, говоря точнее, времени рассказчика) с временем персонажа может выступать у Гоголя как осознанный прием. Так, в «Мертвых душах» автор пользуется случаем, чтобы дать характеристику Манилова в то время, когда Манилов ведет Чичикова в дом¹⁵. Точно так же Гоголь дает характеристику Ноздрева в то время, когда тот с Чичиковым едет к себе домой¹⁶. Равным образом история самого Чичикова в конце первого тома «Мертвых душ» рассказывается в то время, когда Чичиков спит в бричке, покидая губернский город N¹⁷. В «Мертвых душах» автор оказывается во времени персонажей, которых он описывает; в «Носе», напротив, персонажи оказываются в авторском времени.

Обратимся к истории текста. Первоначальный набросок повести относится к 1832 г. (с. 650), первая полная черновая редакция — к 1833–1834 гг. (с. 651), беловая рукопись, предназначенная для издания в «Московском наблюдателе» (сохранилось только начало этой рукописи), датируется 1835 г. (с. 652). Редакция московского журнала отказалась печатать повесть Гоголя (с. 652–653), по-

сле чего «Нос» в 1836 г. был опубликован в третьей книге «Современника». Наконец, последняя (окончательная) редакция «Носа» появляется в третьем томе «Сочинений» Гоголя 1842 г. Эта редакция и воспроизводится в настоящее время в изданиях гоголевского текста — с восстановлением цензурных купюр (в том числе и купюр, сделанных самим Гоголем из опасения цензурных запретов) и с устранением стилистической и грамматической правки, которая, как предполагается, не принадлежит автору.

Следует подчеркнуть, что текст повести, предназначенный для публикации, был завершен Гоголем до поездки за границу: в это время григорианский календарь едва ли был для Гоголя актуален, он вряд ли мыслил в этих терминах. Существенно при этом, что интересующие нас даты — 25 марта и 7 апреля — появляются лишь в окончательной редакции, опубликованной в 1842 г.

Гоголь работал над белой рукописью «Носа» с конца января по середину марта 1835 г. (с. 652–653). За границу он выезжает в июне 1836 г. и остается там до осени 1839 г., потом летом 1840 г. снова едет за границу и в октябре 1841 г. возвращается в Россию. Третья книга «Современника», в которой был опубликован «Нос», вышла осенью 1836 г.¹⁸, когда Гоголя уже не было в России.

Надо полагать, что интересующие нас изменения (отразившиеся в окончательной редакции «Носа») были внесены именно во время пребывания за границей. Естественно предположить при этом, что они были связаны с празднованием католического Благовещения, когда Гоголь особенно остро должен был почувствовать разницу во времени между православным и католическим праздником.

Благовещение он встречал в Риме в 1837, 1838, 1839 и 1841 гг. По-видимому, в один из этих годов Гоголь и внес в текст повести соответствующие даты (25 марта и 7 апреля), придав сюжету новый поворот. Скорее всего, это случилось в 1837 г.: ведь Гоголь попадает в Рим 25 марта 1837 г. по новому стилю, когда папская столица отмечала день католического Благовещения¹⁹. Двенадцатью днями позже, 6 апреля по новому стилю, здесь же Го-

голь празднует православное Благовещение (по всей видимости, в русской посольской церкви); впервые он встречал его за границей. Эти впечатления и могли стимулировать выбор дат.

В общей сложности Гоголь работал над «Носом» около десяти лет. Любопытно, что в течение этой работы он несколько раз меняет датировку событий. Рассмотрим, как именно это происходит.

В нашем распоряжении имеются следующие тексты:

I. Первоначальный набросок 1832 г.²⁰ Утрата носа происходит здесь «23 числа 1832-го года» (с. 380), когда был обретен нос — неизвестно (конца нет). Как видим, месяц утраты носа здесь не обозначен, возможно, по недосмотру автора.

II. Черновая рукопись 1833–1834 гг.²¹ Утрата носа «Сего февраля 23 числа» (с. 381); когда был обретен нос — точно не указано. Вместе с тем в конце есть фраза: «в продолжении месяца [оставаясь без носа, он] так исхудал и иссох, что был похож больше на мертвеца, нежели на человека и даже...» (с. 399). Как видим, если в предшествующей редакции не обозначен месяц, то в данном случае не обозначен год. Мы не знаем, что может означать дата «Сего февраля 23 числа» (которая повторяется затем в белой редакции 1835 г., см. ниже). Не исключено, что по первоначальному замыслу автора описываемые события происходили на масленной неделе (традиционном времени ряженья и кощунственных увеселений), но это не более чем гипотеза; во всяком случае в 1832–1834 гг. 23 февраля не приходилось на масленицу. Скорее всего, выбор даты имеет произвольный характер: автор принимает позицию рассказчика (хроникера), который считает нужным указать, когда именно и где происходило описываемое событие: «сего февраля 23 числа [...] в Петербурге». Отсутствие указания на год вместе с определением «сего февраля» дает понять, что действие происходило в том же году, в который ведется повествование.

III. Редакция, предназначенная для издания в «Московском наблюдателе» 1835 г.²²; рукопись не сохрани-

лась, до нас дошло только начало повести в этой редакции, а именно, первый лист белой рукописи (с. 649, 651–653). Утрата носа обозначена: «Сего февраля 23 числа» (с. 484); когда был обретен нос — неизвестно, поскольку конец рукописи отсутствует. Возможно, в этой редакции уже был эпилог к повести, который появляется затем в публикации «Современника»; именно в эпилоге и указывается дата утраты носа (см. ниже).

IV. Редакция «Современника» 1836 г.²³ Утрата носа «Сего апреля 25 числа» (с. 484); нос был обретен «в начале мая [...] 5 или 6 числа» (с. 399). Затрудняемся объяснить выбор этих дат. Обращает на себя внимание, что даты утраты и обретения носа довольно близко соответствуют разнице между юлианским и григорианским календарем (25 апреля по старому стилю соответствовало в XIX в. 7 мая по новому), но это, кажется, не более чем случайность.

V. Редакция «Сочинений» 1842 г.²⁴ Утрата носа: «Марта 25 числа» (с. 49); обретение носа происходит «апреля 7 числа» (с. 73).

Для наглядности представим это в виде таблицы:

<i>Редакция</i>	<i>Время создания текста</i>	<i>Время утраты носа</i>	<i>Время обретения носа</i>
Первоначальный набросок	1832 г.	«23 числа 1832-го г.»	Не известно (отсутствует конец повести)
Черновая рукопись	1833—1834 гг.	«Сего февраля 23 числа»	Не обозначено
Беловая рукопись	1835 г.	«Сего февраля 23 числа»	Не известно (отсутствует конец повести)
Печатное издание «Современника» 1836 г.	1836 г.	«Сего апреля 25 числа»	«в начале мая 5 или 6 числа»
Печатное издание «Сочинений» 1842 г.	Не позднее 1842 г.	«Марта 25 числа»	«апреля 7 числа»

Сопоставление разных редакций «Носа» показывает, что сюжет как таковой определяется с самого начала истории работы над текстом: меняется лишь трактовка описываемых событий. Уже в первоначальном черновом наброске (1832 г.) «начальные фразы повести совпадают везде почти буквально, исключая указания на время действия» (с. 650). Итак, сперва появляется сюжет, и уже потом к нему подгоняются даты; соответственно, работа над текстом оказывается связанной именно с трактовкой времени.

Мы видим, далее, что мотивировка сюжета претерпевает существенные изменения в процессе работы над текстом.

Первоначально все происходящее трактовалось как сновидение. Так, в первой полной редакции повести (известной по черновой рукописи 1833–1834 гг.) в конце говорится: «Впрочем все это, что ни описано здесь, виделось майору во сне» (с. 399)²⁵. Вместе с тем непосредственно перед этим сообщается, что майор Ковалев оставался без носа «в продолжении месяца» (с. 399); оказывается, это ему казалось во сне.

Таким образом становится понятным отсутствие в этой редакции даты обретения носа: все происходило во сне, который имел место, по-видимому, 23 февраля «сего» года.

Правда, начальная фраза повести «Сего февраля 23 числа случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие» (с. 381) относится, строго говоря, не к тому, что случилось с майором, а к тому, что произошло с цирюльником, но мы должны думать, видимо, что весь эпизод с цирюльником также относится ко сну майора Ковалева. (Или же странность состоит в том, что то, что майор видит во сне, с цирюльником происходит наяву? но это никак не видно из текста, между тем мы могли бы ожидать, что столь нетривиальное обстоятельство будет как-то отмечено.)

Надо сказать, что рассказ о цирюльнике не похож на сновидение майора. Действительно, уже первая фра-

за повести соотносится с позицией рассказчика, который едва ли может быть самым майором Ковалевым; о Ковалеве в повести говорится в 3-м лице, и при этом в остраненной перспективе. Нам открыто сознание действующих лиц²⁶: нам сообщается, например, что думал цирюльник, что думала его супруга. Это не соответствует сновидческому опыту; можно было бы объяснить это литературной условностью, но такое объяснение не кажется вероятным — в самом деле, в других произведениях Гоголя сны описываются иначе²⁷. Вообще представление всего того, о чем говорится в повести в виде сновидения, находится в явном противоречии с позицией рассказчика, которому дано знать переживания действующих лиц, и нет оснований думать, что это противоречие умышленное (предусмотренное автором)²⁸.

Трудно отделаться от впечатления, что фраза о сновидении представляет собой условную развязку, которая искусственно привязана к тексту. С осторожностью решаемся предположить, что мотив сновидения не входил в первоначальный замысел автора и появился более или менее случайно: сюжет нуждался в объяснении, и объяснение, которое автор предлагает читателю, оказывается достаточно тривиальным²⁹. Указание на то, что майор Ковалев оставался без носа в течение месяца, возможно, представляет собой реликт первоначального замысла.

Как бы то ни было, трактовка описываемых событий как сновидения делает излишним указание на то, когда именно нос вновь появился на лице майора Ковалева³⁰.

В редакции «Современника» — но, может быть, уже и в не дошедшей до нас рукописи, предназначенной для издания в «Московском наблюдателе», — Гоголь отказывается от такой интерпретации: мотив сновидения исчезает, и, соответственно, здесь оказывается обозначенной дата обретения носа. Как дата утраты носа, так и дата его обретения придают рассказу характер документального описания. Вместе с тем в эпилоге неожиданно

появляется сам автор, который выступает в качестве авторецензента, критически оценивая как описанные события, так и их изложение: «Чрезвычайно странная история! Я совершенно ничего не могу понять в ней. И для чего все это? К чему это? Я уверен, что больше половины в ней неправдоподобного. Не может быть, никаким образом не может быть, чтобы нос один сам собою ездил в мундире и притом еще в ранге статского советника! И неужели в самом деле Ковалев не мог смекнуть, что чрез газетную экспедицию нельзя объявлять о носе? [...] — И цирюльник Иван Яковлевич вдруг явился и пропал, неизвестно к чему, неизвестно для чего. — Я, признаюсь, не могу постичь, как я мог написать это? — Да и для меня вообще непонятно, как могут авторы брать такого рода сюжеты! К чему все это ведет? Для какой цели? Что доказывает эта повесть? Не понимаю, совершенно не понимаю. — Положим, для фантазии закон не писан, и притом действительно случается в свете много совершенно неизъяснимых происшествий; но как здесь?.. Отчего нос Ковалева?.. И зачем сам Ковалев?.. Нет, не понимаю, совсем не понимаю. Для меня это так неизъяснимо, что я... Нет, этого нельзя понять!» (с. 400).

Получается, что Гоголь снимает с себя ответственность как за происшедшее, так и за самую повесть: все это написалось как бы само собой, независимо от него, помимо его воли, и он сам удивляется, как это он мог такое написать. С одной стороны, он стремится к документальному изложению фактов (на это указывает хронология событий), с другой же стороны, он и сам не знает, в какой мере они отвечают действительности. «Я уверен, что больше половины в ней [повести] неправдоподобного», заявляет он, но мы не знаем, что именно относится к области неправдоподобного: таким образом допускается возможность того, что кое-что в ней и правдоподобно. «Положим, для фантазии закон не писан», говорит он, но тут же оговаривается, что «действительно случается в свете много совершенно неизъяснимых

происшествий». Проблема достоверности описываемых событий переводится в план авторского сознания: события представлены не столько как невероятные, сколько как непонятные. Это дает возможность затем связать события, происходящие с героями повести, с восприятием времени самого Гоголя.

Наконец, в «Сочинениях» 1842 г. история с исчезновением носа у майора Ковалева представлена как действительно имевшая место. Характерным образом в конце повествования вновь появляется цирюльник Иван Яковлевич, который с изумлением смотрит на нос майора, не ожидая найти его на своем месте (с. 73–74)³¹. Таким образом объединяются две параллельные сюжетные линии, и то, что произошло с майором Ковалевым, никак нельзя отнести к его сновидению³². В эпилоге читаем: «Вот какая история случилась в северной столице нашего обширного государства!». Правда, здесь говорится о неправдоподобности этой истории, но неправдоподобным оказывается прежде всего то, что Ковалев решил дать объявление в газете о пропаже носа: «Теперь только по соображении всего видим, что в ней [в этой истории] есть много неправдоподобного. Не говоря уже о том, что точно странно сверхъестественное отделение носа и появление его в разных местах в виде статского советника, — как Ковалев не смекнул, что нельзя чрез газетную экспедицию объявлять о носе?» (с. 75)³³. Здесь говорится и о непонятности происшедшего, но непонятность относится не столько к тому, что произошло, сколько к тому, как можно описывать подобные события: «Но что страннее, что непонятнее всего, это то, как авторы могут брать подобные сюжеты. Признаюсь, это уж совсем непостижимо, это точно... нет, нет, совсем не понимаю. Во-первых пользы отечеству решительно никакой; во-вторых... но и во-вторых тоже нет пользы. Просто я не знаю, что это...» (с. 75). Как видим, оба мотива — как мотив неправдоподобности, так и мотив непонятности — восходят к эпилогу, опубликованному в «Современнике», но акценты сместились,

трактовка их претерпела изменение: оба мотива тракуются прежде всего в социальном плане, с точки зрения соблюдения приличий. Финал повести в этой редакции начинается фразой: «Чепуха совершенная делается на свете. Иногда вовсе нет никакого правдоподобия [...]» — но из дальнейшего следует, что отсутствие правдоподобия заключается только в том, что 7 апреля нос снова появился на лице майора Ковалева (с. 73). Наконец, в заключительном абзаце повести Гоголь вполне определенно говорит о возможности подобных происшествий: «А однако же, при всем том, хотя, конечно, можно допустить и то, и другое, и третье, может даже... ну да и где ж не бывает несообразностей? — А все однакоже, как поразмыслишь, во всем этом, право, есть что-то. Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете; редко, но бывают» (с. 75).

Итак, как сюжет повести, так и ее композиция определились достаточно рано — по-видимому, уже в 1832 г. Вся последующая — десятилетняя — работа над текстом свелась к поискам мотивировки, которая определила бы отношение автора к описываемым событиям. Эта мотивировка оказывается связанной в конце концов с временем, в которое они — эти события — происходят.

Один из самых авторитетных исследователей творчества Гоголя — В. В. Гиппиус — писал в свое время: «От “Записок сумасшедшего” был один только шаг до самодовлеющего гротеска “Носа”. Оказалось, что “мир наизнанку” может быть изображен не только в свете безумного сознания героя, но и без всякой мотивировки — одним произволом автора»³⁴. Кажется, дело обстояло иначе: Гоголь именно нуждался в мотивировке.

Примечания

¹ Ссылки на страницы в тексте нашей работы без дополнительного указания источника здесь и далее относятся к III тому академического собрания сочинений Гоголя (см.: Гоголь, III).

² См. о лешем: Добровольский, 1908, с. 4; Толстой, 1995, с. 259. Вообще о способности лешего меняться в размерах см.: Зеленин, 1914—1916, с. 749, 804; Максимов, XVIII, с. 79—80; Балов, 1902, с. 87; Перетц, 1894, с. 8; Ушаков, 1896, с. 158; Чулков, 1782, с. 192; Кагаров, 1918, с. 15; Афанасьев, II, с. 330; Забелин, II, с. 302.

³ Ср. затем описание молитвы носа в Казанском соборе. См. ниже, примеч. 31.

⁴ См.: Максимов, XVII, с. 61.

⁵ См. вообще об ассоциации сна и смерти в русских народных представлениях: Успенский, 1996, с. 23—25.

⁶ См.: Мендельсон, 1897; Чичеров, 1958; Максимов, XVII, с. 59—62; Назаревский, 1963, с. 10; Назаревский, 1969, с. 42—44.

⁷ См.: Назаревский, 1969.

⁸ См.: Степанов, 1909, с. 44.

⁹ Соответственно может объясняться семантика самого слова *безвремяе*, среди значений которого фигурируют такие, как 'бедовое время', 'беда', 'несчастье', 'горе', 'неудача', 'невзгодье', 'злыдни' и т. п. (см.: Даль, I, стлб. 148).

¹⁰ Ср.: Степанов, 1917, с. 30—31.

¹¹ См.: Бикерман, 1975, с. 24 и с. 95 (примеч. 28). — Ср. у Плутарха: «Гермес, [...] играя с луной в шашки, отыграл семнадцатую часть каждого из ее циклов, сложил из них пять дней и приставил их к тремстам шестидесяти; и до сих пор египтяне называют их «вставленными» и «днями рождения богов»» («Об Исиде и Осирисе», 12).

¹² Ср. фантастические даты (относящиеся именно к виртуальному времени) в «Записках сумасшедшего»: «Год 2000 апреля 43 числа» (с. 207), «Мартобря 86 числа» (с. 208), «Никоторого числа. День был без числа» (с. 210), «Числа не помню. Месяца тоже не было» (с. 210), «Февруарий тридцатый» (с. 211), «Январь того же года, случившийся после февраля» (с. 212). Существенно при этом, что «Записки сумасшедшего» явно перекликаются с «Носом»: так, здесь говорится о *носах*, живущих на луне отдельно от человека. Ср.: «[...] самая луна такой нежный шар, что люди никак не могут жить, и там теперь живут только одни носы. И потому-то самому мы не можем видеть носов своих, ибо они все находятся в луне» (с. 212).

¹³ См.: Никифоровский, 1897, с. 100, № 689; Federowski, I, с. 289, № 1519. Ср. также об аналогичном восприятии периода между православным и католическим днем св. Георгия (Никифоровский, 1897, с. 126, № 915, и с. 142, № 1047)

¹⁴ Эти выписки составили значительную часть девятого тома академического собрания сочинений (см.: Гоголь, IX, с. 415 и сл.). Об интересе Гоголя к «нечистому» времени особенно красноречиво свидетельствует «Ночь перед Рождеством»; ср. заметку о ночи накануне Рождества в его записной книжке 1846—1851 гг.: «Всяк заблудится, кто в это время в дороге» (Гоголь, VII, с. 361).

¹⁵ Эта характеристика заканчивается словами: «[...] мне пора возвратиться к нашим героям, которые стояли уже несколько минут перед дверями гостиной, взаимно упрашивая друг друга пройти вперед» (Гоголь, VI, с. 26).

¹⁶ Ср.: «Так как разговор, который путешественники вели между собою, был не очень интересен для читателя, то сделаем лучше, если скажем что-нибудь о самом Ноздрева [...]»; охарактеризовав Ноздрева, автор говорит: «Между тем три экипажа подкатили уже к крыльцу дома Ноздрева» (Гоголь, VI, с. 70, 72).

¹⁷ Ср.: «Наконец и дорога перестала занимать его, и он стал слегка закрывать глаза и склонять голову к подушке. Автор признается, этому даже рад, находя таким образом случай поговорить о своем герое [...]». Позднее, возвращаясь к прерванному повествованию, автор говорит: «Но мы стали говорить довольно громко, позабыв, что герой наш, спавший во все время рассказа его повести, уже проснулся и легко может услышать так часто повторяемую свою фамилию. Он же человек обидчивый и недоволен, если о нем изыясняются неуважительно» (Гоголь, VI, с. 222, 245).

¹⁸ Цензурное разрешение датировано сентябрем 1836 г., книга вышла в свет не позднее 9 октября (см.: Гоголь, XI, с. 14).

¹⁹ См.: Giuliani, 2002, с. 23, 255. Ранее считалось, что Гоголь приехал в Рим 26 марта 1837 г. (см.: Шенрок, III, с. 178; Гоголь, XI, с. 15), но в этот день — день католической Пасхи — Гоголь присутствовал на папской мессе в соборе св. Петра (см. письмо от 28/16 марта 1837 г. — Гоголь, XI, с. 89). Для того, чтобы успеть к мессе, он должен был приехать в Рим накануне — в субботу на страстной неделе по католическому календарю, на которую приходился в этом году праздник Благовещения.

²⁰ Сигла в академическом собрании сочинений: *РЛ*. См. здесь издание текста на с. 380—381.

²¹ Сигла в академическом собрании сочинений: *РЛ*₂. См. здесь издание текста на с. 381—399.

²² Сигла в академическом собрании сочинений: *РЛ*.

²³ Гоголь, 1836. Сигла в академическом собрании сочинений: *С*. См. здесь издание эпилога к повести на с. 399—400.

²⁴ Гоголь, 1842. Сигла в академическом собрании сочинений: *П*. Текст повести в академическом собрании сочинений (на с. 47—75) воспроизводит данную редакцию с восстановлением цензурных купюр по черновой рукописи 1833—1834 гг. и с поправками по изданиям: Гоголь, 1836; Гоголь, 1855.

²⁵ Этому предшествует следующий пассаж: «Он [Ковалев] начал шупать рукою, ущипнул себя, чтобы узнать, не спит ли он. Кажется, не спит...» (с. 385); это место представлено — в слегка переделанном виде — и в последующих редакциях (с. 53). И далее в черновой редакции 1833—1834 гг. читаем: «“[...] Ей богу, это невероятно. Может быть я сплю и мне все это снится”. Коллежский ассессор пальцем себя щипнул и сам чуть не вскрикнул от боли. “Нет, чорт возьми, я не сплю”. [...] Действительно, это происшествие было до невозможности невероятно, так что его можно было совершенно назвать сновидением, если бы оно не случилось в самом деле и если бы не представлялось множество самых удовлетворительных доказательств» (с. 395—396). В последующих редакциях это место читается в следующем виде: «“Невероятно, чтобы нос пропал; никаким образом невероятно. Это, верно, или во сне снится, или просто грезится; может быть, я как-нибудь ошибкою выпил вместо воды водку [...]”. — Чтобы действительно увериться, что он не пьян, майор ущипнул себя так больно, что сам вскрикнул. Эта боль совершенно уверила его, что он действует и живет наяву» (с. 64—65). Как видим, мотив сновидения отступает здесь на второй план, предстает, наряду с опьянением, лишь как одно из возможных объяснений случившегося; это отвечает тому, что в последующих редакциях повести, как мы увидим ниже, Гоголь отказывается от интерпретации описанного им происшествия как сновидения. В свою очередь, предположение о том, что майор Ковалев был пьян, соответствует тому, что думает о себе — в тех же последующих редакциях повести (начиная во всяком случае с редакции «Современника» 1836 г.) — цирюльник Иван Яковлевич: «“Чорт его знает, как это сделалось”, сказал он наконец, почесав рукою за ухом. “Пьян ли я вчера возвратился, или нет, уж наверное сказать не могу. А по всем приметам должно быть происшествие несбыточное [...]”» (с. 50). Как видим, оба героя — Иван Яковлевич и Ковалев — описываются одинаковым образом.

Этот параллелизм в их описании намечен уже в черновой редакции 1833—1834 гг. (ср., например: «Цирюльник Иван Федорович [sic!] проснулся довольно рано [...]», 381, ср. с. 49, «Коллежский ассессор Ковалев проснулся довольно рано [...]», с. 385, 52); «Но я виноват: давно бы следовало кое-что сказать об Иване Яковлевиче [...]», с. 383, ср. с. 51, «Но между тем необходимо сказать что-нибудь о Ковалеве [...]», с. 385, 53), здесь он получает дальнейшее развитие.

²⁶ Ср. в этой связи: Успенский, 2000, гл. IV (с. 138—170).

²⁷ Ср. описание сна Левка в «Майской ночи», Ивана Федоровича в «Иване Федоровиче Шпоньке и его тетушке» (Гоголь, I, с. 174—177, 307), Пискарева в «Невском проспекте» (с. 22—27) или Чарткова в «Портрете» (с. 89—91).

²⁸ Ср., например: «Иван Яковлевич был большой циник: и когда коллежский ассессор Ковалев говорил ему во время бритья по обыкновению каждый раз вечером: «У тебя, Иван Яковлевич, вечно воняют руки», то Иван Яковлевич отвечал на это вопросом: “Отчего ж бы им вонять?” — “Не знаю, братец, только воняют”, говорил коллежский ассессор, и Иван Яковлевич, понюхавши табаку, мылил ему за это щеки, и под носом, и за ухом, и под бороною, и везде где только ему была охота» (с. 383—384; ср. тот же эпизод и в последующих редакциях повести, с. 51). Точка зрения рассказчика явно отличается здесь как от точки зрения Ивана Яковлевича, так и от точки зрения Ковалева, и не приходится думать, что этот эпизод относится ко сну майора.

²⁹ По мнению В. В. Виноградова, Гоголь отказался от мотивировки случившегося как сновидения под влиянием рецензии на пушкинские «Повести Белкина», появившейся в «Северной пчеле» № 192 от 27 августа 1834 г. Рецензент, отмеченный инициалами «Р.М.», писал о «Гробовщике»: «Развязывать повесть пробуждением от сна героя — верное средство усыпить читателя. Сон — что это за завязка. Пробуждение — что это за развязка? Притом такого рода сны так часто встречались в повестях, что этот способ чрезвычайно как устарел». По словам Виноградова, «введение сна для развязки повести казалось литератору той эпохи избитым литературным приемом» (Виноградов, 1976, с. 37—38). Автором рецензии в «Северной пчеле» был, по-видимому, Фаддей Булгарин (ср.: Масанов, III, с. 11).

³⁰ Уже здесь вводится элемент кошунства, а именно посещение носом Казанского собора, где тот «с выражением ве-

личайшей набожности молился»; ср. затем: «[...] нос ни на минуту не оставлял набожного своего положения и отвешивал поклоны» (с. 388). Эта сцена была и в редакции 1835 г., и Гоголь отдавал себе отчет в том, что она может быть не пропущена цензурой. 18 марта 1835 г., отправляя рукопись в Москву, Гоголь писал Погодину: «Если в случае ваша глупая цензура привяжется к тому, что Нос не может быть в Казанской церкви, то, пожалуй, можно его перевести в католическую» (Гоголь, X, с. 355). При публикации в «Современнике» Гоголю пришлось перенести место встречи майора Ковалева с носом в Гостиный двор; он сделал это не вполне последовательно, и в тексте осталось указание на то, что молодая дама «слегка наклонялась и подносила ко лбу свою беленькую ручку» — очевидно, совершая крестное знамение (Гоголь, 1836, с. 65). Перерабатывая повесть для издания 1842 г., Гоголь не имел возможности восстановить ранее запрещенные места. В современных изданиях, начиная с издания 1928 г. (Гоголь, 1928), сцена в Казанском соборе восстанавливается по черновой рукописи 1833—1834 гг.

Итак, религиозный контекст присутствует уже в редакции 1833—1834 гг.; в редакции 1842 г., где исключено упоминание о Казанском соборе, он компенсируется указанием на календарную дату (праздник Благовещения). Фраза «хлеб — дело печеное, а нос совсем не то» появляется в редакции «Современника» 1836 г. (возможно, она присутствовала уже в утраченной белой рукописи 1835 г.), но в редакции 1842 г. она может ассоциироваться с тем, что описываемое событие приходится на Великий пост.

³¹ Между тем в редакции «Современника», как мы видели, говорилось в эпилоге, что Иван Яковлевич «явился и пропал, неизвестно к чему, неизвестно для чего».

³² Попытка объединить эти сюжетные линии прослеживается уже в редакции «Современника» (возможно, она имела место и в не дошедшей до нас редакции 1835 г.): рассуждая о том, как он мог потерять нос, майор Ковалев вспоминает, как его брил Иван Яковлевич: «[...] может быть, я как-нибудь ошибкою выпил вместо воды водку, которою вытираю после бритья себе бороду». И далее: «[...] никаким образом нельзя было предположить, чтобы нос был отрезан: никто не входил к нему в комнату; цырюльник же Иван Яковлевич брил его еще в среду, а в продолжение всей среды и даже во весь четверг нос у него был цел, — это он помнил и знал очень

хорошо [...]» (с. 65). Последняя фраза соотносится с указанием, что Иван Яковлевич брил Ковалева по средам и воскресеньям, которое читается уже в первой полной редакции повести 1833—1834 г., отсутствуя при этом в первоначальном наброске 1832 г.: «Он [Иван Яковлевич] узнал, что этот нос принадлежал коллежскому асессору Ковалеву, которого он брил каждую среду и воскресенье» (с. 382); аналогично и в последующих редакциях (с. 50).

³³ О невероятности того, что Ковалев мог обратиться в газетную экспедицию, говорилось и в эпилоге предшествующей редакции, но теперь это обстоятельство выдвигается на первый план: оно представлено как наиболее неправдоподобное событие во всей истории.

³⁴ См.: Гиппиус, 1966, с. 83.

Цитируемая литература

- Афанасьев, I—III — *А. Н. Афанасьев*. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов, ч. I—III. М., 1865—1869. Репринт: М., 1994.
- Балов, 1902 — *А. В. Балов*. Очерки Пошехонья: Верования. — ЭО, кн. LI, 1901, № 4 (выход в свет — 1902 г.; с. 81—134).
- Бикерман, 1975 — *Э. Бикерман*. Хронология древнего мира: Ближний Восток и античность. М., 1975.
- Виноградов, 1976 — *В. В. Виноградов*. Натуралистический гротеск: Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос». — В изд.: *В. В. Виноградов*. Поэтика русской литературы. М., 1976 (с. 5—44).
- Гиппиус, 1966 — *В. В. Гиппиус*. Творческий путь Гоголя. — В изд.: *В. В. Гиппиус*. От Пушкина до Блока. М.—Л., 1966 (с. 46—200).
- Гоголь, 1836 — *Николай Гоголь*. Нос: повесть. — «Современник: Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным», т. III. СПб., 1836 (с. 54—90).
- Гоголь, 1842 — *Н. В. Гоголь*. Нос. — В изд.: *Николай Гоголь*. Сочинения, т. III. СПб., 1842 (с. 81—132).
- Гоголь, 1855 — *Н. В. Гоголь*. Нос. — В изд.: *Гоголь*. Сочинения, т. III. СПб., 1855 (с. 75—122).

- Гоголь, 1928 — *Н. В. Гоголь*. Нос. — В изд.: *Н. В. Гоголь*. Сочинения. [Под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума]. М.—Л., 1928 (с. 226—238; комментарии на с. 616).
- Гоголь, I—XIV — *Н. В. Гоголь*. Полное собрание сочинений, т. I—XIV. [М.—Л.], 1937—1952.
- Даль, I—IV — *В. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. 4-е испр. и значительно дополн. изд. под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, т. I—IV. СПб. — М., 1911—1914.
- Добровольский, 1908 — *В. Добровольский*. Нечистая сила в народных верованиях (по данным Смоленской губ[ернии]). — ЖС, год XVII, 1908, вып. 1 (отд. I, с. 3—16).
- Забелин, I—II — *Иван Забелин*. История русского народа с древнейших времен, т. I—II. М., 1876—1879.
- Зеленин, 1914—1916 — *Д. К. Зеленин*. Описание рукописей Ученого архива имп. Русского географического общества, вып. I—III. Пг., 1914—1916. Продолжающаяся пагинация во всех выпусках.
- Кагаров, 1918 — *Е. Г. Кагаров*. Религия древних славян. М., 1918 («Культурно-бытовые очерки по мировой истории» под ред. В. К. Никольского и А. А. Сидорова, серия А, «Русская история», № 4).
- Максимов, I—XX — *С. В. Максимов*. Собрание сочинений, т. I—XX. СПб., [1908—1913]. Цитируются работы: «Крестная сила» (т. XVII, с. 3—234); «Нечистая сила» (т. XVIII, с. 3—204).
- Масанов, I—IV — *И. Ф. Масанов*. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Подгот. к печати Ю. И. Масанов, т. I—IV. М., 1956—1960.
- Мендельсон, 1897 — *Н. М. Мендельсон*. К поверьям о св. Касьяне. — ЭО, кн. XXXII, 1897, № 1 (с. 1—21).
- Назаревский, 1969 — *А. Назаревский*. Вий в повести Гоголя и Касьян в народных поверьях о 29 февраля. — «Вопросы русской литературы», вып. II. Львов, 1969 (с. 39—46).
- Никифоровский, 1897 — *Н. Я. Никифоровский*. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах [...] в Витебской Белоруссии. Витебск, 1897.
- Перетц, 1894 — *В. Н. Перетц*. Деревня Будогоща и ее предания (Этнографический очерк). — ЖС, год IV, 1894, вып. 1 (отд. I, с. 2—18).

- Степанов, 1909 — *Н. В. Степанов*. Единицы счета времени (до XIII века) по Лаврентьевской и 1-й Новгородской летописям. — ЧОИДР, 1909, кн. 4 (отд. III, с. 1—74).
- Степанов, 1917 — *Н. В. Степанов*. Календарно-хронологический справочник: Пособие при решении летописных задач на время. М., 1917. Оттиск из ЧОИДР, 1917, кн. 1.
- Толстой, 1995 — *Н. И. Толстой*. Каков облик дьявольский? — В изд.: *Н. И. Толстой*. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995 (с. 250—269).
- Успенский, 1996 — *Б. А. Успенский*. История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема). — В изд.: *Б. А. Успенский*. Избранные труды, т. I: Семиотика истории, семиотика культуры. Изд. 2-е, испр. и переработ. М., 1996 (с. 10—70).
- Успенский, 2000 — *Б. А. Успенский*. Поэтика композиции. [Изд. 3-е]. СПб., 2000.
- Ушаков, 1896 — *Д. Н. Ушаков*. Материалы по народным верованиям великоруссов. — ЭО, кн. XXIX—XXX, 1896, № 3—4 (с. 146—204).
- Чичеров, 1958 — *В. И. Чичеров*. Из истории народных поверий и обрядов («Нечистая сила и Касьян»). — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958 (с. 529—534).
- Чулков, 1782 — [*М. Д. Чулков*]. Словарь русских суеверий. СПб., 1782.
- Шенрок, I—IV — *В. И. Шенрок*. Материалы для биографии Гоголя, т. I—IV. М., 1892—1897.
- Federowski, I—IV — *M. Federowski*. Lud białoruski na Rusi Litewskiej, t. I—IV. Kraków—Warszawa, 1897—1935.
- Giuliani, 2002 — *Rita Giuliani*. La «meravigliosa» Roma di Gogol': La città, gli artisti, la vita culturale nella prima metà dell'Ottocento. Roma, [2002].

КОГДА БЫЛ КАНОНИЗИРОВАН КНЯЗЬ ВЛАДИМИР СВЯТОСЛАВИЧ?

Вопрос, вынесенный в заглавие настоящей работы, в принципе считается решенным: современные исследователи более или менее единодушно сходятся на том, что князь Владимир был причтен к лику святых не ранее середины XIII в.; возможные расхождения могут касаться лишь более точной датировки в период между серединой XIII и началом XIV в.¹ Нижняя граница этого периода (*terminus post quem*) определяется битвой Александра Невского со шведами (15 июля 1240 г.), которая, как указывается в его житии, случилась в день памяти «святаго князя Володимера»², верхней границей (*terminus ante quem*) служит 1311 г., когда архиепископ Давид в Новгороде строит церковь, посвященную св. Владимиру³. Мнение первых историков русской церкви — Филарета Гумилевского и Макария Булгакова, согласно которым память Владимира стали праздновать уже в середине XI в.⁴, было отвергнуто большинством специалистов более столетия назад⁵. Итоги обсуждения этого вопроса были подведены в статье В. А. Водова с характерным названием: «Pourquoi le grand prince Volodimer Svjatoslavovič n'a-t-il-pas été canonisé?»⁶. Конечно, при этом имеется в виду период до середины XIII в. (для более позднего времени у нас есть бесспорные свидетельства почитания Владимира как святого). Как видим, вопрос о времени канонизации вообще не является здесь предметом дискуссии: он считается более или менее ясным.

Само собой разумеется, что для интересующего нас периода (XI—XIII вв.) не приходится говорить о какой-либо установившейся процедуре канонизации, подобной той, которая имеет место в более позднее время:

ее не было в этот период ни в Византии, ни, естественно, на Руси (в отличие от Западной церкви)⁷. В этих условиях причисление к лику святых выражается прежде всего в том, что имя усопшего вносится в святцы для церковного поминания (в пределах данной епархии, митрополии или же всей поместной церкви); оно может выражаться также в появлении его жития (предназначенного для чтения в церкви), в открытии его мощей, в посвящении ему церкви и т. п.⁸ Именно отсутствие подобных признаков в текстах, предшествующих второй половине XIII в., и привело исследователей к выводу об относительно поздней канонизации князя Владимира.

Итак, исследователи основывались в своих выводах на аргументах «ex silentio». Аргументация такого рода всегда рискованна: молчание (silentio) может быть нарушено — памятники могут заговорить. Это, собственно, и произошло.

Начнем с того, что традиционное мнение о прославлении князя Владимира не ранее середины XIII в. опровергается, по-видимому, указанием на существование его жития еще в домонгольский период. Житие Владимира упоминается в богослужебном (Студийском) уставе конца XII — начала XIII в., фрагмент которого хранится в Курском краеведческом музее: согласно этому уставу, оно читалось на утренней службе в день памяти Бориса и Глеба, 24 июля: «и четеса житие князя Володимира. в томъ ксть и м[у]ченик с[вя]тою Бориса и Глѣба» (Курск. краевед. музей № 20959, л. 4 об.; Св. кат., 1984, с. 161, № 139)⁹.

Это наиболее раннее — из известных нам — свидетельство о существовании жития князя Владимира. Правда, это житие читалось в день памяти Бориса и Глеба, и Владимир, в отличие от своих сыновей, не именуется в цитированной записи «святым». Означает ли это, что его житие было составлено в связи с почитанием Бориса и Глеба, при том что сам Владимир еще не почитался как святой? Это кажется маловероятным: мы не знаем

других случаев такого рода, т. е. случаев, когда житие одного лица было составлено в связи с почитанием другого. Что же касается связи почитания Владимира с почитанием Бориса и Глеба, то она не случайна; к этому вопросу нам еще предстоит вернуться.

При всем том житие Владимира, о котором упоминается в Уставе из собрания Курского музея, отличалось, по-видимому, от дошедших до нас списков его жития: согласно данному Уставу, в нем имелось описание «мучения святою Бориса и Глѣба». В известных нам редакциях жития Владимира такого описания нет; в то же время о Владимире довольно подробно говорится в древнейших проложных сказаниях о Борисе и Глебе, помещенных под 24 июля (день памяти Бориса и Глеба). Такие сказания дошли до нас в составе южнославянских прологов XIV в., восходящих к русским прологам домонгольского времени, а именно, в болгарском Лесновском (Станиславове) прологе или синаксаре 1330 г. (Архив Сербской Академии наук, № 53, л. 283 об.)¹⁰, в сербском прологе Румянцевского собрания (ГБЛ, Румянц. 319, л. 152—152 об.)¹¹ и в сербском же прологе Хлудовского собрания (ГИМ, Хлуд. 189, л. 197 об.—198)¹²; сербские списки переписаны с болгарских оригиналов, которые, в свою очередь, восходят к русским протографам¹³. Здесь описывается как биография Владимира — впрочем, лишь постольку, поскольку она имеет отношение к последующей распре его сыновей, — так и смерть Бориса и Глеба, причем Владимир именуется «блаженным» (о значении этого эпитета мы скажем ниже). Можем ли мы думать, что нечто подобное и имелось в виду под «житием князя Владимира»? В любом случае представляется знаменательным то обстоятельство, что речь идет о тексте, который квалифицировался как «житие» и при этом был предназначен для чтения в церкви во время богослужения.

Добавим, что фрагмент жития Владимира дошел до нас на листе из июльского Пролога первой половины или середины XIII в. (ГИМ, Щук. 97, л. 1—1 об.)¹⁴. Нако-

нец, житие Владимира представлено в болгарском Синайском сборнике (ГПБ, Q. п. I. 63, л. 3—5 об.; Св. кат., 1984, с. 276, № 304)¹⁵; здесь же находится житие Ольги (л. 1—2) и варяжских мучеников, отца и сына (л. 2—3)¹⁶. Житие Владимира озаглавлено при этом: «Ѹспеник блаженаго и великаго кнѣза Володимера. кр[е]стившаго в соу Роускую землю». Синайский сборник датируется концом XIII — началом XIV в., однако мы знаем, что южнославянские рукописи XIII—XIV вв. не содержат русских текстов позднее начала XIII в.¹⁷

Ранее считалось, что житие Владимира было составлено не ранее второй половины XIII в. в связи с предполагавшейся в это время его канонизацией. Сейчас становится ясным, что оно появилось в более раннее время — во всяком случае в домонгольский период.

Если согласиться с тем, что указание на существование жития князя Владимира свидетельствует о признании его святым, то конец XII — начало XIII в. (время написания Устава, в котором содержится данное указание) определяет *terminus ante quem* его прославления. Однако у нас есть основания думать, что это произошло значительно раньше.

Исключительный интерес в этом отношении представляет новгородская берестяная грамота № 906 третьей четверти XI в. Грамота эта представляет собой небольшой по объему текст, где содержится перечень святых. Приведем этот текст (ввиду особой важности данного документа мы воспроизводим его буква в букву, не раскрывая сокращений): «ѿха: бѣѣ: петра и плѧ козмадьмѧна: оѿа васильѧ: и бориса и глѣба: и свѣхъ [sic!] сѣхъ»¹⁸.

Полагаем, что под «отцом Василием» в данном контексте имеется в виду не кто иной, как Владимир, крестным именем которого было, как известно, Василий¹⁹. В самом деле, перечень святых дается здесь в хронологическом порядке, т. е. в последовательности христианского календаря, — если не считать традиционного okayмляющего упоминания Христа и Богородицы в начале перечня и всех святых в его конце²⁰, — и, соответствен-

но, Владимир (Василий), память которого приходится на 15 июля, упоминается между свв. Космой и Дамианом (память 1 июля) и свв. Борисом и Глебом (память 24 июля); в свою очередь, упоминанию свв. Космы и Дамиана предшествует упоминание апостолов Петра и Павла (память 29 июня).

Это первый документ, дошедший до нас в подлиннике (а не в позднейшей копии), с упоминанием Бориса и Глеба и в то же время наиболее раннее упоминание о них как о святых. Вместе с тем из этого документа явствует, по-видимому, что и их отец Владимир (в крещении Василий) уже почитался как святой.

Если Борис и Глеб названы здесь своими мирскими именами, то Владимир назван именем, полученным при крещении: имя «Владимир», в отличие от имен «Борис» и «Глеб», по-видимому, еще не стало христианским именем (т. е. не вошло в месяцеслов); подробнее об этом будет сказано ниже. Это, возможно, говорит о том, что культ Бориса и Глеба предшествовал почитанию Владимира, т. е. его почитание еще не вполне укоренилось к этому времени.

Сходным образом Иларион в «Слове о законе и благодати» говорит в третьем лице о «кагане В[о]лодимере»²¹, но при этом молитвенно обращается к нему как к «Василию»²². Такое же обращение к Владимиру мы встречаем в «Сказании о Борисе и Глебе» — в молитве князя Глеба: «С[ъ]п[а]си са, милый мой о[тъ]че и господине Василик [...] Василик, Василик, о[тъ]че мои и господине, приклони оухо твоє и оуслыши глась мои»²³. Таким образом, в тех случаях, когда Владимир оказывается объектом религиозного почитания, он может называться — по крайней мере, в XI в. — Василием, т. е. выступать под своим молитвенным (крестным) именем²⁴.

Показательно, что в новгородской грамоте Владимир характеризуется, по-видимому, как отец Бориса и Глеба, т. е. святость Бориса и Глеба как бы распространяется и на их отца²⁵. Связь Василия (Владимира) с Борисом и Глебом подчеркнута союзом «и», который по-

является перед их именами: иначе говоря, слово «отец» оказывается связанным с именами Бориса и Глеба, предвосхищая появление этих имен в тексте. Можно предположить, что рассматриваемая фраза представляет собой результат трансформации более обычного сочетания «Бориса и Глеба и отца Василия (Владимира)»: порядок компонентов изменился, подчинившись календарному принципу, однако союз «и» при этом сохранился.

Тот же мотив представлен в житии Владимира и в посвященных ему песнопениях. Так, в житии Владимира, дошедшем до нас в составе Пролога XIV в. (ГПБ, Ф. п. I. 47; Св. кат., 1984, с. 271, № 294)²⁶, равно как и в позднейших списках, мы читаем: «Радуисъ, Володимѣре [...], радуисъ, ч[е]стное древо самого рац, иже възрости нам с[в]я[т]ѣи лѣторасли, с[в]я[т]аѣ м[у]ч[е]н[и]ка Бориса и Глѣба, ѿт нею же нынѣ с[ы]н[о]ве рѣсьстии насыщают[ся]»²⁷. В службе Владимиру из Трефолога конца XIII — начала XIV в. (ГПБ, Соф. 382, л. 67—71 об.; Св. кат., 1984, с. 354, № 454), древнейшей из дошедших до нас, о Владимире говорится: «масльнаѣ вѣтвь многоплоднаѣ ты бываеши винноѣ возвращение, кистѣ двѣ созрѣлѣи, м[у]ч[е]н[и]ка приносящи, Романа и Д[а]в[ы]да ч[е]стного [т. е. Бориса и Глеба]»²⁸.

Характерна в этом смысле стихира Владимиру из Стихираря XIV в. Иосифо-Волоколамского собрания (ГБЛ, Иос.-Волок., № 3, л. 183—183 об.), которая исполнялась в день его памяти (15 июля): поминовение Владимира объединяется здесь с поминанием его сыновей, Бориса и Глеба, — они выступают при этом под своими христианскими именами, как Роман и Давид, — и, соответственно, восхваление Владимира переходит в молитву, обращенную ко всем трем русским князьям: «Придѣте стецѣмъса вѣси къ чѣстьнѣи памяти ѿтца русьскаго и наставника нашего Владимира. Се бо ѿт ѡтеца рожьса възлюбивъ възлюблешааго и Христа, къ нему же възиде радуиса с праматерию Ѡленою. Вѣса бо люди своѣ наоучи вѣровати и поклонатиса въ Троици ѡдиномоу Богу и идолы оупразнивъ попра и израти

намъ свои чѣстнѣи лѣторасли Романа и Давыда. Тѣмъ и мы свѣтло нынѣ пѣсньми память ихъ вѣрно чтуше любовию празднуемъ да молатъся ѿ насъ къ Господоу къназемъ нашимъ подати побѣду на поганыхъ врагы, оумирити всего мира и съпастн доуша наша»²⁹.

В основе объединения Владимира с Борисом и Глебом лежит культ рода, столь актуальный вообще для русской княжеской среды³⁰; выступая первоначально как княжеский, этот культ становится общенациональным, т. е. общерусским. Этот мотив красноречиво представлен в службе св. Ольге, составленной, по-видимому, Кириллом Туровским: «Роусскомоу ѡзыкоу [...], б[о]гоиз'бран'номоу ѿт варягъ княжъскомоу племани, прам[а]т[е]ри наречеса Ѡл'га»³¹. Объединение почитания Владимира с почитанием Бориса и Глеба отражалось в богослужении: так, в день памяти св. Владимира (15 июля) читались паремьи, взятые из службы Борису и Глебу³², и пелись стихиры, посвященные этим святым³³; в свою очередь, в стихирах Борису и Глебу могли звучать темы, характерные для прославления Владимира³⁴. Соответственно может быть понято и цитированное выше указание на то, что в день Бориса и Глеба, 24 июля, читалось житие князя Владимира.

Объединение этих святых позволяет интерпретировать рассказ в житии Александра Невского о видении Бориса и Глеба во время битвы со шведами (15 июля 1240 г.), которая, как мы уже упоминали, случилась в день поминаения св. Владимира — «на память [...] с[в]ят[а]го кн[я]з[а] Володимера, кр[е]стившаго Русскую землю, имѣше же вѣру велику к тѣма м[у]ч[е]н[и]кома Бориса и Глѣба», как подчеркивает автор жития³⁵. Подобно тому, как в день памяти Владимира могут звучать песнопения и читаться тексты, посвященные Борису и Глебу, в этот же день может являться и образ этих святых; допустимо предположить, что в день св. Владимира могла выноситься икона Бориса и Глеба — к иконописному образу и восходит, по-видимому, данное видение, которое отражает, надо думать, церковное богослужение.

Равным образом и Ольга может объединяться как с Борисом и Глебом, так и с Владимиром; так, в Трефологе XVI в. (ГБЛ, Иос.-Волок. 372, л. 166 об.—177) июльская служба Борису и Глебу показана в тот же день, что и Ольге (т. е. под 11, а не под 24 июля)³⁶; вместе с тем в южнославянских прологах житие Ольги дается под 15 июля, т. е. в день памяти Владимира³⁷. Ольга была причислена к лику святых, по-видимому, в домонгольский период³⁸ — может быть, одновременно с Владимиром; ср. канон св. Ольге, составленный, вероятно, Кириллом Туровским во второй половине XII в.³⁹ Характерным образом в этом каноне одновременно с Ольгой прославляется и Владимир; обращаясь к Ольге, певцы поют: «мы же тобою [Ольгою] хвалящеса, яко тебе ради Б[о]га познахом, съ Володимером та величаем», и служба Ольге неожиданно завершается славословием Владимира: «Празднжим свѣтло память ч[е]стнаго княза Владимира, приим'шаго баню крещеніа въ Кор'соуни, просвѣщешаго землю роусскоу, егоже в'си днес[ь] пѣсньми похвалим достойно, аки новаго Костантина съ блаженою Ол'гою. Подвигнета вса а[н]гг[е]лы же и арха[н]гг[е]лы, про[о]роky и ап[о]с[то]лы, и в'са м[у]ч[е]н[и]кы, молитеса за поющаѡ ва»⁴⁰.

Достоинно внимания вообще, что первыми русскими святыми оказываются не священнослужители, а князья или же лица, связанные с княжеским родом. Может быть, не случайно при этом их поминовение приходится на июль (т. е. служба им входит в июльскую Минею), причем дни их поминовения соответствует хронологической последовательности их кончины: 11 июля (успение кн. Ольги в 969 г.), 12 июля (убиение Феодора Варяга и сына его Иоанна в 983 г.), 15 июля (успение кн. Владимира в 1015 г.), 24 июля (убиение кн. Бориса в 1015 г.). Исходной датой (точкой отсчета) является при этом дата смерти Владимира, которая зафиксирована в «Повести временных лет»⁴¹; дата смерти Бориса соответствует логике событий (Борис был убит вскоре после кончины своего отца), что же касается Ольги и му-

чеников-варягов, то дни их поминовения предшествуют дню поминовения Владимира, т. к. они скончались раньше⁴². Так образуется сонм русских святых, поминовение которых оказывается в пределах одного месяца⁴³.

Канонизация мирян, не пострадавших за веру, была нехарактерна для Византии и в общем, можно сказать, не была предусмотрена практикой православной церкви⁴⁴; между тем первых русских святых необходимо было как-то ввести в агиографическую номенклатуру, которая определяла особенности богослужения, отражаясь, в частности, на характере песнопений или выборе паремейных чтений⁴⁵. Это было тем более необходимо, что служба часто правилась по Общей Минее, где давались общие указания, зависящие от типовой характеристики святого. Уставщик, который определял порядок богослужения, посвященного тому или иному святому, с помощью Общей Минеи, должен был знать, к какому агиографическому разряду («лику») принадлежал данный святой: был ли он, «апостолом», «праотцем», «святителем», «мучеником», «преподобным», «священномучеником» и т. п.

Здесь возникали определенные трудности: русские святые не всегда вписывались в существующую классификацию. Положим, Феодор и Иоанн были, несомненно, мучениками и исповедниками, пострадавшими за веру⁴⁶, но к какому разряду святых следует отнести Бориса и Глеба? Они также воспринимались как мученики (уподобляясь, в частности, первомученику Стефану), хотя, строго говоря, они не претерпели мучений как таковых и их трудно признать мучениками за веру⁴⁷. Еще более сложный вопрос: к какому разряду следует относить Владимира и Ольгу, которые не были ни исповедниками, ни подвижниками и вообще никак не пострадали?

На службе св. Владимиру обычно читались — до конца XVII в. — «преподобнические» паремьи, т. е. общие паремьи, полагающиеся преподобному святому (Прем. III, 1—9; Прем. V, 15—24, VI, 1—3; Прем. IV, 7—15)⁴⁸. Это

означает, что Владимир воспринимался именно как преподобный. Но каким же образом он мог так восприниматься? Ведь преподобными называются обычно святые, подвиг которых заключается в монашеском подвижничестве, аскезе⁴⁹ (греч. ὁσιος ‘святой’ из ὁσιώω ‘делать святым, очищать от греха’). Как это объяснить? Что может связывать Владимира с определением *преподобный*?

Думается, что в основе восприятия Владимира как святого лежит уподобление его Константину Великому; это уподобление косвенным образом может отражаться и на восприятии других русских святых, которые с ним (Владимиром) соотносятся.

Подобно Константину, Владимир является первым христианским правителем. Отсюда Владимир начиная с XI в. регулярно именуется «вторым (или новым) Константином». Так, в «Повести временных лет» в похвале Владимиру, помещенной под 1015 г., о Владимире говорится «се есть новыи Костантинъ великого Рима, иже кр[е]стивъса сам и люди свою; тако и съ створи подобно кму»⁵⁰; см. затем в несторовом «Чтении о св. мучениках Борисе и Глебе»: «Се второй Костянтинъ в Руси явился»⁵¹; или в житии князя Владимира, представленном в списках XV—XVII вв.: «И бысть 2-и Костянтин в Русской земли Володимер. Сеи есть новыи Костянтин великаго Рима»⁵²; у Кирилла Туровского в службе на успение княгини Ольги, которую мы цитировали выше, читаем: «Празднжим свѣтло памать ч[е]стнаго княза Владимирера [...] егоже в’си днес[ь] пѣсньми похвалим достойно, аки новаго Костантина»⁵³. Равным образом в «Слове о законе и благодати» Илариона Владимир именуется «подобником» Константина Великого: «подобниче великааго Коньстантина [...] ѿнъ въ елинѣхъ и римланѣхъ ц[ѣ]са[р]ство Б[ог]оу покори, ты же въ Роуси, оуже бо и въ ѿнѣхъ и въ насъ Х[ристо]с ц[ѣ]са[р]емъ зовется [...] его же [Константина] оубо подобникъ сын»⁵⁴; ср. затем в службе Владимиру из Трефолога конца XIII — начала XIV в. (ГПБ, Соф. 382): «Костантина вѣрнаго

подобникъ»⁵⁵, «Юлены ты новыя любовью известиса, внукъ пребл[а]ж[е]не Ольги, Костантинъ же новыи великыи, Х[рист]у явсиса Василикѣ»⁵⁶, «Костантинъ новыи ты извѣстиса кси во всей земли рустии, бл[а]ж[е]ныи Василикѣ»⁵⁷. Это очень устойчивый образ, который определяет восприятие князя Владимира в течение многих столетий. Так, в послании Василия II константинопольскому патриарху Митрофану 1441 г.: «Взывает же к себе он великий новый Костяньтин, а реку, благочестивый царь руския земля Владимир, на свое отечество [...] на русскую землю митрополита»⁵⁸; ср. затем в «Изложении пасхалии» митрополита Зосимы 1492 г.: «И утврди [Владимир] православную веру, яже в Христа Бога, и наречен бысть вторыи Констянтин»⁵⁹.

По своему первоначальному смыслу слово *преподобный* не связано с «подобием»: оно образовано из *подоб-ба, подобати*: *преподобный* означает, следовательно, ‘правильно поступающий’, ‘праведный’, ‘человек святой жизни’⁶⁰. Вместе с тем у слова *подобный*, означавшего прежде всего ‘подобающий’, ‘надлежащий’, ‘достойный’, имеется дополнительный смысл, связанный именно с «подобием»; иначе говоря, слово *подобный* — а отсюда, соответственно, и *преподобный* — может соотноситься как с глаголом *подобати*, так и с глаголом *подобити* (ср. *сподобити* ‘удостоить’)⁶¹. Этот дополнительный смысл слова *преподобный* и актуализовался, как кажется, в восприятии Владимира: поскольку Владимир был «подобником» Константина, он был отнесен к чину «преподобных».

Уподобление Владимира Святого Константину Великому отразилось, по-видимому, и на восприятии Владимира как апостола. Вслед за Константином, Владимир (а также Ольга) именуется «равноапостольным» (ἰσαπόστολος). Соответственно, он может сравниваться с апостолами и даже прямо называться апостолом.

Такое восприятие отчетливо представлено уже у Илариона в «Слове о законе и благодати»: «Хвалить же похвалными гласы Римская страна Петра и Паоула, има

же вѣроваша въ Ис[у]с Х[ри]с[т]а с[ы]на Б[о]жи[а], Асія і Ефесъ и Паѣмъ Іѡан'на Б[о]гословца, Индіа ѳомѠ, Егѷпетъ Марка, вса страны и гради и людіе чтѣтъ и славатъ коегождо ихъ оучителя иже наоучиша а православнои вѣрѣ. Похвалимъ же и мы, по силѣ нашей малыими похвалами, великаа и дивьнаа сътворишааго нашего оучителя и наставника, великааго кагана нашеа земли Володимера [...]»⁶². И далее, обращаясь уже к самому Владимиру в акафистной форме, Иларион восклицает: «Радуиса во вл[а]д[ы]кахъ ап[о]с[то]ле [...] Радуиса оучителю нашъ и наставниче бл[а]говѣрїю»⁶³. Ср. затем у Иакова мниха в «Памяти и похвале князю Володимеру»: «А ты, о блаженни княже Володимерю, бысть апостоль въ князихъ»⁶⁴. Позднейшее проложное житие Владимира, перефразируя только что цитированный пассаж из «Слова о законе и благодати», добавляет к именам Петра и Павла, Иоанна и Марка имена апостолов Луки, Андрея и, наконец, Владимира, «сътворишааго дѣло равно ап[о]с[то]ломъ»: «Хвалить ѡбо Римскаа землѣ Петра и Павла, Асія Бо[г]ословца Іѡана, Игѷпетьска Марка, Антиѡхииска Лоукоу, а Грьчска Андрея, всѣ же Роускаа землѣ тебе Володимере ѡко Г[оспод]нѣ ап[о]с[то]ла»⁶⁵. Этот мотив отчетливо представлен в службе Владимиру из Трефолога конца XIII — начала XIV в. (ГПБ, Соф. 382): «Началника бл[а]гоч[е]стью и проповѣдника вѣрѣ и кн[я]земъ рускимъ верховнаго дн[е]сь рустии собори шедьшеса въсхвалимъ великаго Володимера ап[о]с[то]л[о]мъ равна»⁶⁶, «равнеап[о]с[то]ле Х[ри]с[то]въ княже великий Володимере»⁶⁷, «о[т]че неч[е]стькѣ ѡтгналь кси и [...] на правовѣрную вѣру въздвигль кси, равнеап[о]с[то]ле Х[ри]с[то]въ»⁶⁸; ср. стихиру Владимиру из Стихираря XIV в. Иосифо-Волоколамского собрания: «Апостоломъ ревнителя Володимера преблаженааго [sic!], ѡтца и оучителя, съшедьшеса въсхвалимъ» (ГБЛ, Иос.-Волок., № 3, л. 183 об.)⁶⁹.

При этом Владимир непосредственно сравнивается с апостолом Павлом. История Владимира разительно на-

поминает историю Павла⁷⁰: как в случае Павла, так и в случае Владимира подчеркивается противопоставленность христианству до обращения, которая сменяется набожностью; внезапное заболевание Владимира перед крещением соответствует тому, что случилось с Павлом перед его обращением: как у того, так и у другого слепота предшествует прозрению⁷¹. Эта аналогия подчеркивается в каноне Владимиру: в той же рукописи конца XIII — начала XIV в. (ГПБ, Соф. 382) Владимир характеризуется именно как «ап[о]с[то]ла Паоула ревнитель»⁷²; ср.: «Иже Паоула просвѣтомъ избраньствомъ сподоби, и Василию вкупѣ, о[т]ца рускаго, очьныи недугъ отерлъ кси, м[и]л[ос]т[и]тве, твоимъ кр[е]щ[е]нникъмъ»⁷³.

Заслуживает внимания в этой связи упоминание о церкви Владимира-Василия в том же каноне Владимиру: «Иже вотще шатахуса [т. е.: «те, кто были язычниками»⁷⁴] ѿт лица дн[е]с[ь] Василию веселэхуться въ ч[е]стнѣи кго ц[е]ркви, и ц[а]р[с]твует Х[ри]с[тос]ъ Б[о]гъ, обрѣтѣвъ кго [Владимира] кко Паоула прежде и поставивъ кн[я]за вѣрнаг[о] на земли своеи»⁷⁵; и далее здесь же: «Люд[и]к мудрии русьтии придете вси снитеся къ ч[е]стнѣи ц[е]ркви Володимира с[вя]т[а]го нареченаго Василию преблаж[е]наго»⁷⁶. Представляется, что имеется в виду не храм, посвященный св. Владимиру или с ним ассоциирующийся⁷⁷, а церковь, созданная Владимиром как апостолом русской земли; иначе говоря, слово *церковь* может означать в данном случае не конкретный храм, а собрание верующих⁷⁸.

Равным образом с апостолами могут ассоциироваться Борис и Глеб, и это отвечает объединению Владимира и Борисом и Глебом, о котором мы говорили выше. Восприятие Бориса и Глеба как апостолов отражается в посвященных им паремейных чтениях: на службе Борису и Глебу могли читаться как общие паремьи мученику («мученику единому»), в основе которых лежат паремейные чтения св. Георгию под 23 апреля, — это соответствует восприятию их как мучеников, которое прослеживается с древнейших времен, — так и общие па-

ремы апостолу («апостолу единому»), в основе которых лежат паремейные чтения Иоанну Богослову под 26 сентября или 8 мая; подобно тому как типовым образцом мученика является св. Георгий, образцом апостола является Иоанн Богослов⁷⁹. Характерным образом Летописец Переяславля Суздальского, вознося хвалу Борису и Глебу, задается вопросом, кто они — мученики или апостолы: «Тем же вас как по достоанию въсхвалимъ? Ангела вас нареку, яже въскорѣ обрѣтаеся близ скръбящих? Но плотни еста. Мученика ли? Но и новоначалници святому крещенію, яко апостоли»⁸⁰. Можно предположить, что апостольские паремьи были возможны в свое время и в службе князю Владимиру.

Необходимо остановиться, наконец, на наименовании Владимира «святым» и «блаженным». Мы не знаем древних текстов, где Владимир именовался бы «святым»; в летописях он называется таким образом лишь с середины XIII в.: так в Ипатьевской летописи под 1254 г.⁸¹ и в Лаврентьевской под 1263 г.⁸² Вместе с тем с XI в. Владимир последовательно именуется «блаженным»: так уже у Илариона в «Слове о законе и благодати» (написанном между 1037 и 1050 г.)⁸³ и затем в «Памяти и похвале князю Володимеру» Иакова мниха⁸⁴; определение «блаженный» мы встречаем и в похвале Владимира, помещенной в «Повести временных лет» под годом его смерти (1015 г.)⁸⁵. Иларион специально обсуждает вопрос о правомерности такого наименования, ссылаясь на Евангелие: «По истинѣ бысть на тебѣ блаженство Господа Ісуса реченое к Фомѣ: “Блажени не видѣвше и вѣровавше” [Ин. XX, 29]. Тѣм же съ дрѣзновением и несумен’но зовемъ ти о блажениче самому тѣ Спасж нареку’шу». По словам Н. И. Серебрянского, «древнерусские агиографии не знали точной терминологии, слова “блаженный” и “святой” употреблялись в тождественном смысле»⁸⁶. Указание на тождественность этих терминов содержится у Иакова мниха: говоря о нетленности мощей княгини Ольги — которую, наряду с Владимиром, Иаков последовательно именует «блаженной», — Иаков

сообщает, что нетленность представляет собой особый знак милости Божией, которым Бог отмечает «святых своих»⁸⁷: слова *блаженный* и *святой* предстают здесь, таким образом, как синонимы. Здесь же Иаков мних говорит о том, что отсутствие чудес от мощей князя Владимира не противоречит его святости, которая доказана его делами⁸⁸. Вместе с тем этот эпитет может прилагаться не только к святым, но и к особенно почитаемым усопшим: так, например, говорит Владимир Мономах о своем отце князе Всеволоде Ярославиче⁸⁹; в Ипатьевской летописи под 1187 г. так называется белгородский епископ Максим⁹⁰. Итак, слово *блаженный* может выступать как синоним слова *святой*, но имеет более широкое значение; соответственно, наименование «блаженным» не противоречит святости лица, именуемого таким образом (вопреки мнению некоторых исследователей⁹¹), но и не обязательно ее подтверждает. Ниже мы вернемся к обсуждению этого вопроса.

Древнейшее изображение князя Владимира, о котором мы знаем, находится на шитом воздухе, изготовленном в 1389 г. повелением Марии Тверской, вдовы князя Семена Гордого (ГИМ, Щукинское собр. 15494/РБ, № 1)⁹².

Говоря о поздней канонизации князя Владимира, В. А. Водов в упоминавшейся выше статье ссылается на тот факт, что имя Владимир в XI—XIII вв. воспринималось как мирское имя и что некоторые известные нам для данного периода носители этого имени имели другое имя, полученное ими в крещении⁹³. Следует, однако, иметь в виду, что Владимир мог — до поры до времени — почитаться как святой под своим крестным именем, т. е. под именем Василия. Мы знаем, действительно, что Владимир мог именоваться Василием: так его называет Иларион при молитвенном к нему обращении или князь Глеб в «Сказании о Борисе и Глебе», так же он именуется и в древнейшей церковной службе; так, полагаем, обозначен он и в новгородской берестяной гра-

моте. Мы можем предположить, следовательно, что имя Василия могло даваться в крещении в честь св. Владимира (иначе говоря, в честь св. Василия, поминаемого при этом 15 июля). Знаменательно, что первыми христианскими именами, которые регулярно начинают употребляться в княжеском обиходе без мирских имен (с конца XI в.), являются имена Василько, Роман и Давыд, т. е. христианские имена свв. Бориса и Глеба и их отца Владимира⁹⁴. Таким образом, при крещении в честь новопрославленного русского святого первоначально могло даваться его крестное, а не мирское имя.

Мы знаем во всяком случае еще одного Владимира, который был крещен Василием, — это князь Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125), нареченный «въ кр[е]щ[е]нїи Василии, русьскымъ именемъ Володимиръ», как он говорит о себе в своем «Поучении»⁹⁵. По всей видимости, он был назван Владимиром в честь своего прадеда, князя Владимира Святославича: это отвечало традиции. Но нельзя ли предположить, что и крещен он был в честь своего прадеда? действительно, оба его имени соответствуют именам св. Владимира (Василия)⁹⁶. Появление имени Владимир (Володимир, Володимер) в христианском месяцеслове, вопреки мнению В. А. Водова, может свидетельствовать не о его (формальной) канонизации, а о распространении его культа. Что же касается распространения культа св. Владимира, то оно было связано, по всей вероятности, с победой Александра Невского над шведами 15 июля 1240 г. (в день памяти св. Владимира) и последующим становлением Московского государства⁹⁷.

Разумеется, это не более чем предположение: вполне вероятно, что Владимир Мономах, так же как и его дед, был крещен в честь св. Василия Великого. Вообще говоря, такого рода практика имянаречения — когда потомок получает как мирское, так и крестное имя предка — вписывается в определенную традицию; но при этом Владимир Мономах, поскольку нам известно, открывает эту традицию (о возможном прецеденте мы ска-

жем ниже). В любом случае мы вправе думать, что выбор крестного имени предка может иметь отношение к его почитанию в рамках христианского культа.

Действительно, мы знаем другие (более поздние) примеры такого рода. Ср. летописное известие о рождении князя Ростислава Рюриковича (1172—1212), сына Рюрика Ростиславича и внука великого князя Ростислава Мстиславича (в крещении Михаила, 1125—1159): «родиса оу него с[ы]нъ и нарекоша и въ св[я]т[ѣ]мъ кр[е]сшени дѣдне има Михаило, а кнаже Ростиславъ, дѣдне же има»⁹⁸; таким образом, князь Ростислав, подобно Владимиру Мономаху, получил как мирское, так и крестное имя своего деда, и это специально подчеркивается летописцем. Князь Всеволод Юрьевич (1213—1238), сын великого князя Юрия Всеволодовича и внук великого князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо (в крещении Димитрия), родившийся на следующий год после смерти своего деда, был наречен в крещении Димитрием, т. е. и он получил как мирское (Всеволод), так и крестное имя деда (Димитрий)⁹⁹. Другой внук Всеволода Большое Гнездо, родившийся годом позже, — углицкий князь Владимир Константинович (1214—1249), сын великого князя Константина Всеволодовича, также получил крестное имя своего деда, т. е. был крещен Димитрием¹⁰⁰; при этом как мирское, так и крестное имя Владимира Константиновича совпадали с именем его дяди — переяславского князя Владимира Всеволодовича, сына Всеволода Большое Гнездо, который получил мирское имя своего прадеда Владимира Всеволодовича Монаха (мирское имя и отчество обоих князей совпадали) и крестное имя своего отца Всеволода Юрьевича¹⁰¹. Есть и другие случаи такого рода, о которых мы знаем не из летописей, а из косвенных источников: так, Святослав Давыдовыч, в крещении Николай (известный под именем Николы-Святоши, ок. 1080—1142), получил, по-видимому, как мирское, так и крестное имя своего деда, Святослава Ярославича (1027—1076), сына Ярослава Мудрого и родоначальника черниговского

княжеского дома; равным образом и другой внук Святослава Ярославича, Святослав Ольгович (†1166), получил, как предполагается, как мирское, так и крестное имя деда¹⁰². Два внука Мстислава Великого, в крещении Феодора (старшего сына Владимира Мономаха, 1076—1132), — Мстислав Изяславич (†1170) и Мстислав Ростиславич Храбрый (†1180) также были названы в честь деда, получив, по-видимому, не только мирское, но и крестное имя¹⁰³. Такое же сочетание мирского и крестного имени (Мстислав — Феодор) наблюдается у племянника Мстислава Великого, Мстислава Юрьевича (сына Юрия Долгорукого), а также у двух его правнуков, Мстислава Давидовича (сына Давида Ростиславича) и Мстислава Мстиславича Удатного (сына Мстислава Ростиславича Храброго); так же именовался и дальний родственник Мстислава Великого, Мстислав Давидович (сына Давида Ольговича, внук Олега Святославича)¹⁰⁴. Таким образом среди потомков устанавливается церковное почитание предка под именем святого, в честь которого он назван; такого рода почитание может приводить к его канонизации, как это, возможно, и случилось с Владимиром Святым. Иными словами, это может быть своего рода заявка на прославление.

Нам неизвестно, к сожалению, крестное имя новгородского князя Владимира Ярославича (1020—1052)¹⁰⁵, сына Ярослава Мудрого, но кажется возможным предположить, что он, как и Владимир Мономах, был назван в честь своего деда, Владимира Святославича, получив при этом как мирское (Владимир), так и крестное имя последнего (Василий).

Характерно в этом смысле, что внуки Владимира Ярославича, дети князя Ростислава Владимировича (1038?—1067), получили имена Володарь и Василько¹⁰⁶. Имя Володарь, по-видимому, было особым именем, отличным от имени Владимир; вместе с тем оно, несомненно, с ним ассоциировалось¹⁰⁷. Следует полагать, таким образом, что наречение внука Владимира Ярославича именем Володарь связано с именем его деда:

имя внука повторяет мирское («княжье») имя деда в основной своей части. То, что оно не повторяет его полностью, объясняется особыми причинами: Владимир Ярославич умер при жизни своего отца, князя Ярослава Мудрого, поэтому его сын Ростислав Владимирович, отец Володаря и Василька Ростиславичей, после смерти Ярослава Мудрого (1054 г.) не мог быть наследником киевского князя. Вместе с тем он считался старшим сыном Ярослава Мудрого¹⁰⁸, и это обстоятельство было значимо для его потомков: «его ветвь рода не отказалась от своих претензий на старшинство по отношению к другим внукам и правнукам Ярослава Мудрого»¹⁰⁹. В этих условиях внук Владимира Ярославича не мог, по-видимому, получить мирское имя своего деда: это означало бы прямое притязание на те же права (старшинства), которыми обладал Владимир Ярославич. Вместе с тем он мог получить имя, образованное от того же корня, что и имя его деда, и ближайшим образом его напоминающее (такая практика имянаречения была известна как на Руси, так и у скандинавов); в результате и было образовано имя Володарь, не имевшее прецедента в княжеском именовании и ранее, насколько известно, не существовавшее¹¹⁰. Это ограничение не распространялось на крестное имя, которое не было непосредственно связано с претензией на власть. Таким образом, один внук Владимира Ярославича мог получить крестное имя своего деда, а другой — мирское имя, ближайшим образом ему соответствующее (содержащее тот же основной компонент).

Если бы наше предположение о крестном имени Владимира Ярославича оказалось верным, мы могли бы видеть здесь начальный этап религиозного почитания Владимира Святославича, который можно было бы рассматривать как первый шаг к его последующему прославлению¹¹¹.

Само собой разумеется, что наречение как мирским, так и крестным именем предка не обязательно говорит о его прославлении; вместе с тем оно определенно говорит

о его почитании в рамках христианского культа. Это была именно заявка на прославление, которая могла реализоваться (как это и случилось — рано или поздно — с Владимиром или Мстиславом Великим) или же не реализоваться. Совершенно так же и наименование «блаженным», как мы видели, не обязательно означает святость, хотя и может ее означать. Можно сказать вообще, что наречение мирским и крестным именем предка по своей семантике соответствует наименованию его «блаженным».

В культе Владимира отчетливо просматривается культ родоначальника, почитаемого предка. Однако восприятие Владимира как родоначальника получает особый смысл. Будучи язычником, Владимир убил своих братьев, и в результате он оказывается родоначальником всех русских князей, т. е. всей правящей династии («*согрус fratrum*»)¹¹²; итак, речь идет не о какой-либо ветви рода, но о всем роде в целом и вместе с тем о стране, которая находится под его началом. При этом Владимир является создателем христианской страны, и вполне естественно поэтому, что его культ принимает христианские формы, как бы воцерковляется: он одновременно почитается и как покровитель рода, и как просветитель страны. Соответственно, в этом случае культ предка становится культом святого. Знаменательным образом в гимнографии Владимир может характеризоваться как «отец русский» или «отец всея Руси». Так, в службе Владимиру из Трефолога конца XIII — начала XIV в. (ГПБ, Соф. 382), которую нам уже неоднократно приходилось цитировать, о Владимире говорится: «Иже Паоула просвѣтомъ избранъствомъ сподоби, и Василиа вкупѣ, о[т]-ца рускаго [...] Костантина вѣрнаго подобникъ и ѡвиса, Х[ри]с[т]а въ с[е]рдци си приимъ, и юго заповѣди, ѡкоже о[т]ець всеа Руси, научиль еси»¹¹³; и далее: «Свѣтло приидете и достойно възгласите с[ы]н[о]ве рустии къ вашему о[т]цю Володимиру»¹¹⁴.

Этот процесс превращения культа предка в культ святого наглядно виден при сопоставлении похвалы князю Владимиру, помещенной в «Повести временных

лет» под 1015 г. (в связи с сообщением о его смерти), и «Слова о законе и благодати» Илариона. Автор похвалы называет Владимира «блаженным», но это определение не означает в данном случае святости. Действительно, о Владимире еще не говорится здесь как о святом, и автор призывает ежегодно молиться за него в день его преставления, т. е. 15 июля: «да аще быхом имѣли потщанье и мольбы приносили Б[ог]у за нь в д[е]нь преставленья юго, и вида бы Б[ог]ъ тщанье наше к нему, прославиль бы и. Намъ бо достоить за нь Б[ог]а молити, понеже тѣмъ Б[ог]а познахом»¹¹⁵. Итак, за Владимира полагается молиться Богу; между тем за святых, вообще говоря, не принято молиться — они предстоят Богу и молятся за людей¹¹⁶. Иначе уже у Илариона, который обращается к Владимиру со словами: «помолиса ѿ земли своеи и ѿ людехъ въ нихъ же благовѣрно вл[а]д[ы]чьствова [...] паче же помолиса ѿ с[ы]нѣ твоємъ бл[а]говѣрнѣмъ каганѣ нашемъ Геѿргіи» (Молдован, 1984, с. 99, л. 194 об.—195).

Примечания

¹ См.: Голубинский, 1903, с. 63—64; Голубинский, I/2, с. 391—393 (ср. иначе: Голубинский, I/1, с. 185—186); Малышевский, 1882, с. 51—63; Славнитский, 1888, с. 200—201; Петров, 1888, с. 595; Сырку, 1888, с. 767; Васильев, 1893, с. 76—83; Сырку, 1896, с. 87; Baumgarten, 1932, с. 124; Федотов, 1938, с. 191; Назарко, 1954, с. 174; Бегунов, 1965, с. 49 (примеч. 86); Vlasto, 1970, с. 260; Хорошев, 1986, с. 85—87, 91; Fennel, 1988, с. 302—304; Fennel, 1993, с. 80—81; Vodoff, 1988—1989, с. 448—449; Подскальский, 1996, с. 40, 199, 202, 380; Толочко, 1996, с. 105—106; Андроник, 2000, с. 348; Korpela, 2001, с. 184; Лосева, 2001, с. 91; Карпов, 2001, с. 408; Poppe, 2002, с. 48; Butler, 2002, с. 72.

² «въ д[е]нь вскр[е]с[е]нъ, на памат[ь] св[я]т[ы]хъ ѿ[те]щъ 600 и 30 бывша збора в Халкидонѣ, и с[в]я[т]ою м[у]ч[е]н[и]ку Кюрика и Ѵлиты, и с[в]я[т]а[го] кн[я]з[а] Володимера, кр[е]стившаго Русскую землю» (ПСРЛ, I/2, 1927, стлб. 479; ср.: Новг. лет., 1950, с. 448; Мансикка, 1913, прилож., с. 3, 20, 72, 128). Память 630 отцов Халкидонского собора по уставу Вели-

кой церкви отмечается не 15, а 16 июля, однако по Студийскому уставу она празднуется в ближайший воскресный день после 11 июля (см.: Лосева, 2001, с. 384; Сергей, II/1, с. 215). Таким воскресеньем в 1240 г. и оказалось 15 июля — день памяти Владимира, который скончался 15 июля 1015 г. (ПСРЛ, I/1, 1926, стлб. 130; ПСРЛ, II, 1908, стлб. 115); поэтому в одном из списков жития Александра Невского говорится, что битва произошла «месяца июля в 16 день в неделю» (Мансика, 1913, прилож., с. 37), но воскресенье в 1240 г. приходилось на 15 июля.

Обратив внимание на расхождение между днем поминовения Владимира (15 июля) и днем поминовения отцов Халкидонского собора (16 июля), Ю. К. Бегунов неосновательно посчитал упоминание о святом Владимире позднейшей вставкой (Бегунов, 1965, с. 49); исходя из этого, как он, так и ряд других исследователей (см., например: Fennel, 1988, с. 302—304) относят канонизацию Владимира к концу XIII в.

Житие Александра Невского приведено в летописи под годом его смерти (1263 г.), поэтому, по мнению некоторых исследователей, именно этот год должен определять нижнюю границу (*terminus post quem*) при решении вопроса о канонизации Владимира.

³ «Архиепископ Давыд постави церковь камени на воротѣхъ от Неревьского конца святого Володимира» (Новг. лет., 1950, с. 93, 334).

⁴ Филарет, I, с. 156—157; Макарий, II, с. 55—56.

⁵ На этом фоне анахронизмом казались выступления немногих исследователей начала XIX в., которые предполагали более раннюю канонизацию Владимира (не приводя при этом специальной аргументации). Так, по мнению Н. И. Серебрянского, Владимир был признан святым уже в XI в. (Серебрянский, 1915, с. 58—59); В. О. Ключевский писал, что Владимир был прославлен в XI в. вместе с Ольгой, Борисом и Глебом (Ключевский, VI, с. 66); сходным образом Н. К. Никольский допускал, что местное чествование Владимира может восходить к концу XI — началу XII в. (см.: Никольский, 1906, с. 232, примеч. 1, с. 237, примеч. 1; ср.: Никольский, 1902, с. 91, 98, 102, 106); между тем А. И. Соболевский считал, что причисление Владимира к лику святых имело место в конце XII — начале XIII в. (см.: Соболевский, 1888, с. 7; Соболевский, 1890, с. 794). Е. Е. Голубинский, настаивая на том, что канонизация Владимира не могла произойти ранее середины XIII в., одновременно при-

знавал — не вполне последовательным образом — возможность написания как его жития, так и службы ему в домонгольский период (см.: Голубинский, 1903, с. 63; Голубинский, I/1, с. 185—186; Голубинский, I/2, с. 392).

Лишь в последнее время вновь высказывается предположение о ранней канонизации Владимира, см.: Серегина, 1994, с. 69—71; Турилов, 1999, с. 23 (примеч. 17); Успенский, 2000, с. 44—46. Ср. также осторожные замечания А. В. Поппе, С. Франклина и А. В. Назаренко, которые говорят о раннем церковном почитании Владимира, не решаясь при этом сделать вывод о том, что он до XIII в. был признан святым, см.: Поппе, 1990; Franklin, 1991, с. XXXV—XXXVI; Назаренко, 1995, с. 604 (примеч. 25); Назаренко, 1996, с. 33—36; Назаренко, 2000, с. 43—47; Назаренко, 2001, с. 435—436.

⁶ Vodoff, 1988—1989.

⁷ См.: Голубинский, 1903, с. 19—31; Живов, 1994, с. 35—41. — В Константинопольской церкви обязательное синодальное определение о почитании нового святого (канонизации) предполагается необходимым лишь с XIV в. (см.: Macrides, 1981, с. 84—85). На Руси новый порядок канонизации был установлен, по-видимому, при митрополите Макарии — на соборах 1547 и 1549 гг. (см.: Голубинский, 1903, с. 40—92; Серебрянский, 1915, с. 58—59).

⁸ При этом канонизация Владимира (в отличие от канонизации его сыновей, Бориса и Глеба), несомненно имела местный характер: Владимир был прославлен как местночтимый святой, т. е. его почитание ограничивалось пределами Киевской митрополии или же какой-то епархии, входящей в ее пределы.

⁹ Князевская, 1985, с. 159 и факсимильное воспроизведение текста на с. 170. — Рукопись, о которой идет речь, по-видимому, новгородского происхождения (с отражением цоканья); другая часть того же устава сохранилась в составе Софийского собрания (ГПБ, Соф. 1136; Св. кат., 1984, с. 135—136, № 107), см.: Князевская, 1985, с. 160, 167—168.

¹⁰ См. изд.: Шафарик, 1863, с. 40—41; Ламанский, 1864, с. 113—114 (Ламанский ошибочно датирует рукопись 1340 г.); Яцимирский, 1916, с. 197—198; Павлова, 1988, с. 29—30; Лесн. пролог, с. 301. — А. И. Яцимирскому был известен болгарский пролог 1330-х гг. из частного собрания (собр. Л. Ковачевича в Белграде), переписанный, видимо, тем же писцом Станиславом, который изготовил Лесновский пролог, с таким же точно текстом (Яцимирский, 1916, с. 197—198).

¹¹ См. изд.: Востоков, 1842, № 319, с. 454; Серебрянский, 1915, прилож., с. 164.

¹² См. описание рукописи: Попов, 1872, № 189, с. 378—380.

¹³ См.: Сырку, I, с. 463; Голубинский, 1903, с. 57. — Ср. также более поздние проложные сказания о Борисе и Глебе с изложением биографии Владимира: Абрамович, 1916, с. 95, 99—100.

¹⁴ Данная рукопись не значится в Сводном каталоге рукописей XI—XIII вв. (Св. кат., 1984), поскольку ранее ее относили к XIV в. По наблюдению О. А. Князевской и А. А. Турилова, почерк писца похож на почерки рукописей ростовского скриптория первой половины XIII в., в первую очередь — Апостола 1220 г. (ГИМ, Син. 7; Св. кат., 1984, с. 197—198, № 175), а также Спасского евангелия середины XIII в. (Яросл. музей-заповедник, № 15690; Св. кат., 1984, с. 222—225, № 199). См.: Св. кат., 2002, с. 653, № д60.

¹⁵ См. изд.: Павлова, 1993, с. 100—103; к сожалению, воспроизведение текста содержит ошибки. Рукопись (в которой имеются русизмы) представляет собой палимпсест. Смытый текст был написан русской кириллицей (отрывки из евангельских и гимнографических текстов XII в.).

¹⁶ См. изд.: Павлова, 1989, с. 51—52 (житие Ольги); Павлова, 1993, с. 103—104 (житие варяжских мучеников). Один из мучеников (отец) называется здесь просто Варягом, другой (сын) называется Иваном.

«Повесть временных лет» не сообщает имен варяжских мучеников (ПСРЛ, I/1, 1926, стлб. 82—83; ПСРЛ, II, 1908, стлб. 69—71; ср. в этой связи: Шахматов, 1907; Марков, 1909; Рожнецкий, 1915), в церковной традиции они известны как Феодор и Иоанн. Синайский сборник, как кажется, — наиболее ранний текст, где указывается имя второго мученика.

¹⁷ См.: Турилов, 1996; Турилов, 1999, с. 23, примеч. 17. — Напротив, Пролог (ГПБ, Ф. п. I. 47; Св. кат., 1984, с. 271, № 294) с житием Владимира (л. 79), который принято датировать XIII в., по указанию А. А. Турилова, относится к XIV в.; в заголовке жития Владимир здесь именуется «святым» (Житие Владимира, с. 190—192; Акимович, 1912, с. 66—68).

¹⁸ См. изд.: Янин и Зализняк, 2000, с. 6.

¹⁹ Мы не знаем доподлинно, в честь какого св. Василия был крещен Владимир, но следует думать, это был св. Василий Великий (Кесарийский). Именно этому святому, по видимому, были посвящены церкви, построенные Владимиром, — в Киеве на княжем дворе, на месте, где до крещения

Руси стояли идолы Перуна и других языческих богов (ПСРЛ, I/1, 1926, стлб. 118, ср. стлб. 79; ПСРЛ, II, 1908, стлб. 103; это была первая церковь, построенная Владимиром сразу после крещения Руси), и затем в Вышгороде, где были положены мощи Бориса и Глеба (ПСРЛ, I/1, 1926, стлб. 134, 137, ср. стлб. 290; ПСРЛ, II, 1908, стлб. 121, 124).

Выбор крестного имени Владимира был обусловлен ориентацией на византийского императора: Владимир принимает имя современного ему императора Василия II, подобно тому как Ольга в свое время приняла имя византийской императрицы Елены, жены Константина Багрянородного, а болгарский князь Борис — имя современного ему императора Михаила. См.: Успенский, 2002, с. 43—44.

²⁰ Такие начало и конец приняты при перечислении святых в отпусте, завершающем церковную службу: отпуст начинается упоминанием Христа и Богородицы и заканчивается упоминанием «всех святых» (после чего следует клаузула: «помилует и спасет нас, яко благ и человеколюбец»).

²¹ Молдован, 1984, с. 78, 91, 92 (л. 168, 184 об., 185).

²² Там же, с. 94, 96 (л. 187 об., 190). Заметим, что князя Ярослава Владимировича («Мудрого») Иларион последовательно именует Георгием (там же, с. 97—99, л. 191 об., 192 об., 195).

²³ Усп. сб., с. 52, л. 14; Абрамович, 1916, с. 41.

²⁴ Характерно, что на монетах, чеканенных при князе Владимире, на одной стороне может значиться его мирское имя («Владимиръ»), на другой — имя его христианского патрона («сватаго Васи́ла»). См.: Толстой, 1882, с. 45 (№ 82).

²⁵ Кажется менее вероятным, что наименование «отец» относится в данном случае к св. Василию Великому. Правда, Василий Великий, как отец церкви и епископ, может тоже называться «отцом»; такое наименование, однако, казалось бы странным в данном случае, поскольку при упоминании других святых отсутствует характеристика подобного рода (т. е. указание типовой категории святого).

²⁶ Относительно датировки данной рукописи см. выше, примеч. 17.

²⁷ Житие Владимира, с. 192; Акимович, 1912, с. 68, 73; Серебрянский, 1915, прилож., с. 16, 21; Соболевский, 1888, с. 27, 29, 32, 65; ср. в гимнографии: Минея июльская, 1988, II, с. 182. — Полагают, что сопоставление Владимира с «древом рая» имеет в своей основе библейский образ «корня Иессее-

ва», о котором говорится в Библии (Ис. XI, 1, 10; ср.: Рим. XV, 12), см.: Подскальский, 1996, с. 205 (ср. здесь также комментарий К. К. Ацентьева на с. 514, примеч. 31). Более близкую аналогию дает, однако, образ «древа животного, еже есть посреде рая Божия» из Откровения св. Иоанна Богослова (Откр. II, 7, ср. XXII, 2, 14; ср. также Притч III, 18, XI, 30, XIII, 12, XV, 4).

²⁸ Славнитский, 1888, с. 233. Ср. тот же текст в современном богослужении (Минея июльская, 1988, II, с. 198).

²⁹ Это, насколько мы знаем, — самый ранний русский текст с неполногласной формой имени Владимир («Владимер», не «Володимер») после XI в.: обычно считается, что неполногласная форма вновь появляется на Руси с XV в. в результате второго южнославянского влияния (см.: Успенский, 2002, с. 42, § 3.1.2). В той же стихире встречается и полногласная форма «Володимер»: «Апостоломъ ревънителѧ Володимера» (л. 183 об.).

Стихира эта с небольшими изменениями (вместо «князем нашим» — «воинству нашему») исполняется и по сей день (см.: Минея июльская, 1988, II, с. 182).

³⁰ Ср.: Комарович, 1960.

³¹ Никольский, 1907, с. 91; Еремин, 1989, с. 102; Минея июльская, 1646, л. 162 об. Этот текст по сей день представлен в богослужении (см.: Минея июльская, 1988, II, с. 15).

³² Имеем в виду особые небиблейские — так называемые «летописные» — паремьи Борису и Глебу («Братие, в бедах пособиви бываите [...]», «Слышав Ярослав [...]» и «Стенам твоим, Вышегороде [...]»), где рассказывается о их убийстве и о последующей борьбе Ярослава со Святополком; каждая из них имела, как правило, заголовок «От Бытия чтение» (или: «От Бытия»), что должно было указывать на ассоциацию соответствующего текста с библейской книгой Бытия (см. об этом: Успенский, 2000). К Владимиру эти тексты отношения не имеют (если не считать единичного противопоставления Владимира и Святополка в третьей паремье: «отъять [...] отъ насъ Богъ Володимира, а Святополка наведе грѣхъ ради нашихъ» — там же, с. 116).

В Уставе Иосифо-Волоколамского монастыря 1553 г. под 15 июля читаем: «В той [же] д[е]нь оуспение с[вя]т[а]го и равна ап[о]с[то]лом великаг[о] кн[яз]я Вл[а]димера Кіевскаго [...] чтен[и]а 3. 1[-е] еж[е] отъ Быт[и]а: «Брат[и]е в' бѣдахъ посо[б]ивы». 2[-е]. «Слышавъ Іарославъ». 3[-е]. «Стѣнамъ твоимъ» (ГИМ,

Син. 337, л. 335); те же паремьи указаны здесь и для борисоглебского праздника 24 июля: «чтен[ия] 3. 1-с. «Брат[и]е в бѣдах по[собивы]». 2[-е]. «Слышав Ідрослав». 3[-е]. «Стѣнам твоим»» (л. 340 об.). Совершенно так же и в Уставе Соловецкого монастыря XVI в., принадлежавшем ранее Филофею, епископу рязанскому (1562—1568), под 15 июля говорится: «чтеніа 3. ѿт Быт[и]а чтеніе: “Братіе в’ бѣдах пособі[вы]”. “Слышав Ідрослав”. 3-а [паремья] “Стѣнамъ твоим Вышеград”» (ГПБ, Солов. 1116/1225, л. 348 об.); то же и под 24 июля: «чтеніа 3. 1[-я паремья]. “Братіе, в’ бѣдах пособиваѣ [sic!]”. 2-а. “Слышавъ Ідрославъ”. 3-а. “Стѣнамъ твоим Вышеград”» (л. 353 об.).

Соответственно, в ряде рукописей в праздник св. Владимира дается отсылка к «летописным» паремейным чтениям, положенным на службе Борису и Глебу. Так, в Минее на июнь-июль XV в. (ГИМ, Увар. 769-1°) в службе князю Владимиру 15 июля даны «летописные» паремьи «от Бытия», те же, что Борису и Глебу (л. 118—118 об.), — со ссылкой на службу Борису и Глебу под 24 июля, где эти же паремьи приведены полностью (см. л. 151—155 об.); здесь говорится: «Аще волить настоятель пареміи чести ищи их тогож м[ѣ]с[я]ца въ 24 [...]: ѿт Быт[и]а чтеніе, “Братіе въ бѣдах пособиви бывайте”. Дрѣгаа, “Слышавъ Ідрославъ”. Третіа, “Стѣнамъ твоимъ Вышеграде”». Ср. аналогичные указания под 15 июля в июльской Минее XVI в. (ГИМ, Чуд. 129, л. 107 об.; см. при этом «летописные» паремьи Борису и Глебу под 24 июля, л. 185 об.—189 об.), а также в июльской Минее XVI в. (ГПБ, Соф. 401; см.: Славнитский, 1888, с. 209, примеч. 1). В июльской Минее XV в. (ГИМ, Чуд. 130) в службе Владимиру, которая помещена в конце книги, на полях приписано: «Аще хоцещи пареміи, сег[о] м[ѣ]с[я]ца, 24» (л. 295 об.; см. здесь «летописные» паремьи Борису и Глебу под 24 июля, л. 214—219 об.). Равным образом в богослужбном сборнике (Службы из разных месяцев) начала XVI в. (ГБЛ, Тр.-Серг. 599) под 15 июля на память св. Владимира указаны те же паремьи (на л. 113 об.), что написаны далее под 24 июля мученикам Борису и Глебу (на л. 126—130 об.), а именно «летописные». Наконец, и в Иваничской июльской минее 1547 г. в службе св. Владимиру 15 июля «паремьи на вечерне положены те, что и в службе св. мученикам Борису и Глебу, причем они не выписаны целиком, а сделана лишь ссылка на службу названным св. князьям»; в службе Борису и Глебу 24 июля «летописные» паремьи приведены полностью (Бугославский,

1900, с. 46, 55—62). В Трефологе на март-январь начала XVII в. (ГПБ, Погод. 431) на праздник Владимиру под 15 июля указано: «Чтоуть паремьи что писаны Борису и Глѣбоу сего же м[ѣ]с[я]ца в 24 д[е]нь» (л. 188); под 24 июля здесь выписаны «летописные» паремьи Борису и Глебу (л. 217—221).

В других рукописях, напротив, соответствующие чтения приводятся под 15 июля, т. е. в составе службы Владимиру, тогда как в день Бориса и Глеба дается отсылка к этой службе. Так, в Трефологе русским святым XV—XVI вв. (ГИМ, Увар. 328-4¹) одни и те же «летописные» паремьи представлены как в службе Борису и Глебу 2 мая (л. 12 об.) и 24 июля (л. 105 об.—106), так и в службе Владимиру 15 июля (л. 88—93), причем в службе Владимиру они выписаны полностью, а в службах Борису и Глебу в обоих случаях дается отсылка к службе Владимиру. Совершенно так же в Трефологе русским святым XVI в. (ГБЛ, Тр.-Серг. 623) «летописные» паремьи, принятые обычно в службе Борису и Глебу, помещены под 15 июля в день св. Владимира (л. 501—505); между тем под 24 июля в день Бориса и Глеба здесь читаем: «паремьи писан[ы] сего м[ѣ]с[я]ца 15 д[е]нь» (л. 498). В Трефологе на март-январь начала XVII в. (ГПБ, Погод. 431) на праздник Владимиру под 15 июля указано: «Чтоуть паремьи что писаны Борису и Глѣбоу сего же м[ѣ]с[я]ца в 24 д[е]нь» (л. 188); под 24 июля здесь выписаны «летописные» паремьи Борису и Глебу (л. 217—221).

³³ Так, например, в июльской Минее XV в. (ГИМ, Син. 518, л. 105) в службе Владимиру под 15 июля указаны четыре стихиры, из них три посвящены не Владимиру, а Борису и Глебу (Горский и Невоструев, III/2, с. 127).

³⁴ Ср. в стихирах Борису и Глебу: «Прѣвѣ убо, прѣхвални, повинувшеса Христови и Того познавше, истиннаго Бога и Царя всѣхъ, праотчскихъ же боговъ, яко суетнихъ, уклонившеса [...]» (Абрамович, 1916, с. 151); «Романа съ Давыдомъ, иже всу землю просвѣщающе и идолскы мракъ отгонеща [...]» (там же, с. 166). Иларион в «Слове о законе и благодати» в аналогичных выражениях описывает деятельность князя Владимира: «Тогда начать мракъ идольскый ѿ нас ѿходити. и зорѣ бл[а]говѣрїа ѿвишася [...]» (Молдован, 1984, с. 93, л. 186 об.—187, ср. с. 78, л. 168).

³⁵ ПСРЛ, I/2, 1927, стлб. 479; Новг. лет., 1950, с. 448; Мансикка, 1913, прилож., с. 3—4, 20—21, 37, 72—73, 129, ср. с. 114; Серебрянский, 1915, прилож., с. 113; Бегунов, 1965, с. 165.

³⁶ См.: Успенский, 2000, с. 46.

³⁷ См.: Сперанский, 1921, с. 185; М. Н. Сперанский, к сожалению, не дает ссылки на рукописи. — По указанию Н. И. Серебрянского, житие Ольги дается под 15 июля и в русском Прологе на март-август начала XV в. (ГИМ, Усп. 3 перг., л. 183 об.—184), см.: Серебрянский, 1915, прилож., с. 7. Это ошибка: житие Ольги помещено здесь под 11 июля.

³⁸ См.: Голубинский, 1903, с. 56—57; ср. иначе: Голубинский, I/2, с. 391, 393; Васильев, 1893, с. 75; Fennell, 1993, с. 80—81.

³⁹ Никольский, 1907, с. 88—94; Еремин, 1989, с. 99—105; ср.: Подскальский, 1996, с. 380—382, ср. с. 168. Этот текст с некоторыми изменениями вошел в старопечатную (дониконовскую) служебную Минею (см.: Минея июльская, 1646, л. 159—165); в современном богослужении он представлен лишь частично (см.: Минея июльская, 1988, II, с. 5—23).

В «Слове о законе и благодати» Илариона о Владимире говорится, что он с Ольгой принес крест «ѡт новааго Іер[о]с[а]л[и]ма Константина града», т. е. подчеркивается, что Константинополь — это Новый Иерусалим (Молдован, 1984, с. 97, л. 191—191 об.); при этом имеет место явная аналогия с обретением креста в Иерусалиме, т. е. Владимир и Ольга уподобляются Константину и Елене. Ассоциация Владимира с Константином объясняется тем, что Владимир, подобно Константину, является первым христианским правителем (см. подробнее с. 78—79 наст. изд.). Между тем ассоциация Ольги с царицей Еленой (матерью Константина Великого) обусловлена одновременно несколькими факторами. Как уже упоминалось, Ольга приняла при крещении имя византийской императрицы Елены, жены современного ей (Ольге) императора Константина Багрянородного, которая, в свою очередь, была крещена в честь св. царицы Елены; таким образом, и Ольга была крещена в честь царицы Елены, матери Константина Великого. При этом Елена и Константин, с одной стороны, Ольга и Владимир (новый Константин), с другой, оказываются в сходных отношениях: Елена является родительницей Константина, Ольга — прародительницей Владимира как нового Константина. В «Слове о законе и благодати» читаем: «Ѡнь [Константин] съ материю своею Еленою кр[е]сть ѡт Іер[о]с[а]л[и]ма принесъша по всемѣ миру своемѣ раславъша вѣрж оутвердиста, ты же [Владимир] съ бабою твоею Ольгою принесъша кр[е]сть ѡт новааго Іер[о]с[а]л[и]ма Константина града, по всеи земли своеи поставивъша оутвер-

диста вѣрж» (Молдован, 1984, с. 97, л. 191—191 об.); ср. затем аналогичное место у Иакова мниха в «Памяти и похвале князю Володимеру» (Зимин, 1963, с. 68—69; Голубинский, I/1, с. 241).

Следует отметить, что житие Ольги встречается в прологах не только под 11 или 15 июля, но и под 21 мая, т. е. в день Константина и Елены (см. Пролог 1562 г. — ЦГАДА, Тип. библ. 724, л. 379 об.—380; см.: Серебрянский, 1915, с. 24, примеч. 1). Это указывает на то, что Ольга могла выступать под именем Елены, — так же, как Владимир мог выступать под именем Василия. Ср. у Иакова мниха в «Памяти и похвале князю Володимеру»: «И Богъ прослави тѣло своея си Олены, еи же имя въ святомъ крещеньи наречено блаженя княгинѣ Олгы» (Зимин, 1963, с. 69; Голубинский, I/1, с. 241).

⁴⁰ Никольский, 1907, с. 93—94; Еремин, 1989, с. 104—105. В печатной Минее 1646 г. этот последний пассаж отсутствует (Миней июльская, 1646, л. 164 об.). В современной службе опущены оба текста, относящиеся к Владимиру.

⁴¹ ПСРЛ, I/1, 1926, стлб. 130; ПСРЛ, II, 1908, стлб. 115.

⁴² Точная дата смерти Ольги, в отличие от даты смерти Владимира, не сообщается в «Повести временных лет» (ПСРЛ, I/1, 1926, стлб. 68; ПСРЛ, II, 1908, стлб. 55). Древнейшее указанием на день ее кончины находится в уже знакомом нам болгарском Синайском сборнике конца XIII — начала XIV в. (ГПБ, Q. п. I. 63); как отмечалось, здесь представлены жития Ольги, мучеников-варягов и Владимира. В житии Ольги, которое начинается словами «м[ѣ]с[ѣ]ца и[у]ла въ 11 д[е]нь с[вѣ]тыа мѣченицѣ Е[в]ф[и]м[и]а в ты же ден и оупение блаженя Вольгы кнагына царица росьскѣа» (л. 1), читаем: «и прѣстави сѧ [Ольга] м[ѣ]с[ѣ]ца и[у]лѣ въ 11 д[е]нь» (л. 2). См. изд.: Павлова, 1989, с. 51—52.

Отметим, что в южнославянских прологах, восходящих к русским прологам домонгольского времени, память Ольге, как правило, показана под 11 июня (см.: Сперанский, 1921, с. 185); только что цитированный Синайский сборник представляет собой в этом отношении исключение. Таковую именно дату мы находим в болгарском Лесновском (Станиславове) прологе 1330 г. (Архив Сербской академии наук, № 53, л. 243; см. изд.: Лесн. пролог, с. 261; см. также: Павлова, 1988, с. 28; Ламанский, 1864, с. 113; Шафарик, 1863, с. 39, ошибочно указывает дату 11 июля и ссылается на л. 224; Павлова, 1989, с. 43—44, ошибочно указывает дату 11 июля), в болгарском прологе 1338 г.

(ГПБ, Погод. 58, л. 158; см. изд.: Сырку, I, с. 460, примеч. 1; Павлова, 1989, с. 45—46), в сербском прологе XIV в. Румянцевского собрания (ГБЛ, Румянц. 319, л. 132; см. изд.: Востоков, 1842, № 319, с. 452—453; Павлова, 1989, с. 47), в сербском прологе XIV в. Хлудовского собрания (ГИМ, Хлуд. 189, л. 164 об.; см. изд.: Павлова, 1989, с. 47—48; ср.: Попов, 1872, № 189, с. 379) и, возможно, в болгарском прологе XIV в. (Архив Болгарской Академии наук, № 73, л. 368 об.—369; см. изд.: Ангелов, 1957, с. 294—295; Павлова, 1989, с. 46—47; Ангелов указывает 11 июля, Павлова — 11 июня). Так же датируется смерть Ольги и в русской Летописи Авраамки (ПСРЛ, XVI, 1889, с. 37). Н. И. Серебрянский считает это простой ошибкой (Серебрянский, 1915, с. 23), но не исключено, что дата 11 июня является более ранней, тогда как дата 11 июля может объясняться стремлением объединить русских святых в рамках июльской Минеи.

Память Ольги иногда встречается в рукописях и под другими датами (отличающимися от уже указанных): так, в Прологе первой половины XVI в. (ГИМ, Вахр. 735, л. 323 об.—324) она значится под 2 июля (отмечено Н. И. Серебрянским, см.: Серебрянский, 1915, с. 23, примеч. 2, и прилож., с. 7); любопытно, что и в этом случае Ольга оказывается июльской святой.

⁴³ Характерно, что когда в середине XVI в. (после макарьевских соборов 1547 и 1549 гг.) был установлен общий праздник новопрославленным русским святым, он был приурочен именно к июлю: первоначально он отмечался 17 июля, а затем был перенесен на первое воскресенье после Ильина дня (т. е. после 20 июля). См.: Спасский, 1949; ср.: Минея июльская, 1988, II, с. 209—227.

⁴⁴ См.: Успенский, 2002, с. 72 (§ 3.3.3).

⁴⁵ Она определяла и особенности их иконного изображения, которые регламентировались в иконописных «подлинниках» (см.: Успенский, 1995, с. 233).

⁴⁶ Мученическая кончина их непосредственно связана с язычеством Владимира: в ознаменование победы Владимира над ятвягами было решено совершить человеческое жертвоприношение.

⁴⁷ См.: Успенский, 2000, с. 11—12. Объединение Ольги с Борисом и Глебом, о котором упоминалось выше, заставляет и ее ассоциировать с мучениками, ср. в службе, ей посвященной: «мы же тобою хвалащеса, яко тебе ради Б[о]га познахом, съ м[у]ч[е]н[и]кы та възвеличим»; после этого следует

аналогичная по своей конструкции фраза, где Ольга ассоциируется с Владимиром (мы уже имели случай ее цитировать): «мы же тобою хвалящеса, яко тебе ради Б[о]га познахом, съ Володимером та величаем» (Никольский, 1907, с. 93; Еремин, 1989, с. 104).

⁴⁸ См., например, Трефолог XV в. (ГБЛ, Тр.-Серг. 613, л. 393 об. с отсылкой к службе 5 июля, ср. л. 175—176 об.), Минею на июнь-июль XV в. (ГИМ, Чуд. 128, л. 212 об. с отсылкой к службе 5 июля, ср. л. 153—154), июльскую Минею XVI в. (ГИМ, Увар. 1108-4°, л. 129), Трефолог XVI в. (ГБЛ, Тр.-Серг. 614, л. 98 об.), Трефолог XVI в. (ГИМ, Чуд. 140, л. 297 об.), а также печатные издания: Минея общая, 1637 (л. 531), Минея общая, 1638 (л. 531), Трефолог на июнь-август, 1638 (л. 584), а также печатные июльские Минеи до 1693 г. (см. ниже). То же с изменениями в порядке чтений: в июльской Минее XVI в. (ГИМ, Епарх. 59, л. 247 об.), в Минее на июль и август XVI в. (ГПБ, Погод. 561, л. 64 об.—65 об.), в богослужебном сборнике 1560-х гг. (ГПБ, Погод. 434, л. 368—369), в богослужебном сборнике конца XVI в. (ГПБ, Погод. 573, л. 320 об.), в Трефологе русским святым, XVI в. (ГИМ, Син. 677, л. 802), в богослужебном сборнике XVI—XVII вв. (ГПБ, Погод. 578, л. 67—68) и в Трефологе на июнь-август XVI—XVII вв. (ГИМ, Чуд. 149, л. 147 об.—149 об.); во всех этих рукописях кроме последней изменен порядок 2-го и 3-го чтения, тогда как в последней рукописи изменен порядок 1-го и 2-го чтения (вообще об изменениях в порядке паремейных чтений см.: Успенский, 2000, с. 60—61, примеч. 23).

В Трефологе 1607 г. на май-август (ГБЛ, Муз. 3308, л. 180) на память св. Владимиру 15 июля сказано: «Паремьи с[вя]тительския писано Генвара 11 или в Минѣе опщей» (при этом паремьи Борису и Глебу здесь — «летописные», л. 220—225 об.). Кажется, здесь недоразумение, так как на 11 января приходится память Феодосия Великого, который не был епископом, тогда как епископы под этим числом не поминаются; существенно во всяком случае, что в этот день положены преподобнические паремьи.

В настоящее время на службе Владимиру принято читать те же паремьи, что в день Константина и Елены 21 мая (III Цар. VIII, 22—23, 27—30; Ис. LXI, 10—11, LXII, 1—5; Ис. LX, 1—16), см.: Паремейник, 1890—1893, II, 181—186 и 163—167; Булгаков, 1913, с. 288 и 196. Это изменение произошло при патриархе Адриане (1690—1700): в печатной июльской Минее

1691 г., подготовленной еще при патриархе Иоакиме, на службе Владимиру предписаны «преподобнические» паремьи, такие же, как и в предшествующих изданиях (см.: Минея июльская, 1691, л. 183, с отсылкой к службе 5 июля, ср. л. 43 об—45); однако в следующем издании Минеи, 1693 г., показан уже новый набор паремейных чтений (см.: Минея июльская, 1693, л. 173—173 об.).

⁴⁹ См.: Живов, 1994, с. 81—85.

⁵⁰ ПСРЛ, I/1, 1926, стлб. 130—131; ПСРЛ, II, 1908, стлб. 115; Новг. лет., 1950, с. 169.

⁵¹ Абрамович, 1916, с. 4.

⁵² Зимин, 1963, с. 74; Голубинский, I/1, с. 236.

⁵³ Никольский, 1907, с. 93—94; Еремин, 1989, с. 104—105.

⁵⁴ Молдован, 1984, с. 96—97 (л. 190 об.—191 об.).

⁵⁵ Славнитский, 1888, с. 227.

⁵⁶ Там же, с. 231.

⁵⁷ Там же, с. 232.

⁵⁸ РИБ, VI, № 62, стлб. 527—528.

⁵⁹ Тихонюк, 1986, с. 60; РИБ, VI, № 118, стлб. 798; Идея Рима., с. 124.

⁶⁰ Ст.-сл. и др.-рус. слово *подоба* означает, собственно, ‘подобание’, ‘приличие’, ‘пристойность’, ‘то, что должно быть, что следует’. Ср. ст.-сл. *подоба ксть* или *на подобж ксть* ‘надо’, ‘следует’, ‘подобает’, *на подобж быти* ‘быть достойным’, откуда *подобьно ксть* ‘подобает’, *подобьнь* ‘достойный’; соответственно, *прѣподобие* означает ‘праведность’, ‘пристойность’, ‘достоинство’, *прѣподобьнь* ‘согласный с правилами добродетели’ (Сл. ст.-сл. яз., 1994, с. 462—463, 548; Slov. jaz. starosl., III, с. 96—100; 471—472; Срезневский, II, стлб. 1037—1038, 1681; Сл. РЯ XI—XVII вв., XVI, с. 17—25); об этимологии слова *подоба* см.: Etym. slov. jaz. starosl., XI, с. 668—670. Когда анонимный автор рассуждения о великой схиме (его ассоциируют иногда с Кириллом Туровским) в конце XII в. обращается к Василию, игумену Печерскому, со словами «Поклоняние от моего недостойнства к твоему преподобьству» (Послание к Василию, 1851, с. 346), то *недостойнство* и *преподобство* выступают как антонимы, семантически соотнесенные друг с другом.

Обычным греческим соответствием слова *преподобный* является ὁσος. В переводе Хроники Георгия Амартола слово *прѣподобьнь* соответствует греческим αἰδέσιμος ‘внушающий уважение, достойный’ δίκαιος ‘чтущий законы, честный, справед-

ливый, праведный, подобающий, правильный, истинный, натоющийся, подлинный, законный, подходящий, пригодный’, $\epsilon\upsilon\lambda\alpha\beta\eta\varsigma$ ‘осторожный осмотрительный, богобоязненный’, $\theta\sigma\iota\omicron\varsigma$ ‘установленный богами, священный, благочестивый, набожный, освященный, посвященный, праведный, правильный’, $\tau\acute{\iota}\mu\omicron\varsigma$ ‘почитаемый, уважаемый, почтенный’ (Георг. Амарт., III, с. 306). В переводе «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия *преподобный* соответствует как $\theta\sigma\iota\omicron\varsigma$, так и $\sigma\epsilon\mu\acute{\iota}\omicron\tau\eta\varsigma$ ‘достопочтенность, важность, священность, благочестие’, производному от $\sigma\epsilon\mu\acute{\iota}\omicron\varsigma$ ‘окруженный почитанием, свято чтимый, священный’ (Иос. Фл., II, с. 279; ср. Иос. Фл., I, с. 376, 660). В Изборнике 1076 г. *прѣподобныи* соответствует как $\theta\sigma\iota\omicron\varsigma$, так и $\chi\rho\eta\sigma\acute{\iota}\mu\omicron\varsigma$ ‘полезный, порядочный, благонамеренный, подлинный’ (Изб. 1076 г., с. 612, 613, 616, 798, 799, л. 231 об., 232, 233 об.; с. 374, 778, л. 176 об.).

⁶¹ *Подобити* представляет собой каузатив от *подобати*. Как тот, так и другой глагол представлен уже в старославянском (Сл. ст.-сл. яз., 1994, с. 462; ср.: Slov. jaz. starosl., III, с. 96—97; Срезневский, II, стлб. 1038—1039). Ср. различные значения слова *подобие* в древнерусском языке: ‘то, что похоже, образец, образ, изображение, должный порядок’ (Срезневский, II, стлб. 1039).

⁶² Молдован, 1984, с. 91 (л. 184 об.).

⁶³ Там же, с. 98—99 (л. 193 об.—194). Ср. еще: «Како ти с[е]рдце разверзеса [...] не видѣ ап[о]с[то]ла пришедша в землю твою» (там же, с. 95, л. 188 об.).

⁶⁴ Зимин, 1963, с. 68; Голубинский, I/1, с. 240.

⁶⁵ Синайский сборник конца XIII — начала XIV в. (ГПБ, Q. п. I. 63, л. 4 об.—5; см. изд.: Павлова, 1993, с. 102 — с ошибками в прочтении текста). Аналогичный текст был представлен в Прологе на март-июль, XIV в. (ГПБ, F. п. I. 47), но полностью не сохранился, см.: Житие Владимира, с. 191—192; Акимович, 1912, с. 66, ср. с. 72. См. также Пролог на март-август начала XV в. (ГИМ, Усп. 3 перг., л. 189). Н. И. Серебрянский приводит этот текст по более позднему и несколько менее исправному списку (Серебрянский, 1915, прилож., с. 21).

⁶⁶ Славнитский, 1888, с. 226.

⁶⁷ Там же, с. 229.

⁶⁸ Там же, с. 229. Ср. еще: «Обетшаную лѣсть бѣсовскую прогналь кси яко великий Х[ри]с[то]въ оуч[е]н[и]къ» (там же, с. 232).

⁶⁹ Эта стихира представлена и в современном богослужении (см.: Минея июльская, 1988, II, с. 188).

⁷⁰ О древности данного уподобления см.: Назаренко, 2001, с. 445—447; ср.: Славнитский, 1888, с. 219.

⁷¹ Нечто похожее происходит и с Константином, крещению которого предшествует внезапное заболевание проказой (ср.: Сухомлинов, 1908, с. 105—106), однако аналогия с Павлом оказывается более явной.

⁷² Славнитский, 1888, с. 228. Так же и в современном богослужении: Минея июльская, 1988, II, с. 191.

⁷³ Славнитский, 1888, с. 227. Так же и в современном богослужении: Минея июльская, 1988, II, с. 190.

⁷⁴ Начало этой фразы представляет собой скрытую цитату из Псалтыри (Пс. II, 1; ср.: Деян. IV, 25), и, соответственно, перевод ее должен основываться на экзегезе библейского текста.

⁷⁵ Там же, с. 225—226.

⁷⁶ Там же, с. 232. Ср. тот же текст в современном богослужении (Минея июльская, 1988, II, с. 198).

⁷⁷ Так полагает Н. С. Серегина, по мнению которой речь идет здесь о церкви св. Василия, которую Владимир построил в Киеве в 988 г. (Серегина, 1994, с. 69). Точно так же можно было бы предположить, вообще говоря, что имеется в виду новгородская церковь св. Владимира, построенная архиепископом Давидом в 1311 г. (см. выше, примеч. 3). Ни то, ни другое предположение не кажется оправданным.

⁷⁸ Ср.: Успенский, 1998, с. 69 (примеч. 67).

⁷⁹ См.: Успенский, 2000, с. 11, 26—27. — Такой набор паремейных чтений показан, например, под 24 июля (на праздник Бориса и Глеба) в июльской Минее XV в. (ГИМ, Син. 518, л. 162 об.—164), в богослужебном сборнике XVI в. из Ферапонтова монастыря, приписываемом Дионисию Глушицкому («Соборник Дионисия Глушицкого» — ГПБ, Соф. 438, л. 87), или в Трефологе на март-август начала XVII в. (ГПБ, Погод. 436, л. 106 об.—108).

Связь с этим набором чтений (паремейных чтений «апостолу единому») прослеживается и в специальных паремейных чтениях Борису и Глебу, отличающихся от чтений, которые полагаются «мученику единому» или «апостолу единому», т. е. в чтениях, которые были составлены специально для службы Борису и Глебу. Такие чтения подразделяются на «библейские» (паремьи библейского происхождения) либо «летописные» (паремьи небиблейского происхождения, рассказы-

вающие об истории русских князей); о «летописных» паремейных чтениях Борису и Глебу мы уже упоминали выше (в примеч. 32). Третья паремья библейских чтений (старшего состава), восходящая к посланию апостола Иоанна (I Ин. IV, 20—21; V, 1—5), соответствует третьей же паремье из службы «апостолу единому». Вместе с тем первая фраза этого же послания («Аще кто речет, яко люблю Бога, а брата своего ненавидит, ложь есть» — I Ин. IV, 20) читается в первой «летописной» паремье Борису и Глебу. В дальнейшем состав специальных библейских чтений Борису и Глебу был изменен — по-видимому, Пахомием Логофетом в середине XV в., — и более поздний их состав уже не обнаруживает связи с общей службой апостолу («апостолу единому»), оказываясь при этом связанным с общей службой мученику («мученику единому»). Надо полагать, что Пахомий нашел неуместным в данном случае чтение из послания Иоанна ввиду того, что такие чтения приняты на службе апостолу; поэтому он максимально приблизил библейский набор чтений к общим мученическим чтениям, взяв оттуда две паремьи из службы одному мученику. См.: Успенский, 2000, с. 26—28, ср. с. 24—25.

⁸⁰ ПСРЛ, XLI, 1995, с. 52. Это место восходит к «Сказанию о Борисе и Глебе», однако в «Сказании» Борис и Глеб с апостолами не сравниваются: «Тѣмъ же ваю како похвалити — не съвѣмъ, или чѣто рещи — недооумѣю и не възмогу. Анг[е]ла ли ва нарекоу, имъже въскорѣ обрѣтаѣта сѧ близь скърбѣщихъ? Но плѣтскы на земли пожила кѣта въ чловѣчствѣ. Ч[е]ловѣка ли ва именуоу? То паче всего ч[е]ловѣчска оума преходита множествъмъ чудесь и посѣщеникмъ немощныхъ. Ц[е]с[а]ря ли князя ли ва проглаголю? Но паче ч[е]ловѣка оубо проста и сѣмѣрена, сѣмѣреник бо сѣтажала кѣта, имъже високаа мѣста и жилища въселиста сѧ. По истинѣ вы цесарѧ ц[е]с[а]ремъ и князѧ кнѧземъ, ибо ваю пособикмъ и зашѣщеникмъ князи наши противоу въстаюшѧ държавно побѣжають и ваю помощию хвалѣть сѧ» (Усп. сб., с. 56, л. 16 об.—17; Абрамович, 1916, с. 49).

В «Повести временных лет» о Борисе говорится, что он сопричтен к лику святых с мучениками, пророками и апостолами: «Тако скончаса бл[а]ж[е]ныи Борисъ, вѣнецъ приемъ ѿ Х[ри]с[т]а Б[ог]а съ праведными причетъса съ пр[о]р[о]кы и ап[о]с[т]олы, с ликы м[у]ч[е]н[и]чьскыи водварѧса» (ПСРЛ, I/1, 1926, стлб. 134; ПСРЛ, II, 1908, стлб. 120—121; ср.: Новг. лет., 1950, с. 171).

⁸¹ «Не бѣ бо в землѣ Роуцѣи первее, иже бѣ воеваль землю Чыскоу, ни С[вя]тославъ хоробры, ни Володимеръ с[вя]тыи» (ПСРЛ, II, 1908, стлб. 821; речь идет о галицком князе Данииле Романовиче).

⁸² ПСРЛ, I/2, 1927, стлб. 479. Имеется в виду цитированный пассаж из жития Александра Невского, которое приведено в летописи под годом его смерти (см. выше, примеч. 2).

⁸³ См. изд.: Молдован, 1984, с. 94—95 (л. 188а, 188б, 189а).

⁸⁴ См. изд.: Зимин, 1963, с. 68—70, 72; Голубинский, I/1, с. 240—243. Отождествление «Иакова мниха», автора «Памяти и похвалы князю Володимеру», с иеромонахом Иаковом, иноком Киево-Печерского монастыря, которого Феодосий в 1074 г. намеревался поставить своим преемником (ПСРЛ, I/2, 1927, стлб. 186—187; ПСРЛ, II, 1908, стлб. 177), является предметом дискуссии (см.: Творогов, 1987, с. 191), однако древность этого памятника не вызывает сомнения.

⁸⁵ ПСРЛ, I/1, 1926, стлб. 130; ПСРЛ, II, 1908, стлб. 115.

⁸⁶ Серебрянский, 1915, с. 53 (примеч.).

⁸⁷ Ср.: «Ино чюдо слышите о неи [Ольге]. Въ гробѣ, идѣже лежить блаженое и честное тѣло блаженя княгинѣ Олгы, гробѣ камень малъ въ церкви святяы Богородица, ту церковь созда блаженый князь Володимеръ каменую въ честь святяы Богородици. И есть гробѣ блаженя Олгы и наверху гроба оконче [т. е.: оконце] створено и туда видити тѣло блаженя Олгы лежаще цѣло. Да иже с вѣроу придетъ, отворится оконче и видить честное тѣло лежаще цѣло и дився чюдо таковому, толико лѣтъ въ гробѣ лежащю тѣлу не раздрушимуся. И человѣцѣ же вѣрнѣи, видивше чюдо толико, славятъ Бога, дивящеся милости Божии, юже иматъ на святыхъ своихъ» (Зимин, 1963, с. 69; ср.: Голубинский, I/1, с. 242).

⁸⁸ Ср.: «Не дивимся, възлюбленѣи, аще чюдесъ не творить по смерти, мнози бо святѣи праведнѣи не створиша чюдесъ, но святѣ суть. Речь [т. е.: рече] бо нѣгдѣ о томъ святяи Иванъ Златоустыи: “От чего познаемъ и разумѣмъ свята челоуѣка, от чюдесъ ли или от дѣлъ?” И рече: “От дѣлъ познати, а не от чюдесъ”. Много бо и вольсви чюдесъ створиша бѣсовскимъ мечтаньемъ, и бяху святѣи апостолѣ и бяху лжии апостолѣ; бѣша святѣи пророцѣ и бяху лжии пророцѣ, слугы дяволя. Ино чюдо, и самъ сотона преображается въ ангель свѣтѣль; но от дѣлъ разумѣти святого [...]» (Зимин, 1963, с. 70; ср.: Голубинский, I/1, с. 243).

⁸⁹ ПСРЛ, I/1, 1926, стлб. 246; Орлов, 1946, с. 140.

⁹⁰ ПСРЛ, II, 1908, стлб. 658.

⁹¹ См., например: «святой равноапостольный князь Владимир именовался в древних памятниках нашей письменности не святым, а только блаженным, и имя его не было внесено в памяти святых, в церковные месяцесловы или святцы, с приурочением его памяти и службы ему к известному дню» (Петров, 1888, с. 595).

⁹² См.: Маясова, 1971, табл. 5; Свирин, 1963, с. 41—42; ср.: Поппе, 1990, с. 231. Н. А. Маясова неправильно цитирует надпись: «в лет 6897 уна шить быс...» — «уна шить быс» следует читать как «нашить быс[ть]»).

На шитье представлена деисусная композиция с образом Нерукотворного Спаса в центре, которому предстоят Богоматерь с Предтечей, архангелы и четыре русских митрополита — Максим, Петр, Феогност и Алексей (Петр и Алексей изображены по правую руку Христа, Максим и Феогност — по левую руку). Все они изображены с нимбами, хотя только один из них — Петр — был к тому времени канонизован (Петр выделен как святой: над его именем имеется надпись: «o ag[i]o[s]»). Это те митрополиты, которые находились в Великой Руси — после переноса митрополии из Киева во Владимир. Внизу изображены восемь святых, среди которых три русских — князья Владимир, Борис и Глеб (Глеб, Борис, Алексей человек Божий, Никола, Григорий Богослов, Никита мученик, Дмитрий Солунский, Владимир). Князья, в отличие от святых, изображены в шапках.

Здесь выражена историческая концепция, которая позднее оформится как доктрина «Москва — Третий Рим». Знаменательный год создания пелены — в 1389 г. умирают Дмитрий Донской и митрополит Пимен. В феврале 1389 г. Константинополь признает Киприана как митрополита всея Руси, хотя еще в марте этого года митрополитом всея Руси именуется Пимен (см.: Успенский, 1998, с. 388—390). Достоинно внимания, что Пимен не изображен на пелене, — это может объясняться либо тем, что он не признается митрополитом, либо тем, что он был еще жив (или считался живым) в это время.

⁹³ См.: Vodoff, 1988—1989, с. 448—449.

⁹⁴ См.: Литвина и Успенский, 2002, с. 51.

⁹⁵ ПСРЛ, I/1, 1926, стлб. 240; Орлов, 1946, с. 128.

⁹⁶ Равным образом имена пяти сыновей Владимира Мономаха повторяют имена сыновей Владимира Святого: в трех случаях повторяются мирские имена (Изяслав, Мстислав,

Святослав), в двух случаях — крестные имена (Георгий, Роман) (см.: Литвина и Успенский, 2002, с. 42, 60).

Отметим, что Владимир Мономах родился вскоре после произнесения «Слова о законе и благодати» Илариона (написанного не ранее построения Софийского собора в 1037 г. и не позднее смерти княгини Ирины-Ингигерд, случившейся 10 февраля 1051 г.), когда начался, возможно, процесс прославления Владимира.

⁹⁷ См. выше, примеч. 92.

⁹⁸ ПСРЛ, II, 1908, стлб. 567.

⁹⁹ «Родиса с[ы]нъ Георгію князю м[ѣся]ца октаб[ря] въ 23 д[е]нъ, и прозваша и Всеволодь, а в с[вя]томъ кр[е]щ[е]нии нарекоша има ему Дмитрии» (ПСРЛ, I/2, 1927, стлб. 438).

¹⁰⁰ «Родиса с[ы]нъ Константину Володимеръ, а в с[вя]томъ кр[е]щ[е]нии нарекоша имя ему Дмитрии» (ПСРЛ, I/2, 1927, стлб. 438).

¹⁰¹ «Того же лѣт[а] [1192 г.] у великого княза Всеволода родиса с[ы]нъ до заоутренаѧ с[вя]т[о]го Дмитрѣа д[ѣ]не, и именины же тогда бахоуть. Всеволодь же велѣ оучинити с[ы]н[о]ви своему во свое има Дмитрѣи въ с[вя]т[ѣ]мъ кр[е]щ[е]нии, а княжее има оучини емоу Володимеръ, дѣда своего има Мономаха Володимѣра» (ПСРЛ, II, стлб. 674—675).

¹⁰² См.: Назаренко, 2001, с. 593—594.

¹⁰³ См.: Назаренко, 2001, с. 593—594; Литвина и Успенский, 2001, с. 56.

¹⁰⁴ См.: Литвина и Успенский, 2001, с. 56—57.

¹⁰⁵ Он княжил в Новгороде в 1036—1052 гг. и в 1045 г. заложил здесь церковь св. Софии. Еще до Макарьевских соборов 1547—1549 гг. он был причислен к лику святых (Голубинский, 1903, с. 73, 108).

¹⁰⁶ Володарь Ростиславич, князь перемышльский; Василько Ростиславич, князь теребовльский (оба умерли в 1124 г.).

¹⁰⁷ См.: Литвина и Успенский, 2003, с. 163—164; ср.: Успенский, 2001, с. 88.

¹⁰⁸ См.: Карпов, 2001, с. 181—182; Литвина и Успенский, 2002, с. 85 (примеч. 11). О Владимире Ярославиче как «большем» сыне говорит и Упирь Лихый в записи 1047 г. (Срезневский, 1882, стлб. 18). Первая Новгородская летопись младшего извода упоминает сына Ярослава Владимировича — Илью, который княжил в Новгороде до Владимира Ярославича (Новг. лет., 1950, с. 161, 470) и который, возможно, был рожден от первого брака. Существенно во всяком случае, что Владимир

Ярославич был старшим сыном от брака Ярослава с Ириной-Ингигерд. В завещании Ярослава Мудрого подчеркивалось, что все оставшиеся в живых его сыновья — дети от одной матери (ПСРЛ, I/1, 1926, стлб. 161). «Судя по всему, среди ближайших потомков Ярославичей помнились и учитывались [...] именно сыновья от Ингигерд» (Литвина и Успенский, 2002, с. 43). Горский и Невоструев полагают, однако, что Владимир Ярославич считался старшим сыном, т. к. он родился в год смерти старшего своего брата Илии (Горский и Невоструев, I, № 1—3, с. 112).

¹⁰⁹ См.: Литвина и Успенский, 2003, с. 165.

¹¹⁰ Там же, с. 164; см. здесь вообще о варьировании родового имени (с сохранением основного компонента) как принципе имянаречения в династии Рюриковичей. Ср. также: Литвина и Успенский, 2002, с. 89 (примеч. 29).

¹¹¹ Ср. в этой связи предположение А. В. Назаренко о том, что первоначальное житие Владимира появляется сразу же после его смерти — в 1015—1018 гг. (см.: Назаренко, 1996, с. 33—36; Назаренко, 2000, с. 44—46).

¹¹² См.: Назаренко, 1986; Назаренко, 1995а, с. 83—85; Назаренко, 2000а, с. 500—503.

Возможным исключением является лишь Святополк, если считать, что он был сыном Ярополка (об обстоятельствах его рождения см.: ПСРЛ, I/1, 1926, стлб. 78; ПСРЛ, II, 1908, стлб. 66; Новг. лет., 1950, с. 127, 439, 527), и неясность его происхождения определяет отношение к нему как к незаконному правителю, узурпатору власти. Одновременно он оказывается как бы вне христианского культа, ассоциируясь с языческим началом: не случайно в паремейном чтении о Борисе и Глебе он именуется «Поганополком»: «Сею [Бориса и Глеба] бо кровь и до коньчины вѣка не прѣстаеть въпиущи къ Богу на безаконнаго и гордаго Святопѣлка, паче же рѣку — поганопѣлка, безглавнаго звѣри» (Абрамович, 1916, с. 118; Успенский, 2000, с. 43, 115).

¹¹³ Славнитский, 1888, с. 227.

¹¹⁴ Там же, с. 228—229. Ср. в современном богослужении: «Приидите, стецемся вси верно в честней памяти отца Росийскаго, наставника нашего Василия» (Минея июльская, 1988, II, с. 186, ср. с. 188).

Ассоциация Владимира с Константином Великим, о которой мы говорили выше, может приводить к тому, что Константин, подобно Владимиру, воспринимается как родона-

чальник русской княжеской династии. Ср. молитвенное обращение к «царям» Константину Великому и Владимиру (который именуется при этом «вторым Константином» или же «новым Константином великого Рима», ср. выше) в житии Владимира, дошедшем до нас в списках XV—XVII вв.: «О святая цѣсаря Костянтине и Володимере, помогаита на противныя сродником ваю и люди избавляита от всякия бѣды гречския и русския, и о мнѣ, грѣшнемъ, помолитася к Богу, яко имуще дерзновение к Спасу, да спасуся ваю молитвами. [...] Вы же, святая, молящеся о нас и о людех своихъ, примете на молитву к Богу святую ваю сыну Бориса и Глѣба, да вси вкупѣ възможете Господа умолити с помощью силы креста честнаго и с молитвами пресвятыя Богородица, госпожа наша и со всѣми святыми» (Зимин, 1963, с. 75; Голубинский, I/1, с. 237). Борис и Глеб определяются здесь как родичи не только князя Владимира, но и императора Константина: подобно тому, как Борис и Глеб помогают своим сродникам Константину и Владимиру, так, в свою очередь, Константин и Владимир призываются оказывать помощь своим сродникам и в конечном счете всему народу греческому и русскому.

В дальнейшем как киевский князь Владимир, так и император Константин могли считаться прародителями московского великого князя. Так, митрополит Иона в послании киевскому князю Александру Владимировичу 1450 г. заявляет, что «христолюбивый великий князь Василей Василичевич» решил поставить его на митрополию, «ревнуя святым своим прародителем, благочестивому святому первому православному равному святым апостолом царю Констянтину и великому князю Владимиру» (РФА, I, № 65, с. 216—217; РИБ, VI, № 66, стлб. 560).

¹¹⁵ ПСРЛ, I/1, 1926, стлб. 131; ПСРЛ, II, 1908, стлб. 117.

Этого рассуждения нет в Новгородской летописи: Новг. лет., 1950, с. 169.

¹¹⁶ Ср. в летописи о Ольге под 969 г. в связи с сообщением о ее смерти: «по см[е]рти молаше Б[ог]а за Русь» (ПСРЛ, I/1, 1926, стлб. 68; ср.: ПСРЛ, II, 1908, стлб. 56). — Цитированное рассуждение из похвалы Владимиру повторяется в его житии (Зимин, 1963, с. 75; Голубинский, I/1, с. 236); то ли агиограф не заметил этой несообразности, то ли она его не смущала.

Н. К. Никольский полагал, что в похвале Владимиру отразились несколько разновременных пластов: «летописец изумляется с одной стороны недостаточному прославлению Владимира: “Дивно же есть се, колико добра створиль Русьстѣй

земли, крестивъ ю. Мы же хрестьяне суще, не въздаемъ почестья противу оногo възданья”. С другой же стороны под тем же годом летописец восклицает: “Сего бо (т. е. Владимира) память держать Русьстїи людье, поминающе святое крещенье” и проч.». Отмечая, что эти высказывания противоречат друг другу, Никольский заключает: «Вероятно, что они восходят не к одному источнику» (Никольский, 1907, с. 1—3).

Цитируемая литература

- Абрамович, 1916 — *Д. И. Абрамович*. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. СПб., 1916 (= «Памятники древнерусской литературы», вып. 2). Ср. репринтное переиздание части текстов (без введения Абрамовича и с существенными пропусками в тексте): Die altrussischen hagiographischen Erzählungen und liturgischen Dichtungen über die heiligen Boris und Gleb. Nach der Ausgabe von Abramovič in Auswahl neu herausgegeben und eingeleitet von Ludolf Müller. München, 1967 (= «Slavische Propyläen», Bd. 14).
- Акимович, 1912 — [*С. Ф. Акимович*]. Краткая проложная редакция Жития св. Владимира. По списку имп. Публ. библ. А. п. № 47, XIII в. — В изд.: *В. Н. Перетц*. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в С.-Петербург 13—28 февраля 1911 года. Киев, 1912 (с. 66—68).
- Ангелов, 1957 — *Боню Ст. Ангелов*. Старобългарски текстове (из славянските рукописи в БАН), V. Проложно житие на руската княгиня Олга. — «Известия на Архивния институт [при Българската Академия на науките]», кн. 1. София, 1957 (с. 292—295).
- Андроник, 2000 — *Игумен Андроник (Трубачев)*. Канонизация святых в русской православной церкви. — В изд.: «Православная энциклопедия: Русская православная церковь». М., 2000 (с. 346—371).
- Бегунов, 1965 — *Ю. К. Бегунов*. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели русской земли». М.—Л., 1965.
- Бугославский, 1900 — [*Г. К. Бугославский*]. Иваничские месячные минеи 1547—79 гг. и содержащаяся в них служба св. мученикам — князьям Борису и Глебу. — «Чтения в Историческом обществе Нестора летописца», кн. 14, вып. 2. Киев, 1900 (с. 29—70).

- Булгаков, 1913 — *С. В. Булгаков*. Настольная книга для священно-церковно-служителей (Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства). М., 1913. Репринт: [М.], 1993.
- Васильев, 1893 — *Василий Васильев*. История канонизации русских святых. М., 1893. Оттиск из ЧОИДР, 1893, кн. 3.
- Востоков, 1842 — Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музея, составленное *Александром Востоковым*. СПб., 1842.
- Георг. Амарт., I—III — *В. М. Истрин*. Книги временныя и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе (Текст, исследование и словарь), т. I—III. Пг./Л., 1920—1930.
- Голубинский, I—II — *Е. Голубинский*. История русской церкви, т. I (1-я половина тома, изд. 2-е, испр. и доп. М., 1901; 2-я половина тома, изд. 2-е, испр. и доп. М., 1904) — II (1-я половина тома. М., 1900; 2-я половина тома. М., 1917); Археологический атлас ко второй половине I-го тома Истории русской церкви (М., 1906). То же: ЧОИДР, 1901, кн. 3; 1904, кн. 2; 1900, кн. 1; 1916, кн. 4; 1906, кн. 2. Репринты: The Hague—Paris, 1969 (= «Slavistic Printings and Reprintings», vol. CXVII/1—5); М., 1997—1998. При ссылках римская цифра обозначает том, арабская — половину тома.
- Голубинский, 1903 — *Е. Голубинский*. История канонизации святых в русской церкви. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1903. Оттиск из ЧОИДР, 1903, кн. 1. Репринт: М., 1998.
- Горский и Невоструев, I—III — [*А. В. Горский, К. И. Невоструев*]. Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки, отд. I—III. М., 1855—1917. Репринт: Wiesbaden, 1964 (= «Monumenta linguae slavicae dialecti veteris: Fontes et dissertationes», т. II). При ссылках римская цифра обозначает отдел, арабская — часть.
- Еремин, 1989 — *И. П. Еремин*. Литературное наследие Кирилла Туровского. Berkeley, 1989 (= «Monuments of Early Russian Literature», vol. 2).
- Живов, 1994 — *В. М. Живов*. Святость: краткий словарь агиографических терминов. М., 1994.
- Житие Владимира — Древнейшее житие-чтение о св. Владимире. — «Странник», 1888, июнь-июль (с. 188—192).

- Зимин, 1963 — *А. А. Зимин*. Память и похвала Иакова мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку. — «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», [вып.] 37. М., 1963 (с. 66—75). Репринт: Память и похвала князю русскому Владимиру Иакова мниха и житие князя Владимира. Reprinted from the editions of V. I. Sreznevskij (St. Petersburg, 1897) and A. A. Zimin (Moscow, 1963). Berkeley, 1988.
- Идея Рима... — *L'idea di Roma a Mosca: secoli XV—XVI. Fonti per la storia del pensiero sociale Russo. Direzione della ricerca P. Catalano, V. T. Pašuto. Roma, [1993]* (= «Da Roma alla Terza Roma: Documenti e studi». Documenti, I).
- Изб. 1076 г. — *Изборник 1076 года. Изд. подгот. В. С. Гольшенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965.*
- Иос. Фл., I—II — *История Иудейской войны Иосифа Флавия: Древнерусский перевод. Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин, т. I—II. М., 2004.*
- Карпов, 2001 — *Алексей Карпов*. Ярослав Мудрый. М., 2001.
- Ключевский, I—VII — *В. О. Ключевский*. Сочинения, т. I—VIII. М., 1956—1959.
- Князевская, 1985 — *О. А. Князевская*. Отрывок древнерусской рукописи конца XII — начала XIII в. — В изд.: «*Litterae slavicae medii aevi Francisco Venslao Mareš sexegenario oblatae*». Herausgegeben von Johannes Reinhart. München, 1985 (= «*Sagner's Slavische Sammlung*», Bd. 8) (с. 157—170).
- Комарович, 1960 — *В. Л. Комарович*. Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв. — ТОДРЛ, т. XVI. Л., 1960 (с. 84—104). Переиздано: «Из истории русской культуры», т. II, кн. 1 (Киевская и Московская Русь), сост. А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский. М., 2002 (с. 8—29).
- Ламанский, 1864 — *В. Ламанский*. О некоторых славянских рукописях в Белграде, Загребе и Вене с филологическими и историческими примечаниями. СПб., 1864 (Приложение к VI тому Записок имп. Академии наук, № 1).
- Лесн. пролог — *Лесновский (Станиславов) пролог от 1330 година. Изд.: Р. Павлова, В. Желязкова. Велико Търново, 1999.*
- Литвина и Успенский, 2001 — *А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский*. Выбор славянского и греческого имени для русско-

- го князя. — В изд.: «Становление славянского мира и Византия в эпоху Средневековья». Сборник тезисов (= «Славяне и их соседи». XX конференция памяти В. Д. Королюка). М., 1961 (с. 55—61).
- Литвина и Успенский, 2002 — *А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский*. Пути усвоения христианских имен в русских княжеских семьях XI — начала XIII в. — В изд.: «Религии мира: История и современность, 2002». М., 2002 (с. 36—109).
- Литвина и Успенский, 2003 — *А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский*. Варьирование родового имени на русской почве: Об одном из способов имянаречения в династии Рюриковичей. — В изд.: «Именослов: Заметки по исторической семантике имени». Сост. Ф. Б. Успенский. М., 2003 (с. 136—183).
- Лосева, 2001 — *О. В. Лосева*. Русские месящесловы XI—XIV веков. М., 2001.
- Макарий, I—VII — *Макарий (Булгаков)*. История русской церкви, кн. I—VII. М., 1994—1997. Кн. I воспроизводит изд.: *Макарий (Булгаков)*. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как Введение в историю русской церкви. Изд. 2-е, испр. СПб., 1868. Кн. II—VII воспроизводят изд.: *Макарий (Булгаков)*. История русской церкви, т. I—XII. Изд. 2-е, испр. СПб., 1868—1910.
- Малышевский, 1882 — *Ив. Малышевский*. Когда и где установлено празднование памяти св. Владимира 15 июля (по поводу вопроса об этом, поставленного в «Истории Русской Церкви» профессора Е. Е. Голубинского). — «Труды Киевской духовной академии», год XXIII, 1882, № 1 (с. 45—69).
- Мансикка, 1913 — *В. Мансикка*. Житие Александра Невского: разбор редакций и текст. СПб., 1913 (= «Общество любителей древней письменности: Памятники древней письменности и искусства», CLXXX).
- Марков, 1909 — *А. Марков*. Как звали первых мучеников на Руси? — «Пошана»: Сборник Харьковского историко-филологического общества, т. XVIII. Издан в честь проф. Н. Ф. Сумцова. Харьков, 1909 (с. 436—439).
- Маясова, 1971 — *Н. А. Маясова*. Древнерусское шитье. М., 1971.
- Миняя июльская, 1646 — Миняя служебная на июль. М., 1646. Репринт: Верещагино, 2004.
- Миняя июльская, 1691 — Миняя служебная на июль. М., 1691.

- Миняя июльская, 1693 — Миняя служебная на июль. М., 1693.
- Миняя июльская, 1988, I—III — Миняя: июль, ч. I—III. М., 1998.
- Миняя общая, 1637 — Миняя общая с праздничной. М., 1637.
- Миняя общая, 1638 — Миняя общая с праздничной. М., 1638.
- Молдован, 1984 — *А. М. Молдован*. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.
- Назаренко, 1986 — *А. В. Назаренко*. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X—XI вв.). — В изд.: «Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1985 год». М., 1986 (с. 149—157).
- Назаренко, 1995 — *А. В. Назаренко*. Комментарии. — В изд.: Макарий, II, 1995 (с. 601—624).
- Назаренко, 1995а — *А. В. Назаренко*. Порядок престолонаследия на Руси XI—XII вв.: наследственные разделы и попытки десигнации. — В изд.: «Римско-константинопольское наследие на Руси: Идея власти и политическая практика. IX Международный семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму» (Москва, 19—31 мая 1989 г.)». М., 1995 (с. 83—96). Ср. другую статью под сходным названием: Назаренко, 2000а.
- Назаренко, 1996 — *А. В. Назаренко*. Элементы житийной традиции о св. Владимире в западноевропейской литературе первой половины XI в. — В изд.: «Древняя Русь и Запад: Научная конференция». М., 1996.
- Назаренко, 2000 — *А. В. Назаренко*. Крещение св. Владимира в устной и письменной традиции древнейшей поры (XI в.). — В изд.: «Восточная Европа в древности и средневековье: Историческая память и формы ее воплощения (XII Чтения памяти [...] Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 18—20 апреля 2000 г.)». М., 2000 (с. 42—48).
- Назаренко, 2000а — *А. В. Назаренко*. Порядок престолонаследия на Руси X—XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения. — В изд.: «Из истории русской культуры», т. I (Древняя Русь). М., 2000 (с. 500—519).
- Назаренко, 2001 — *А. В. Назаренко*. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001.

- Назарко, 1954 — *Иринеј I. Назарко*. Святий Володимир Великий володар і христитель Руси-України (960—1015). Рим, 1954 (= «Записки Чина святого Василя Великого», серія II, секція I).
- Никольский, 1902 — *Н. Никольский*. К вопросу об источниках летописного сказания о св. Владимире. — «Христианское чтение», 1902, вып. 7 (с. 89—106).
- Никольский, 1906 — *Николай Никольский*. Материалы для современного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). Корректурное издание. СПб., 1906.
- Никольский, 1907 — *Николай Никольский*. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907 (= Сб. ОРЯС, т. LXXXII, № 4).
- Новг. лет., 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950. Репринты: The Hague—Paris, 1969 (= «Slavistic Printings and Reprintings», vol. CCXVI); ПСРЛ, III, 2000.
- Орлов, 1946 — *А. С. Орлов*. Владимир Мономах. М.—Л., 1946.
- Павлова, 1988 — *Румяна Павлова*. Сведения о Борисе и Глебе в южнославянской письменности XIII—XIV вв. — «Palaeobulgarica / Старобългаристика», т. XII, 1988, № 4 (с. 26—40).
- Павлова, 1989 — *Румяна Павлова*. Жития княгини Ольги в южнославянских рукописях XIII—XIV вв. — «Болгарская русистика», 1989, № 5 (с. 42—53).
- Павлова, 1993 — *Румяна Павлова*. Жития русских святых в южнославянских рукописях XIII—XIV вв. — «Славянска филология», 1993, т. 21 (с. 92—105).
- Паремейник, 1890—1893, I—II — Паріміїникъ си есть собраніе парімії на все лѣто, кн. I—II. СПб., 1890—1893.
- Петров, 1888 — *Н. Петров*. Чествование памяти св. Владимира на юге России и в частности в Киеве. — «Труды Киевской духовной академии», год XXIX, 1888, № 7 (с. 594—616).
- Подскальский, 1996 — *Герхард Подскальски*. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.). Изд. 2-е, испр. и доп. для русского перевода. Перевод А. В. Назаренко под ред. К. К. Акентьева. СПб., 1996 (= «Studia Byzantinorossica», т. I). Ср. изд.: *Gerhard Podskalsky*. Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus' (988—1237). München, 1982.

- Попов, 1872 — Описание рукописей и книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. Составил *Андрей Попов*. М., 1872.
- Поппе, 1990 — *А. Поппэ*. Становление почитания Владимира Великого. — В изд.: «Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII вв.: Тезисы докладов и общений Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимины (Москва 13—18 мая 1990 г.)», ч. II. М., 1990 (с. 228—231).
- Послание к Василию, 1851 — Послание некоего старца к богоблаженному Василию архимандриту о скиме. — В изд.: «Прибавление к изданию творений святых отцов в русском переводе», с. X. М., 1851 (с. 346—347). Авторство приписывается иногда Кириллу Туровскому. Адресат послания стал игуменом Киево-Печерского монастыря в 1182 г. (после Феодосия).
- ПСРЛ, I—XLIII — Полное собрание русских летописей, т. I—XLIII. СПб. (Пг./Л.)—М., 1841—2004. При ссылке римская цифра обозначает том, арабская — часть тома.
- РИБ, I—XXXIX — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией, т. I—XXXIX. СПб. (Пг./Л.), 1872—1927.
- Рожнецкий, 1915 — *Станислав Рожнецкий*. Как назывался первый русский святой мученик? — ИОРЯС, т. XIX, 1914, кн. 4 (с. 94—96).
- РФА, I—V — Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века, вып. I—V. М., 1986—1992. Продолжающаяся пагинация во всех выпусках.
- Св. кат., 1984 — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI—XIII вв. М., 1984.
- Св. кат., 2002 — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии: XIV век, вып. I (Апокалипсис — Летопись Лаврентьевская). М., 2002.
- Свирин, 1963 — *А. Н. Свирин*. Древнерусское шитье. М., 1963.
- Сергий, I—II — *Сергий (Спаский)*. Полный месяцеслов Востока, т. I—II. Изд. 2-е, испр. и доп. Владимир, 1901. Репринт (в трех книгах): М., 1997, т. I—III. II том репринта соответствует I-й части II тома издания 1901 г.; III том репринта отвечает 2-й и 3-й части II тома этого же изда-

- ния. При ссылках римская цифра обозначает том, арабская — часть тома.
- Серебрянский, 1915 — *Н. Серебрянский*. Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915. Оттиск из ЧОИДР, 1915, кн. 3.
- Серегина, 1994 — *Н. С. Серегина*. Песнопения русским святым: По материалам рукописной певческой книги XI—XII вв. «Стихирарь месячный». СПб., 1994.
- Сл. РЯ XI—XVII вв., I—XXVI — Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. I—XXVI. М., 1975—2002. Издание продолжается.
- Сл. ст.-сл. яз., I—IV — *Slovník jazyka staroslověnského / Lexicon linguae paleoslovenicae*, t. I—IV. Praha, 1958—1997.
- Сл. ст.-сл. яз., 1994 — Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков). Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
- Славнитский, 1888 — *М. Славнитский*. Канонизация св. князя Владимира и службы ему по памятникам XIII—XVII веков. — «Странник», 1888, июнь-июль (с. 197—237).
- Соболевский, 1888 — *А. И. Соболевский*. Памятники древнерусской литературы, посвященные Владимиру св. — «Чтения в Историческом обществе Нестора летописца», кн. II. Киев, 1888 (отд. II. с. 7—68). То же в изд.: Сборник в память 900-летия крещения Руси. Издан Историческим обществом Нестора летописца под ред. А. И. Соболевского. Киев, 1888.
- Соболевский, 1890 — *А. И. Соболевский*. «Память и похвала святому Владимиру» и «Сказание о святых Борисе и Глебе» — «Христианское чтение», 1890, ч. I, № 5—6 (с. 791—804).
- Спаский, 1949 — *И. Спаский*. Первая служба всем русским святым и ее автор. — «Журнал Московской патриархии», 1949, № 8 (с. 50—55).
- Сперанский, 1921 — *М. Сперанский*. К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур (Русские памятники письменности на юге славянства). — ИОРЯС, т. XXVI, 1921 (с. 143—206). Переиздано: *М. Н. Сперанский*. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960 (с. 7—54).

- Срезневский, I—III, дополн. том — *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам, т. I—III. СПб., 1893—1903. Дополнения: СПб., 1912. Репринты: М., 1958; М., 2003.
- Срезневский, 1882 — *И. И. Срезневский*. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков): Общее повременное обозрение. Изд. 2-е. СПб., 1882.
- Сухомлинов, 1908 — *М. И. Сухомлинов*. Исследования по древней русской литературе. СПб., 1908 (= Сб. ОРЯС, LXXXV, 1).
- Сырку, I—II — *П. Сырку*. К истории исправления книг в Болгарии в XIV веке, т. I, вып. I—II. СПб., 1890—1898.
- Сырку, 1888 — *П. Сырку*. Чествование памяти св. равноапостольного князя Владимира в древней Руси, в южном и западном славянстве. — «Прибавление к Церковным ведомостям, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде», 1888, № 29. Эта работа оказалась нам недоступной.
- Сырку, 1896 — *П. А. Сырку*. Рукописные проложные отрывки в собрании Шафарика. — ИОРЯС, т. I, 1896, кн. 1 (с. 81—92), кн. 2 (с. 258—265).
- Творогов, 1987 — *О. В. Творогов*. Иаков. — В изд.: «Словарь книжников и книжности Древней Руси, вып. I (XI — первая половина XIV в.)». Л., 1987 (с. 191—192).
- Тихонюк, 1986 — *И. А. Тихонюк*. «Изложение пасхалии» московского митрополита Зосимы. — В изд.: «Исследование по источниковедению истории СССР XIII—XVIII вв.». М., 1986 (с. 45—61).
- Толочко, 1996 — *Петро Толочко*. Володимир Святий, Ярослав Мудрий. [Київ, 1996].
- Толстой, 1882 — *Ив. Ив. Толстой*. Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского: Нумизматический опыт. СПб., 1882.
- Трефолог на июнь-август, 1638 — Трефолог («Трефолой, сирѣчь избраннаа Минеа») на июнь, июль, август. М., 1638.
- Турилов, 1996 — *А. А. Турилов*. «Поучение Моисея» и Сборник игумена Спиридона (Новгородский памятник XII в. в контексте русско-южнославянских литературных связей). — В изд.: «Русистика, славистика, индоевропеистика: Сбор-

- ник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка». М., 1996 (с. 83—103).
- Турилов, 1999 — *Анатолий Турилов*. Две забытые даты болгарской церковно-политической истории IX в. (К вопросу формирования болгарского варианта церковного месяцеслова в эпоху Первого царства). — «Palaeobulgarica/Старобългаристика». София, т. 23/1, 1999 (с. 14—34).
- Усп. сб. [конца XII в.] — Успенский сборник XII—XIII вв. Издание подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.
- Успенский, 1995 — *Б. А. Успенский*. Семиотика иконы. — В изд.: *Б. А. Успенский*. Семиотика искусства. М., 1995 (с. 219—294).
- Успенский, 1998 — *Б. А. Успенский*. Царь и патриарх: Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998.
- Успенский, 2000 — *Б. А. Успенский*. Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М., 2000.
- Успенский, 2001 — *Ф. Б. Успенский*. Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М., 2001.
- Успенский, 2002 — *Б. А. Успенский*. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2002.
- Федотов, 1938 — *Г. П. Федотов*. Канонизация св. Владимира. — В изд.: «Владимирский сборник, в память 950-летия крещения Руси». Белград, 1938 (с. 188—196). Переиздано: Святой креститель: Зарубежная Россия и св. Владимир (Из наследия русской эмиграции). [М., 2000] (с. 254—267).
- Филарет, I—V — *Филарет (Гумилевский)*. История русской церкви, т. I—V. Изд. 5-е. М., 1888.
- Хорошев, 1986 — *А. С. Хорошев*. Политическая история русской канонизации. М., 1986.
- Шафарик, 1863 — *Янко Шафарик*. Житіе светогъ Методія, првогъ архієпископа моравскогъ, равноапостолногъ учителя и просветителя словена. — «Гласникъ друштва србске словесности», св. XVI. Београд, 1863 (с. 33—41).
- Шахматов, 1907 — *А. А. Шахматов*. Как назывался первый русский христианин-мученик? — «Известия имп. Академии наук», т. IX, СПб., 1907 (с. 261—264).

- Янин и Зализняк, 2000 — *В. Л. Янин, А. А. Зализняк*. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1999 г. — «Вопросы языкознания», 2000, № 2 (с. 3—14).
- Яцимирский, 1916 — *А. И. Яцимирский*. Мелкие тексты и заметки по старинной южнославянской и русской литературе, вып. LXXI—LXXVII. — ИОРЯС, т. XXI, 1916, кн. 1 (с. 122—261).
- Baumgarten, 1932 — *N. de Baumgarten*. Saint Vladimir et la conversion de la Russie, Roma, [1932] (= «Orientalia Christiana», vol. XXVII—1; Num. 79, Iulio-Augusto 1932).
- Butler, 2002 — *Francis Butler*. The Image of Vladimir Sviatoslavich Across the Centuries. Bloomington, 2002.
- Etym. slov. jaz. starosl., I—XI — Etymologický slovník jazyka staroslověnského, seš. I—XI. Praha, 1989—2002.
- Fennell, 1988 — *John Fennell*. The Canonisation of Saint Vladimir. — In: «Tausend Jahre Christentum in Rußland. Zum Millenium der Taufe der Kiever Rus'». Hrsg. von Karl Christian Felmy, Georg Kretschmar, Fairy von Lilienfeld und Claus-Jürgen Roepke. Göttingen, [1988] (p. 303—304).
- Fennell, 1993 — *John Fennell*. When Was Olga Canonized. — In: «Christianity and the Eastern Slavs, vol. I. Slavic Cultures in the Middle Ages. Ed. by Boris Gasparov and Olga Raevsky-Hughes (= California Slavic Studies, vol. 16/[1]). Berkeley — Los Angeles — Oxford, [1993] (p. 77—82).
- Franklin, 1991 — *Simon Franklin*. Introduction. — In: «Sermons and Rhetoric of Kievan Rus'». Translated and with an Introduction by Simon Franklin (= «Harvard Library on Early Ukrainian Literature: English Translations», vol. V). [Cambridge, Mass., 1991 (p. XIII—CIX).
- Korpela, 2001 — *Jukka Korpela*. Prince, Saint and Apostle: Prince Vladimir Svjatoslavič of Kiev, His Posthumous Life, and the Religious Legitimization of the Russian Great Power. Wiesbaden, 2001 (= «Veröffentlichungen des Osteuropa-Institutes München», Reihe: Geschichte, Bd. 67).
- Macrides, 1981 — *Ruth Macrides*. Saints and Sainthood in the Early Palaiologan Period. — In: «The Byzantine Saint: University of Birmingham Fourteenth Spring Symposium on Byzantine Saints. Ed. by Sergei Hackel. [London], 1981 (A special number of

-
- «Sobornost» incorporating «Eastern Churches Review» — «Studies supplementary to Sobornost», 5) (p. 67—87).
- Poppe, 2002 — *Andrzej V. Poppe*. Il martirio di Boris e Gleb. — «Forme della santità russa». Atti del VIII Convegno ecumenico internazionale della spiritualità ortodossa, sezione russa (Bose, 21—23 settembre 2000). A cura di Adalberto Mainardi. [Bose — Milano, 2000] (p. 47—81).
- Slov. jaz. starosl., I—III — *Slovník jazyka staroslověnského / Lexicon linguae palaeoslovenicae*, t. I—IV. Praha, 1958—1997.
- Vlasto, 1970 — *A. P. Vlasto*. The Entry of the Slavs into Christendom: An Introduction to the Medieval History of the Slavs. Cambridge, 1970.
- Vodoff, 1988—1989 — *Vladimir Vodoff*. Pourquoi le grand prince Volodimer Svjatoslavovič n'a-t-il pas été canonisé? — «Harvard Ukrainian Studies», vol. XII—XIII, 1988—1989 (p. 446—466).

НИКОЛАЙ I И ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК (Языковая политика Российской империи в отношении Царства Польского: вопросы графики и орфографии)*

Публикуемый ниже документ (см. приложение к настоящей работе), который представляет собой брошюру без обозначения выходных данных с грифом «Секретно» на титульном листе, был в свое время случайно обнаружен автором этих строк в московском букинистическом магазине на Кузнецком мосту среди разного рода оттисков и разрозненных повременных изданий. Несомненно, он появился после польского восстания 1863—1864 гг., когда, в контексте общей политики русификации польского населения Российской империи, была предпринята попытка перевести польскую письменность на кириллицу. В 1865—1869 гг. появляется ряд учебников для начальных школ на польском языке, напечатанных кириллицей; такие учебники были изданы сначала в Санкт-Петербурге и затем в Варшаве¹. Найденный нами документ — по всей видимости, это служебная записка, составленная в Министерстве народного просвещения, — излагает предысторию этой попытки; таким образом, документ наш с уверенностью можно датировать 1864—1865 гг.; скорее же всего, он относится к 1864 г.

* Автор считает своим приятным долгом поблагодарить Л. Е. Горизонтова, М. Д. Долбилова, С. И. Николаева, Ф. Л. Севастьянова и С. Темчинаса, указания которых были использованы при написании данной работы. — Ссылки на страницы без дополнительного обозначения источника относятся к документу, публикуемому в приложении.

Как следует из данного источника, предложение об использовании в польском языке русской азбуки было выдвинуто двадцатью годами раньше. В 1844 г. министр народного просвещения граф С. С. Уваров и наместник Царства Польского генерал-фельдмаршал граф И. Ф. Паскевич-Эриванский, светлейший князь Варшавский, обратились к императору Николаю I с «предположениями [...] о средствах к приведению в действие мысли о применении русской азбуки к польскому языку» (с. 3).

По высочайшему повелению был создан комитет для рассмотрения этой проблемы; выбор членов комитета был предоставлен С. С. Уварову (с. 3). Первоначально предполагалось привлечь к работе одного из ученых Царства Польского, однако Уваров возражал против этого, заявив, что подобное назначение придадо бы делу «особую гласность» (с. 4). Работа была приостановлена в 1845 г. и затем возобновлена в 1852 г. (с. 13—14).

Из нашего источника не видно, кому именно принадлежала «мысль о применении русской азбуки к польскому языку»; между тем есть основания полагать, что она исходила от самого императора, который и явился, тем самым, фактическим инициатором данного проекта. По словам А. П. Щербатова, биографа Паскевича, «В стремлении Государя к слиянию, хотя бы внешнему, Царства Польского с Империей у Его Величества в 1844 году явилась мысль о замене польской азбуки русскою. Фельдмаршал [Паскевич], исполняя волю Государя, предложил министру народного просвещения Уварову образовать особый комитет из ученых, хорошо знающих славянские наречия, которым и поручил исполнение мысли Государя»². Щербатов ссылается при этом на архив Государственного совета, дело 1844 года, № 715. Это дело значится в описи архива Государственного совета (Дела собственной его императорского величества канцелярии по делам Царства Польского) под названием «О введении русских букв в польский язык»³. Материалы эти, возможно, не сохранились: часть архива Государственного совета, относящаяся к Царству Польскому, после революции была передана в Польшу

(по условиям Рижского мира 1921 г.) и сильно пострадала во время Второй мировой войны.

Как указывается в описи, интересующее нас дело было начато 18 апреля 1844 г.; между тем согласно публикуемому нами документу И. Ф. Паскевич сообщает С. С. Уварову о докладе императору по данному вопросу 11 мая 1844 г. Вероятно, 18 апреля Николай I высказал «мысль о замене польской азбуки русской», после чего Паскевичу и Уварову и было поручено высказать свои предложения. Характерно в этой связи, что еще до создания комитета О. А. Пржецлавский составил специальную записку о трудностях, которые могут встретиться при осуществлении этого дела; надо полагать, что высказывание Николая стало ему известно. Записка Пржецлавского была представлена императору, который распорядился привлечь его к работе над данным проектом (с. 3—4)⁴.

Впоследствии, как мы увидим, Николай I принимает непосредственное участие в работе над новой польской орфографией, которая призвана была заменить традиционную орфографию, основанную на латинском письме.

Оба государственных деятеля, на которых было возложено осуществление данного проекта в 1844 г., известны как протагонисты самодержавия. Уваров был автором знаменитой формулы «Православие, Самодержавие, Народность» (1832 г.)⁵; достойно внимания, что эта формула, ставшая девизом русской государственности, была провозглашена сразу же после польского восстания 1830—1831 гг. Паскевич вошел в историю как усмиритель этого восстания (за что и получил титул светлейшего князя с наименованием Варшавского). Выдвинутое предложение вполне соответствовало русификаторской политике николаевского царствования. Одновременно оно отвечало и славянофильской идеологии, и характерно, что император, распоряжаясь о создании специального комитета, который должен был заняться этим вопросом, ссылается на А. С. Шишкова: «Так как покойный адмирал Шишков, сколько известно, занимался этим предметом, то предлогом к назначению ко-

митета должно быть продолжение ученых по этому предмету занятий покойного Александра Семеновича, не давая этому делу вида политическо-го» (с. 3). Последующие попытки комитета, образованного по повелению Николая I, обнаружить какие-либо сочинения «почтенного славянофила» (А. С. Шишкова)⁶, посвященные этому вопросу, не увенчались успехом⁷; вместе с тем из слов императора следует, что ссылка на продолжение ученых трудов Шишкова являлась лишь предлогом к назначению комитета, который должен был скрыть политическую подоплеку этого предприятия.

Использование русского алфавита становится, таким образом, знаком идеологической программы. Эта программа представляет собой, в сущности, не что иное, как реализацию уваровской формулы «Православие, Самодержавие, Народность»⁸.

Действительно, русская азбука воспринимается прежде всего как азбука с л а в я н с к а я (специально созданная для славянского населения) — в отличие от интернационального латинского алфавита; поскольку поляки являются славянами, им и надлежало бы пользоваться славянским алфавитом. Далее, это азбука, принятая в Р о с с и й с к о й и м п е р и и, что также делает оправданным переход на нее в польских губерниях (сходным образом впоследствии в Советском Союзе все народы, за исключением прибалтийских, должны были перейти на русский алфавит). Наконец, русская азбука противостоит латинской по к о н ф е с с и о н а л ь н о м у признаку, как православная католической (подобно тому, как противопоставлены в этом отношении сербский и хорватский языки), и характерно, что впоследствии (в 1852 г.) министр народного просвещения князь П. А. Ширинский-Шихматов заботится о том, чтобы к рассмотрению данного вопроса были привлечены специалисты по польскому языку и литературе п р а в о с л а в н о г о вероисповедания (см. ниже). Все это отвечает уваровской формуле.

Необходимо напомнить, что уже Петр I относился к алфавиту (собственно говоря, к начертаниям букв) как к средству выражения идеологической программы. Как известно, в 1710 г. он вводит новую — гражданскую — азбуку, которая была призвана обслуживать новый литературный язык, открытый для иностранных влияний и предназначенный для новой, европеизированной России. Противопоставление церковной и гражданской азбуки соответствовало, с одной стороны, противопоставлению церковнославянского и гражданского русского языка, с другой же стороны, — противопоставлению греческого и латинского алфавита. Петр принимал самое непосредственное участие в работе по определению формы новых букв, считая это делом первостепенной государственной важности: новая форма букв знаменовала новую культурную ориентацию — ориентацию на Западную Европу. Характерно при этом, что начертания гражданских букв оказываются приближенными к латинице: гражданская азбука выступала, в сущности, как латинизированный вариант славянского алфавита. Не случайно в гражданском письме были устранены просодические знаки, которые приняты как в греческом, так и в церковнославянском, — только потому, что их не было в латыни (и Петр специально настаивал на устранении этих знаков в гражданском письме)⁹.

Позиция Николая I в какой-то мере напоминает позицию Петра I: так же как и Петр, Николай считает вопрос об алфавите делом первостепенной государственной важности и принимает непосредственное участие в работе над этим вопросом. Вместе с тем акценты меняются: на этом этапе алфавит оказывается средством выражения не столько культурной, сколько собственно политической ориентации. Соответственно, русская гражданская азбука противостоит сейчас азбуке латинской как средство выражения именно русской национально-государственной идеологии. В этих условиях противопоставление церковнославянского и русского гражданского алфавита (столь актуальное для Петра I) оказывается нерелевант-

ным и, напротив, первостепенное значение приобретает противопоставление русского и латинского письма.

Эта идеологизация письма в конечном итоге не ограничивается собственно графикой, т. е. начертаниями букв, и распространяется на орфографию: графика и орфография оказываются при этом органически связанными друг с другом.

Так, в частности, применение к польскому языку русской азбуки ставит вопрос об использовании еров (букв *ѣ* и *ь*). Это становится предметом обсуждения. Первоначально (в проекте 1844 г.) предполагалось обозначать смягченные согласные надстрочным знаком, как принято в традиционной польской орфографии; это предложение мотивировалось соображениями о неприменимости к польскому языку русского способа обозначения палатализации. Так, в журнале комитета, представленном 26 сентября 1844 г., говорится: «Смягчение согласных обозначать надстрочными знаками, как было в польском» (с. 6); и далее в журнале от 20 октября 1844 г. (представленном 19 января 1845 г.) следует подробное рассуждение о том, как неудобно было бы употреблять вместо этого русскую букву *ь*¹⁰. Наряду с этим в журнале 26 сентября 1844 г. предписывается «согласные твердые в конце слов не обозначать *ѣ*» (с. 6, ср. с. 10)¹¹. Тем не менее в проекте 1852 г., представленном на рассмотрение Николаю I и в целом заслужившем его одобрение, предлагается «русское *ь* употреблять на место надстрочного польского знака» (с. 17); о букве *ѣ* здесь прямо не говорится, но, судя по приводимым примерам, она должна была ставиться в польских словах на конце слова, если слово оканчивалось на твердый согласный, — в полном соответствии с нормами русской орфографии¹².

Вопрос об использовании буквы *ѣ* был актуальным и для русского языка. Вскоре после создания русской гражданской азбуки раздаются голоса, призывающие исключить эту букву из алфавита¹³. Нападки на букву *ѣ*, начавшиеся в первой половине XVIII в., продолжают и в XIX в.¹⁴, и таким образом эта буква выступает как

символ русского графического консерватизма: не случайно *ѣ* на конце слова исчезает сразу же после революции¹⁵. Замечательным образом в данном случае русский орфографический консерватизм распространяется и на польские тексты.

Польский принцип обозначения палатализации сохраняется в проекте 1844 г. и при противопоставлении твердого и мягкого [l]. Как известно, в польском языке обозначение твердости в данном случае маркировано: буква *l* сама по себе обозначает мягкую фонему, тогда как ее твердый коррелят обозначается специальным образом — как *ł* («*л* перечеркнутое»). В проекте 1844 г. польская буква *l* передается как *л*, а польской букве *ł* соответствует обозначение *ль* (т. е. *л* со специальным надстрочным знаком). Так, в журнале комитета от 20 октября 1844 г. читаем: «Польское *l* имеет двойное произношение: твердое, выражаемое прочеркнутым латинским *ł*, и мягкое (но не в такой степени, как русские *ле*, *ля* и проч.), обозначенное буквою *l*. Для отличения на письме твердого *л* от мягкого комитет предлагает к русскому *л* присовокуплять знак придыхания (*spiritus asper*) *ль*, напр[имер] *laska* — *ляска*, *taska* — *ляска*» (с. 12, ср. с. 6). Между тем в проекте 1852 г. это противопоставление обозначается в соответствии с русским принципом различения твердых и мягких согласных — при помощи последующей буквы, обозначающей гласный, или же с помощью букв *ѣ* и *ѣ*: иначе говоря, противопоставляются написания *ла* и *ля*, *лѣ* и *лѣ* и т. п. Польское *l* перед гласными *e* и *e* передается при этом через *э*: *былэмь*, *глэмбоки* и т. п.¹⁶; здесь надо заметить, что в проекте 1844 г. предлагалось вообще отказаться от буквы *э* в польском письме¹⁷.

Достаточно показательна и трактовка носовых гласных. Комитет 1844 г. вынес следующее определение: «Но-[со]вые гласные *a* и *e* не могут быть заменены русскими буквами, по недостатку самых звуков в русском языке. Поэтому комитет находит полезным оставить эти знаки в их прежнем виде и значении» (с. 12). Такой же вывод

был сделан и комиссией 1852 г.: в проекте, представленном на рассмотрение императора, предлагалось «носовые польские гласные *a* и *e* (*он* и *ен*) сохранить как незаменимые» (с. 17). Николай, однако, не согласился с таким заключением, отметив в этом месте: «вернее так и писать», т. е. предложив писать вместо польских носовых гласных сочетания *он* и *ен*. При этом он собственноручно исправил слова *вонсы* (*wąsy* ‘усы’), *сконпы* (*skąpy* ‘скупой’), *вензель* (*węzeł* ‘узел’), *бенбень* (*bęben* ‘барабан’). Николая отличала вообще исключительная самоуверенность, проявляющаяся, в частности, и в языковых вопросах¹⁸. Тем не менее необходимо признать, что его предложение, под определенным углом зрения, может считаться не лишенным смысла. С точки зрения польского языка это предложение трудно признать удачным, поскольку рекомендуемое им написание не соответствует характеристике воспроизводимых гласных. Однако с точки зрения русского языка оно не лишено оснований, поскольку отвечает русскому восприятию этих гласных: так слышатся польские носовые гласные русскому уху, что отражается в передаче польских фамилий (например, *Ленский*, *Глембовский* и т. п.), в написании полонизмов (например, *вензель*), и т. п. Следует добавить, что в некоторых позициях (а именно, перед смычными согласными и аффрикатами) носовые гласные произносятся как сочетание чистого гласного с носовым согласным, и для таких позиций правописание *он*, *ен* могло бы считаться оправданным.

Отказ от введения в русскую азбуку букв *a* и *e* позволял, далее, отказаться и от буквы *j*, которая была предложена как в проекте 1844 г., так затем и в проекте 1852 г. «для смягчения следующих за нею гласных *e* и *o* и носовых *a* и *e*» (авторы проекта 1852 г. ссылались при этом на наличие буквы *j* в сербской азбуке)¹⁹. Против этого места император отметил: «не нужно, ибо выразить можно и нашими литерами: *e* и без того произносится как *i* и *e* слитые вместе, потому писать: *едень* (один), *юдла* (ель), *паіонкъ* (паук), *ензыкъ* (язык)» (с. 18).

Итак, авторы проекта 1852 г. предлагали передавать польские формы *jeden*, *jodla*, *rajak*, *język* как *једень*, *јодла*, *пайѣкъ*, *јѣзыкѣ*; такое написание ближайшим образом соответствует исходному написанию польских слов. Мы имеем в данном случае нечто близкое к транслитерации польских словоформ; между тем Николай предлагает их транскрипцию. В самом деле, звучание таких польских слов, как *jeden* или *jodla*, вполне может быть передано при помощи графем *e* или *io*²⁰, поскольку гласному, обозначаемому этими графемами, в начале слога обязательно предшествует протетическая йотация²¹. Буква *j* в подобных случаях оказывалась ненужной: она была необходима, однако, при передаче таких польских написаний, где за буквой *j* следовала буква, обозначающая носовой гласный. Отказ от введения в русскую азбуку букв *q* и *ę* с заменой их, соответственно, сочетаниями *en* и *on* решал эту проблему, позволяя избежать употребления буквы *j*.

Общая тенденция отказа от ориентации на польскую орфографию может быть прослежена и в других случаях. Характерно, например, что оба проекта предписывают писать польское сочетание *szcz* как *шч*, а не как *шчч* (с. 10, 17), хотя П. И. Прейс предлагал употреблять в этом случае *шчч*. Использование сочетания *шчч* отвечало бы польской орфографии, поскольку сочетание *szcz* состоит из *sz* и *cz*, которые передаются соответственно как *ш* и *ч*²².

Как проект 1844 г., так и проект 1852 г. предполагают сохранение польского *ó* с надстрочным знаком, например, *крóль* и т. п. (с. 6, 17), однако Николай I в этом месте отметил: «писать у вернее» — и исправил форму *крóль* на *круль* (с. 17). Одновременно Николай возражает против передачи польского сочетания *rz* русской буквой *ř* с надстрочным знаком, отмечая при этом: «вернее прописывать *рж*» (с. 17). Если предложение писать у на месте польского *ó* может быть оправдано фонетически (польские буквы *u* и *ó* читались одинаково), то предложение писать *рж* на месте польского *rz* не может объясняться таким образом: польское *rz* совпадало по звуча-

нию с \dot{z} , и при ориентации на произношение логично было бы предложить писать *ж* как на месте \dot{z} , так и на месте $r\dot{z}$ ²³. По-видимому, Николай просто-напросто стремился избавиться от надстрочных знаков, столь характерных для польской орфографии²⁴. Действительно, в проекте 1852 г. надстрочные знаки сведены к минимуму. Отметим в этой связи, что если проект 1844 г. сохраняет польское написание \acute{e} для передачи закрытого гласного [e] (с. 11)²⁵, то проект 1852 г. передает обе польские буквы — *e* и \acute{e} — одинаково, через e^{26} .

Проекты 1844 и 1852 г. различались и в отношении воспроизведения польской буквы *h*. В проекте 1844 г. предлагалось передавать эту букву «посредством *г* с надстрочным знаком», а именно, как \check{g} (с. 6)²⁷. Между тем в проекте 1852 г. предлагалось передавать как *g*, так и *h* одной и той же русской буквой *г* (с. 17), что отвечает традиции транслитерации иностранных имен в русском языке (ср. передачу *Hamburg* как *Гамбург*, *Heine* как *Гейне*, и т. п.)²⁸.

Итак, предложение перевести польскую письменность на кириллическую основу в конечном счете приводит к еще более радикальному предложению: писать по-польски в соответствии с навыками русского письма — или, иначе говоря, в соответствии с принципами русской орфографии. Из нашего источника наглядно видно, как именно это происходит.

Мы видим, что деятельность комитета, созданного Уваровым и Паскевичем в 1844 г., не привела к практическим результатам. Как кажется, сама идея предполагавшейся реформы вызвала противодействие некоторых членов комитета, которые подчеркивали трудности, возникающие при ее осуществлении. При этом они обращали внимание на несовершенство самой русской азбуки («недостаточность русского алфавита») применительно к поставленной задаче. Так, О. А. Пржецлавский полагал, что «русская азбука в теперешнем своем составе не в состоянии выразить многих звуков, свойственных польскому языку», отмечая, что она не спо-

собна сделать это и в отношении других иностранных языков и даже в отношении «малороссийского наречия» (с. 5). «Принятие русской азбуки для польского наречия, — утверждал при этом Пржещлавский, — не может соответствовать главному условию всякого нововведения, пользе, и [...] перемена эта могла бы быть введена постепенно и со временем. Надежнейшею посредницею в том послужила бы самая литература; но для сего нужно, чтобы две соплеменные словесности ознакомились и сблизились к себе взаимно. Теперь еще знакомство это довольно слабо, хотя в последнее время и стали обнаруживаться симптомы вожеленного сближения сего» (с. 7). Таким образом, Пржещлавский возражал против искусственного решения данного вопроса административным путем, считая, что переход польской письменности на кириллическую основу мог бы быть результатом естественного процесса сближения поляков и русских. Еще более радикальную позицию занял П. И. Прейс. По его словам, «приложение нынешнего состава гражданского письма к какому-либо славянскому диалекту невозможно без существенных изменений настоящей системы писания и без усовершенствования ее». Прейс указывал на пример сербского языка, для которого «создана уже из элементов кирилловского алфавита система правописания, самая совершенная и самая простая из всех славянских». «Преобразование польского нынешнего алфавита, основанное единственно на замене одного недостаточно алфавита другим, также не удовлетворительным, — заявлял Прейс, — потрясет во многих славянских племенах доверие к письмам [т. е.: буквам] св. Кирилла и Мефодия и надолго отдалит эпоху соединения славян в этом важном деле» (с. 7—8).

Обобщая мнения, высказанные членами комитета, Уваров вынужден был признать, что «мысль заменить в польском языке латинскую азбуку русскими буквами, сколько бы ни казалась она заманчивою, при осуществлении своем представляет такие затруднения, которые оказываются непреодолимыми»; затруднения эти могут

быть устранены «не иначе как разве с течением времени и при совершенном слиянии обоих народов, двух отраслей одного корня». «Чтобы выразить звуки польского языка русскими буквами, надобно будет прибегнуть и к изобретению новых, доселе неупотребительных знаков, и к заимствованию букв из других алфавитов, напр[имер] латинского, т. е. составить особый алфавит; эта новая азбука будет совершенно чужда полякам и в значительной части непонятна русским [...] Всякое изобретение нового алфавита бывает успешно только при первоначальном возникновении письменности у народа; изобретение его, и даже нововведение значительное, в эпоху позднейшего развития всегда останется попыткой неуспешною, всегда будет анахронизмом; по крайней мере история языков не представляет нам примеров подобного явления» (с. 13—14). Мы едва ли ошибемся, предположив, что эта последняя формулировка отражает мысли Прейса.

На этом комитет Уварова и Паскевича закончил свою работу, однако дело на этом не закончилось. В начале 1852 г. Николай I пожелал узнать, «на чем остановилось производившееся в Министерстве народного просвещения дело о применении русской азбуки к польскому языку». Отвечая на этот запрос, князь П. А. Ширинский-Шихматов, сменивший в конце 1849 г. С. С. Уварова на посту министра народного просвещения, во всеподданнейшей докладной записке высказал мнение, «что исполнение означенного предположения не представляет непреодолимых затруднений и что опыт применения русской азбуки возможен и в настоящее время» (с. 14); можно предположить, что это мнение, явным образом противопоставленное заключению Уварова, было инспирировано очевидной заинтересованностью императора в положительном решении данного вопроса. Не дожидаясь распоряжения императора, Ширинский-Шихматов сразу же поручил разработку этого вопроса «двум русским православного исповедания», а именно, К. С. Сербиновичу и П. П. Дубровскому, и предложил

напечатать русской азбукой хрестоматию из произведений польских писателей, издав ее «от имени профессора Дубровского как частный труд его [...] Такая книжка могла бы даже быть разослана в библиотеки учебных заведений в виде пожертвования или приношения в пользу их со стороны профессора Дубровского, насколько не обнаруживая участия в этом деле правительства». Это предложение удостоилось одобрения Николая I, который 5 января 1852 г. положил на докладной записке Ширинского-Шихматова следующую резолюцию: «очень можно, и полагал бы потом вводить во всех воспитательных заведениях в а м е н н ы н е ш н е г о б у к в а р я» (с. 15). Такая книга вскоре — через два месяца! — и была издана от имени П. П. Дубровского (его фамилия была обозначена инициалами П. Д.); книга вышла в частной типографии К. Края²⁹. Она основывалась на правилах воспроизведения польских текстов, предложенных Сербиновичем и Дубровским и отредактированных лично Николаем I, который, как мы видели, внес в эти правила ряд существенных изменений. В соответствии с резолюцией императора Ширинский-Шихматов распорядился снабдить экземплярами этой книги польские учебные заведения, подведомственные Министерству народного просвещения, «преимущественно состоящие в Царстве Польском и в губерниях, возвращенных от Польши [т. е. в Западном крае]» (с. 19)³⁰.

До сих пор считалось, что Дубровский издал эту книгу по своей инициативе: в ней видели обычно проявление панславистических интересов автора³¹. Участие в этом деле правительства оставалось исследователям неизвестным — так же, как и то, что Дубровский не является единственным исполнителем этого политического заказа. Тем более, никто не предполагал, что книга эта основывается на правилах польского письма, разработанных при личном участии Николая I³².

Как видим, проект 1844 г. (комитета Уварова и Паскевича) и проект 1852 г. существенно различаются по

поставленным задачам. В самом деле, проект 1844 г. был предназначен для поляков: речь шла о том, чтобы перевести польскую письменность на кириллическую основу, и, соответственно, создаваемая система транслитерации была максимально приближена к польской. Речь шла о реформе в области графики, но не в области орфографии, и члены комитета 1844 г. могли исходить из того, что соответствует и что не соответствует свойству польского языка: оказывалось, например, что способ обозначения палатализации, принятый в русском языке, для польского языка неудобен, и т. п.³³ Характерно в этом смысле, что учредители комитета 1844 г. считали необходимым участие в работе поляков. Между тем в 1852 г., как мы видели, дело было поручено «русским православного исповедания» (с. 15).

Проект 1852 г. (комиссии Ширинского-Шихматова) ставил перед собой совершенно другие задачи: согласно программе Ширинского-Шихматова, речь шла прежде всего об ознакомлении русских с «замечательнейшими произведениями польской литературы» (с. 15). Вполне возможно, что Ширинский-Шихматов исходил при этом из мысли, высказанной в процессе работы над проектом 1844 г.: говоря о том, что переход на русский алфавит может быть осуществлен лишь «постепенно и со временем», Пржецлавский в свое время замечал: «надежнейшею посредницею в том послужила бы самая литература; но для сего нужно, чтобы две соплеменные словесности ознакомились и сблизились к себе взаимно» (см. выше); этой задаче и должна была, по замыслу Ширинского-Шихматова, служить издаваемая книга — первая польская книга, напечатанная русскими буквами.

Соответственно, проект 1852 г. был предназначен — по крайней мере, по видимости — для русской аудитории, и книга, изданная под именем Дубровского, носила название: «Образцы польскаго языка въ прозѣ и стихахъ для русскихъ». «Изучение польского языка для русских нетрудно [...], — говорилось в предисловии к этой книге. — Только употребление поляками латинских

букв препятствует, чтобы польский язык сделался для нас доступным»³⁴. С этой точки зрения оказывалось уместным и оправданным использование принципов русской орфографии при воспроизведении польских текстов. Вместе с тем данную книгу с самого начала предполагалось распространять в польских учебных заведениях. В докладной записке князя Ширинского-Шихматова от января 1852 г. речь шла о рассылке ее по библиотекам «как опыта литературного сближения двух языков одного корня», который должен был показать полякам самую возможность подобной реформы.

Создается впечатление вообще, что у Ширинского-Шихматова не было собственных взглядов по данному вопросу. Инициатива принадлежала не ему. Он создал комиссию, предвосхищая желание императора. Представлялось ясным, что Николай I остался неудовлетворенным докладной запиской Уварова и желал бы, чтобы дело было продолжено. Ширинский-Шихматов ознакомился с работой комитета 1844 г. и отвечал на запрос императора так, как от него ожидали; при этом он воспользовался мыслью Пржещлавского о том, что осуществление данной реформы должно быть результатом сближения русской и польской литературы. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что формулировки Ширинского-Шихматова не самостоятельны и так или иначе восходят к формулировкам Уварова и Пржещлавского. Так, если в докладной записке Уварова от 5 апреля 1845 г. говорилось о том, что «мысль заменить в польском языке латинскую азбуку русскими буквами [...] представляет такие затруднения, которые оказываются непреодолимыми» и что затруднения эти могут быть устранены «не иначе как разве с течением времени», то в докладной записке Ширинского-Шихматова от начала 1852 г. утверждалось, напротив, что «исполнение означенного предположения не представляет непреодолимых затруднений и что опыт применения русской азбуки к польскому языку возможен и в настоящее время» (с. 13—14); если Пржещлавский в записке 1844 г. го-

ворил, что для осуществления поставленной задачи «нужно, чтобы две соплеменные словесности ознакомились и сблизились к себе взаимно», то Ширинский-Шихматов предлагает издать образцы польской литературы для «доставления русским читателям ближайшей возможности пользоваться замечательнейшими произведениями польской литературы», и именно «как опыт литературного сближения двух языков одного корня» (с. 7, 14—15).

Заметим, что Ширинский-Шихматов в своей докладной записке говорит о рассылке издаваемой им хрестоматии «в библиотеки учебных заведений», не уточняя, какие именно учебные заведения имеются в виду, но надо полагать, что речь шла прежде всего о местах совместного проживания поляков и русских, т. е. об учебных заведениях Царства Польского и Западного края; предполагалось, по-видимому, что наличие подобной книги должно было приучить поляков к самой мысли о возможности писать польские тексты русскими буквами.

Между тем в резолюции Николая I на этой записке предлагалось использовать данную книгу как учебное пособие — «взамен нынешнего букваря» (с. 14—15). Эта резолюция давала делу совершенно иной поворот.

Естественным следствием этого предложения явилось затем (с 1865 г.) появление польских букварей, а вслед за ними и других учебных пособий, не только напечатанных кириллицей, но и ориентированных на русские орфографические принципы. Одновременно в 1866 г. была переиздана «Образцы...» Дубровского; на этот раз данная книга вышла не в частной типографии, а в типографии императорской Академии наук, причем на обороте титульного листа значилось, что она «напечатана по распоряжению Министерства народного просвещения».

В отличие от «Образцов...», учебные пособия 1865—1869 гг. предназначались для поляков, а не для русских; таким образом, перед составителем этих пособий стояли, вообще говоря, те же задачи, которые ставил перед собой комитет 1844 г. Эти задачи решались им, од-

нако, принципиально иным образом. Если проект 1844 г. был в общем соотнесен с польскими принципами письма, то учебные пособия для польских школ в определенной степени оказались ориентированы на русские принципы.

Это особенно наглядно проявляется при обозначении согласных, противопоставленных по твердости-мягкости: так же, как и в русском письме, это противопоставление передается последующей гласной, т. е. противопоставляются слоги *ба* и *бя*, *бэ* и *бе*, *бо* и *бё*, *бы* и *би*, *бу* и *бю* и т. п. Равным образом противопоставляются и написания *бъ* и *бь*, и буква *ъ* пишется в конце слова, оканчивающегося на твердый согласный, — в полном соответствии с правилами русской орфографии (до реформы 1917—1918 гг.). Что касается носовых гласных, то они представлены отдельными графемами, но графемы эти имеют славянскую (кириллическую), а не латинскую графическую основу. Так, наряду с буквами *ą* и *ę* здесь присутствуют буквы *ą̇* и *ę̇* для обозначения носовых [ja] и [e]: *ą* и *ą̇*, *ę* и *ę̇* противопоставляются как обозначения нейотированного и йотированного носового гласного.

Характерно, что польская буква *i* передается и как *í*, и как *и*, что также отвечает русским навыкам письма: так же, как и в русском письме, эти буквы не противопоставлены по произношению, подчиняясь условному орфографическому принципу. Обе эти буквы представлены и в хрестоматии, изданной под именем Дубровского³⁵; вероятно, они были предусмотрены проектом 1852 г.³⁶

Составителем этих учебных пособий был С. П. Микуцкий (Stanisław Mikucki)³⁷, и вместе с тем ближайшее отношение к их изданию имел А. Ф. Гильфердинг (который с 1863 г. активно работал в комитете по делам Царства Польского). Издавая в 1871 г. свою «Общеславянскую азбуку», Гильфердинг писал в предисловии: «По мысли Н. А. Милютина [статс-секретаря, занимавшегося делами Царства Польского] была сделана в 1865 г. попытка издания русскими буквами нескольких книжек на польском

языке, назначенных для народных школ. Вместе с С. П. Микуцким пишущий эти строки участвовал в установлении, на началах здесь изложенных, системы применения кирилловской азбуки к польским звукам. Попытка не осталась вовсе без успеха, как доказывает тот факт, что одна из книжек, напечатанных этим способом, “Элементаръ для дзеци вейскихъ”, потребовала уже третьего издания»³⁸. Можно предположить вообще, что Гильфердинг был идейным вдохновителем, а Микуцкий — практическим исполнителем данного предприятия³⁹.

Действительно, такого рода азбука могла восприниматься как общеславянская, и характерным образом С. Микуцкий определяет ее именно как «общеславянскую азбуку русскую»⁴⁰. Это ближайшим образом отвечает идеям А. Ф. Гильфердинга о создании общеславянской азбуки на русской основе; не исключено, что именно издание этих учебников и явилось стимулом для его работы над «Общеславянской азбукой»⁴¹. Так, 24 февраля 1868 г. Микуцкий писал И. П. Корнилову (занимавшему с 1864 г. пост попечителя Виленского учебного округа): «По указанию науки и государственной мудрости — необходимо печатать польские католические молитвенники общеславянской азбукою русскою. Покойный граф Михаил Николаевич [Муравьев] считал применение к польскому наречию общеславянской азбуки русской весьма важным государственным делом. Ныне, слава Богу, сделана с Высочайшего одобрения замечательная попытка применения общеславянской азбуки русской к польскому наречию и отпечатано “Элементаръ для дзеци вейскихъ” и другие книжки для народа [...] Позволительно уповать, что по воле и ходатайству Вашего Превосходительства в Вильне будут печататься молитвенники и назидательные книжки для народа — на польском наречии, но общеславянскими буквами русскими»⁴². Итак, «применение к польскому наречию общеславянской азбуки русской» призвано было отвечать требованиям «науки и государственной мудрости»: под «наукой» имеются в виду, очевидно, панславистичес-

кие идеи А. Ф. Гильфердинга, под «государственной мудростью» — политика культурной ассимиляции (русификации) польского населения Российской империи).

Знаменательно, что эти учебные пособия, напечатанные «общеславянской азбукою русскою», были предназначены для сельских школ. Здесь также прослеживается славянофильская — и, вместе с тем, почвенническая — идея: предполагалось, по-видимому, что польский народ (крестьянство) в большей степени сохранил славянский дух, чем шляхта и горожане, которые оказались зараженными западным влиянием, — и следовательно, должен быть более восприимчив к идее славянского единства. Тем самым народ оказывался противопоставленным остальным слоям польского населения: идея славянского единства должна была противостоять идее польского единства⁴³. Это отвечало крестьянской реформе Н. А. Милютина, и не случайно, как мы видели, Милютин имел самое непосредственное отношение к изданию интересующих нас учебников⁴⁴. Интересы «науки» и «государственной мудрости» оказывались, таким образом, органически связанными: славянофильская идеология смыкалась с административной политикой.

Николая I уже не было в живых, но и после его смерти — в новых условиях — продолжала осуществляться та программа, которую лучше всего определил он сам в 1833 г. (после первого польского восстания) в одном из писем к И. Ф. Паскевичу: «их [поляков] делать надо счастливыми вопреки их самих и как бы насильно»⁴⁵.

Примечания

¹ Так, в частности, были изданы польский букварь (СПб., 1865; Варшава, 1866; Варшава, 1869), польская грамматика (СПб., 1866; Варшава, 1866); хрестоматия с текстами из польских авторов (Варшава, 1866) и учебник арифметики (Варшава, 1866). Описанию этих изданий с фототипическим воспроизведением отдельных страниц посвящены работы: Brzezina, 1994; Brzezina,

1997; Brzezina, 1999; страницы из хрестоматии воспроизведены также в книге: Kraushar, 1916, с. 20—21.

Были и еще издания такого рода. Так, в письмах Я. А. Соловьева А. Ф. Гильфердингу от 8 / 20 августа 1866 г. и С. М. Жуковскому от 15 / 27 августа 1866 из Варшавы упоминается книга «Крѳтки збюѳръ хисторіи Старэго и Новэго Тестаменту», составленная «известным польским литератором Дмоховским» (имеется в виду, видимо, Franciszek Salezy Dmochowski) и изданная в Варшаве в 1866 г. (Российский гос. исторический архив в С.-Петербурге, ф. 1270, оп. 1, № 68, л. 29—29 об., 32—32 об.); книга эта характеризуется как «учебное руководство, одобренное здешним учебным ведомством для начальных училищ и перепечатанное по образцу Элементаря [т. е. букваря 1865 г.] самим автором этого сочинения». В письме Я. А. Соловьева С. М. Жуковскому от 31 октября / 12 ноября 1866 г. говорится: «известный здешний каллиграф Олещинский [Seweryn Oleszczyński] издал ныне в Варшаве польские прописи, налитографированные русскими буквами, для учебных заведений Царства Польского» (там же, л. 35—35 об.); речь идет о книге «Взоры каллиграфичнэ польске» (Варшава, 1866), три экземпляра которой содержатся в приложении к письму и представлены в том же архивном деле (л. 36—61). Ср.: Głębocki, 2000, с. 449 (примеч. 209).

² Щербатов, V, с. 345—346.

³ Опись, 1913, с. 394, № 715 (дело на 31 листе, начато 18 апреля 1844 г., кончено 19 января 1845 г.).

Материалы дела, которое цитирует Щербатов, частично пересекаются с нашим источником: так, Щербатов приводит обширную цитату из заключения С. С. Уварова 1845 г., которая фигурирует на с. 13—14 публикуемого нами документа.

⁴ Осип Антонович Пржещлавский (Józef Przećlawski) с 1840 г. занимал должность правителя канцелярии комиссии для ревизии и составления законов Царства Польского; с 1829 по 1858 г. он издавал в Петербурге газету на польском языке (Tygodnik Peterburski).

⁵ Трехчленная формула графа Уварова была создана, по всей видимости, по модели формулы Французской революции «Liberté, Égalité, Fraternité» и была ей полемически противопоставлена (см.: Успенский, 2002а, с. 404—405). Достоинно внимания при этом, что слово *народность*, введенное П. А. Вяземским для передачи фр. *nationalité*, было создано им по образцу польск. *narodowoć* (см.: Лотман и Успенский, 1996, с. 506—507, 555—556).

⁶ Слово *славянофил* было создано как наименование Шишкова (не позднее 1808 г.), т. е. могло относиться к нему персонально, выступая на правах собственного имени; вскоре оно становится именем нарицательным, характеризуя известное направление, сначала литературно-языковое, а впоследствии и идеологическое (см.: Лотман и Успенский, 1996, с. 529—531).

⁷ В журнале комитета говорится: «Приняв к исполнению предложение г. министра [С. С. Уварова], комитет прежде всего пожелал иметь в виду занятия по настоящему предмету покойного адмирала Шишкова; но председатель [П. И. Гаевский, директор департамента народного просвещения, ближайший сотрудник Уварова], безуспешно принимавший меры к открытию трудов почтенного славянофила, и статский советник Пржецлавский объявили, что письменных следов после него нет в виду, и что, сколько известно им, все рассуждения [Шишкова] о возможности применения русской азбуки к польскому языку были только словесные» (с. 5). Последнее заявление, по-видимому, основывается на свидетельстве О. А. Пржецлавского, который приходился Шишкову родственником (он был внучатым племянником второй жены Шишкова, Юлии Осиповны Нарбутт) и бывал в его доме. Позднее Пржецлавский (1875, с. 391—392) вспоминал:

«С 1829 года я издавал в Петербурге политико-литературную газету на польском языке. Александр Семенович [Шишков] с жаром восставал против того, что для польской и чешской грамотности приняты не славянские или русские, а латинские буквы. В разговорах со мною он часто возвращался к этому предмету и особенно настаивал на том, чтобы я мою газету печатал русскими буквами. Я доказывал невозможность этого и представлял именно следующее: в польском языке есть много таких звуков, для которых в русском языке не имеется письменных знаков. Таковы носовые звуки *a* и *e*, соответствующие французским *on*, *in*. Даже сопоставления однозвучных с польскими русских букв не удовлетворяет требованиям польского произношения. Так, например, моя фамилия *Przeclawski* только приблизительно пишется *Пржецлавский*, и в польском выговоре ее есть оттенок, который русскими письменами передать нельзя. Фамилию последнего министра статс-секретаря Царства Польского *Łęski* [sic! имеется в виду *Adam Łęski*] нет возможности написать по-русски. Если даже ставить обратное *э* (*Лэнский*), то и тогда выйдет звук, соответствующий

ший французскому *le*; в произношении же этой фамилии нужен звук твердого *ль*, в соединении с э несвойственный русскому языку. Такая же невозможность написать по-русски такие слова и названия лиц, где *л* соприкасается с гласными *а*, *о*, *и* [имеются в виду латинские буквы], например *Wielopolcki* [sic! читай: *Wielopolski*], *Lassoła*, *Lubański*. Все эти доводы не убеждали Александра Семеновича; но когда мы спорили, как бы в подтверждение моих слов, входит некто Лодер. Я говорю:

— Вот и этого господина фамилию нельзя написать по-русски.

— Как нельзя, — возразил Александр Семенович, — это очень легко.

— Не только не легко, а, повторяю, невозможно; если подставлять букву за буквой, то выйдет Лодер, а он *Loder*; в его имени нет твердого *ль*.

— Ну так что же, что нет, с твердым *ль* выйдет еще лучше.

На такой аргумент не было возможности возражать; Шишков прибавил:

— Ведь немцы и французы потому не употребляют твердого *ль*, что не могут его выговорить».

⁸ Это не обязательно означает, что сам Уваров был сторонником рассматриваемого нами проекта: ему принадлежала в данном случае роль исполнителя.

⁹ См.: Живов, 1986; Успенский, 1994, с. 115—118.

¹⁰ «Богатством смягченных согласных, — говорится здесь, — польское наречие превосходит все прочие, отличаясь еще от них и тем, что одно и то же слово может состоять из нескольких таких смягченных согласных, следующих нередко одна за другою непосредственно. Вот причина, которая не позволяет комитету прибегнуть к обыкновенному в русском языке способу обозначать смягчения согласных посредством буквы *ь*. Польский способ выражать эти оттенки звуков посредством надстрочного знака представляет ту выгоду, что, сокращая труд пишущего, не требует столько времени, сколько нужно для изображения *ь*, напр[имер] *ścisłóć* вм[есто] *ścisłóсьць*, *ćwórci* вместо *цьвóрьць*. Также и в школах при складывании букв [имеется в виду буквослагательный метод обучения чтению, ср.: Успенский, 1997] ученику легче будет один простой смягченный звук связывать с следующей буквою без посредства буквы *ь*, нежели без нужды разлагать его на два элемента, напр[имер] вместо *ć* говорить *ць*. Такое разложение только затрудняет успехи чтения» (с. 11).

¹¹ Оба предложения восходят, видимо, к уже упоминавшейся записке О. А. Пржещлавского, где говорилось «о излишности для польского языка знаков *ѣ* или *ь*» (с. 5).

¹² О принципах передачи польских текстов в соответствии с проектом 1852 г. можно судить также по изданию: Дубровский, 1852, с. IV—V, где подробно излагаются принципы польского правописания, разработанные комиссией 1852 г. См. об этом ниже.

¹³ Такое предложение выдвигает В. Е. Адогуров в своей грамматике русского языка 1738—1740 гг. (§§ 4, 15), см.: Успенский, 1975, с. 94, 96—97, ср. с. 17, 172, 177—179; см. в этой связи заметку Адогурова 1737 г. о правописании букв *ѣ* и *ь* (там же, с. 31—32, 35—36). О сходном, хотя и менее радикальном предложении А. А. Барсова в 1768 г. см.: Успенский, 1997а, с. 648 (примеч. 40); ср. затем обсуждение этого вопроса в грамматике Барсова 1783—1788 гг. (Барсов, 1981, с. 54—55).

Между тем В. Н. Татищев в письме В. К. Третьяковскому 1736 г. предлагает исключить из русской гражданской азбуки как букву *ѣ*, так и букву *ь*, означая твердость согласного надстрочным знаком (апострофом), а мягкость — соответственно отсутствием такого знака, например, *пол* и *пол'*, *тверд* и *тверд'* (см.: Успенский, 1975, с. 83). В сущности, это тот же принцип, что и в польской орфографии — с той только разницей, что маркированным является обозначение твердых согласных, а не мягких, как в большинстве случаев у поляков; вместе с тем противопоставление *пол* и *пол'* у Татищева соответствует польскому противопоставлению *l* и *ł* (в обоих случаях маркировано обозначение твердого согласного).

¹⁴ См.: Обзор предложений, 1965, с. 65—67, ср. перечень «безъерových» изданий на с. 471—482.

¹⁵ Приведем характерное высказывание Н. П. Гилярова-Платонова, демонстрирующее отношение к этой букве: «Вероятно, вам случалось знать людей, которые, например, изгоняют из своего правописания твердый знак *ѣ*, или усваивают другое подобное новшество? Для меня такая привычка, если я ее вижу, служит уже одна свидетельством об умственных и нравственных качествах пишущего: это непременно ум ограниченный, самонадеянный, с мелочными претензиями и неспособный ни к творчеству, ни к благородным порывам, а серьезная мысль в нем и не зачиналась. Это шестилетний мальчишка, корчащий большого, взявший папиросу в зубы и важно расхаживающий, заложа руки за спину» (Гиляров-Платонов, 1904, с. 31).

Ср. также письмо к А. фон Гумбольдту от 28 ноября 1829 г., сочиненное в защиту буквы *ѣ* (Гумбольдт высказывал мысль о ее ненужности) и написанное от имени этой буквы. Здесь читаем: «Я буква *Ъ* и занимаю довольно важное место в Русской азбуке. Около десяти веков протекло со дня моего рождения, и никто не осмеливался отвергать действительность мою и оспаривать те заслуги, кои оказала я и донныне оказываю Росийскому языку. Только в исходе минувшего столетия некоторые безвестные вводители новизны, искавшие славы Эростратов, замышляли лишить меня прав моих; но общее мнение скоро произрекло им правый суд, и нападения их были заглушены окриком наших отличнейших и ученейших литераторов» (Новая тяжба, 1865, стлб. 1130). Под «безвестным вводителем новизны», искавшим Геростратовой славы, может иметься в виду А. А. Барсов, предложение которого об устранении буквы *ѣ* на конце слов было опубликовано анонимно (ср. выше, примеч. 13). Менее вероятно, что речь идет о Х. А. Чеботареве, который хотя сам и писал без еров, другим это делать не советовал (см.: Соловьев, 1855, с. 551).

¹⁶ См. об этом в изд.: Дубровский, 1852, с. IV—V. Ср. выше, примеч. 12.

¹⁷ Ср.: «Русские буквы *ѣ, ъ, ѣ, ѣ* и десятиричное *і* подлежат исключению, по неприложимости их к звукам польского наречия. К этому разряду принадлежит и *э*, знак, придуманный только для трех чисто русских слов [имеются в виду, видимо, слова: *этот, экой, эй* или *эх*] и для выражения этого звука в словах иностранных. Комитет находит более удобным заменить его буквою *е*, столь обыкновенною в польском языке; смягченное же произношение буквы полагает изображать знаком *ѣ*» (с. 10—11).

Предполагается, по-видимому, что буква *е* не смягчает предшествующий согласный, тогда как буква *ѣ*, напротив, смягчает его. Это соответствует русскому книжному произношению букв *е* и *ѣ*, которые различались именно таким образом в церковном чтении (см.: Успенский, 1997б; Успенский, 2002, с. 163—173, § 7.8). Итак, проект 1844 г. опирается в данном случае на книжную традицию церковного чтения; между тем проект 1852 г. исходит, напротив, из принятой к тому времени традиции чтения русских (не церковнославянских!) текстов, согласно которой буква *е* смягчает предшествующий согласный, тогда как твердый согласный обозначается последующей буквой *э*.

¹⁸ Биограф Николая I пишет о годах учебы будущего императора: «неоднократно случалось, что Николай Павлович спорил с учителями своими даже насчет самого предмета преподавания. Например, с Ахвердовым он спорил об орфографии некоторых русских слов еще в 1804 году, с учителем каллиграфии о том, как надо держаться во время писания и как расстановливать строки и проч.» (Шильдер, I, с. 23).

¹⁹ Ср. то же и в проекте 1844 г.: «комитет считает необходимым удержать из латинского алфавита букву *j* для выражения смягчения гласных *a*, *e* и *o*, напр[имер] *jadro* — *jadro*, *jek* — *jek*, *jodla* — *jodla*» (с.12).

²⁰ Следует подчеркнуть, что сочетание *io* воспринималось, по-видимому, как самостоятельная графема, соответствующая по звучанию букве *ë*. Обыкновенно буквы *i* и *o* соединялись при этом надстрочным значком (*iô*). Такое сочетание могло рассматриваться как особая буква русского алфавита; оно появляется в русской письменности в 1730-е гг. (и, по-видимому, было регламентировано орфографическими правилами 1735 г.). Характерно при этом, что В. Н. Татишев предлагал писать в подобных случаях *io* (без надстрочного знака) — надо полагать, под влиянием польской орфографии. См.: Успенский, 1975, с. 208—212, ср. с. 85—86 и 206.

В книге, изданной под именем Дубровского (см.: Дубровский, 1852), где, как уже отмечалось, излагаются принципы польского правописания, разработанные комиссией 1852 г. (см. выше, примеч. 12), используется графема *iô*.

²¹ Ср. в проекте 1844 г. передачу *jablko* как *ябл̄ко*, *jutro* как *ютро* (с. 11).

²² Вопрос об использовании буквы *щ* был предметом дискуссии и в русском языке. Так, В. К. Третьяковский и затем А. А. Барсов считали букву *щ* избыточной, предлагая исключить ее из русской гражданской азбуки, заменив ее сочетанием *шч* (см.: Успенский, 1975, с. 201). При этом они основывались на русском книжном (церковном) произношении, где *щ* произносилось как *шч* (см.: Успенский, 2002, с. 131—135, § 7.4). Напротив, Татишев, основываясь на собственно русском произношении, предлагал писать *сч* вместо *щ* (см.: Успенский, 1975, с. 80—81, 201).

²³ См., например: Długosz-Kurczabowa i Dubisz, 2001, с. 131, 146.

²⁴ Фонемы, соответствующие написаниям *rz* и *ż*, *u* и *ó*, могут, правда, различаться в польских диалектах, но едва ли эти диалектные различия были актуальны для Николая I.

²⁵ Буква *é* была принята в польском правописании до 1891 г.

²⁶ В книге, изданной под именем Дубровского, констатируется, что польская буква *é* имеет свое особое произношение, но при этом говорится следующее: «*é* — “*e* сжатое” произносится почти как русское *и*; но мы оставим эту букву без знака, потому что она теперь не всегда слышится в их [польском] произношении» (Дубровский, 1852, с. I).

²⁷ При этом отмечалось (с. 11—12), что такой способ передачи соответствующего звука встречается в «Сравнительных словарях всех языков и наречий», изданных Палласом в 1787—1789 гг. (Паллас, I—II).

Если в XVIII в. фрикативное произношение *z* было чертой книжной орфоэпии (см.: Успенский, 1996; Успенский, 1975, с. 172—174; Успенский, 2002, с. 158—159, § 7.6), то к середине XIX в. оно уже воспринималось как провинциальное. Соответственно, в грамматиках XVIII в. букве *z* приписывается фрикативное произношение, тогда как в проекте 1844 г. отмечается, что «буква *h*, существующая даже в устах образованного класса русского народа, до сих пор не имеет своего представителя на письме» (с. 11).

²⁸ См. об этом: Успенский, 2002, с. 156 (§ 7.6).

Необходимо отметить, однако, что в книге, изданной под именем Дубровского (Дубровский, 1852), которая явилась практическим результатом работы комиссии 1852 г., буква *h* передается как *ḥ* — так, как это и предлагалось в 1844 г. Достойно внимания при этом, что в печатных изданиях 1865—1869 гг. (см. выше, примеч. 1) этой букве соответствует не *h*, а *h* с надстрочным знаком: она передается как *ḥ*.

²⁹ См. изд.: Дубровский, 1852. Цензурное разрешение датировано 16 марта 1852 г.

Отметим, что среди «произведений польских писателей» оказалось и стихотворение Пушкина «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...»), переведенное на польский язык А. Мицкевичем (имя переводчика в книге не указано).

³⁰ Западным краем принято было называть 9 губерний, присоединенных в конце XVIII в. от Речи Посполитой, — 6 белорусских и литовских (Северо-Западный край) и 3 украинских (Юго-Западный край). Северо-Западный край составляли губернии Виленская, Гродненская, Минская, Витебская, Могилевская и Ковенская, Юго-Западный край — Волынская, Подольская и Киевская.

³¹ См., в частности: Сидоров, 1901, с. 103; Brzezina, 1997, с. 167.

³² Так, исследователь этой книги отмечает: «Z językoznawczego punktu widzenia jego [Дубровского] zasadom transkrypcji można zarzucić oparcie się w pewnych wypadkach na niestandardowej fonetyce polskiej (np. propozycja oddawania [...] polskich końcówek *o* i *e* przez *on* i *en* także [...] w pozycji przed spółgłoską szczelinową)» (Brzezina, 1997, с. 161). На самом же деле здесь имеет место отражение не «нестандартной польской фонетики», а рекомендаций Николая I.

³³ В журнале комитета от 20 октября 1844 г. при этом подчеркивалось: «перемены в русском алфавите для изображения звуков польского наречия могут быть предложены единственно в виде опыта, частью потому, что только практика в состоянии решить пользу и удобство предполагаемой комитетом комбинации русских букв, частью и потому, что комитет, хотя и пользовался всеми известными ему материалами, не может, однакоже, ручаться за те особенности фонетической системы польского наречия, которые донныне еще не приведены в известность и которые, следовательно, со временем могут открыться, а с тем вместе послужить новым дополнительным материалом к предположениям комитета» (с. 12—13).

³⁴ См. изд.: Дубровский, 1852, с. I.

³⁵ Там же, с. IV—V.

³⁶ Напротив, проект 1844 г. предлагал исключить букву *i*, наряду с буквами *v*, *o*, *o*, *o* и *e* (с. 10). Ср. выше, примеч. 17.

³⁷ Позднее, вспоминая об этих книгах, А. Краушар писал: «Autorem szatańskiego pomysłu, który przez parę lat dziesiątków, z wiedzą i przyzwoleniem Apuchtina [А. Л. Апухтин в 1879—1897 гг. был попечителем Варшавского учебного округа], szerzył się, jak zaraza, wśród ludności miast i wiosek naszych, był pomocnik bibliotekarza w Bibliotece Głównej [в Варшаве], ohydnej pamięci litwin Mikucki, który nas, jeszcze jako studentów Szkoły Głównej, pracujących w czytelni, zamęczał swojemi rozmowami i uwagami na temat rzekomego nieuctwa historyków i filologów polskich. Pragnąc zaznaczyć swoją prawomyślność i obłowić się przy tej sposobności groszem rządowym i orderem, umyślił Mikucki opracować nie tylko podręczniki elementarne polskie czcionkami rosyjskimi, lecz przedrukować powieści autorów polskich w takiejże szacie, by tym sposobem odzwyczaić młode pokolenie od czytania książek w rodowitym języku polskim» (Kraushar, 1916, с. 19—21). См. в этой связи: Brzezina, 1994, с. 86; Brzezina, 1997, с. 162, 166.

³⁸ Гильфердинг, 1871, с. 3; см. также: Бодуэн де Куртенэ, 1871, с. 150. Ср.: «Учредительный комитет открыл более 100 народных училищ, сделал попытку при помощи Гильфердинга и Микуцкого [...] применить в учебниках для этих училищ русский алфавит к польскому языку» (Сидоров, 1901, с. 151).

³⁹ Ср.: Głębocki, 2000, с. 450.

⁴⁰ Замечательно при этом, что в «общеславянской» азбуке присутствует буква э, введенная в русский гражданский алфавит (по-видимому, правилами 1735 г.) специально для воспроизведения иностранных слов (см.: Успенский, 1975, с. 187—190; ср.: Успенский, 2002, с. 446—449, § 17.2.2, а также с. 178—180, § 7.10.1), и, вместе с тем, отсутствует буква ъ, традиционная для русской письменности; не менее любопытно, что здесь используется буква ё, введенная Карамзиным в 1797 г. (см.: Успенский, 1975, с. 211) и вызывавшая в свое время особенно резкие нападки славянофилов (буква, до сих пор не получившая полного признания в русском языке): эта буква настолько раздражала Шишкова, что он собственноручно выскабливал точки над ней в принадлежавших ему книгах (см.: Лотман и Успенский, 1996, с. 609).

Как уже упоминалось, от буквы э предлагали отказаться в 1844 г., но она появляется в проекте 1852 г.

⁴¹ Любопытен в этой связи отзыв Гильфердинга о реформе Вука Караджича. В предисловии к «Общеславянской азбуке» он писал: «У сербов образовались две школы: одни удерживают с русскою азбукою и самую систему Кириллова правописания; другие, последователи Вука Караджича, сохранили только начертания наших букв, но в отношении правописания приняли систему латинскую (выражение смягчения посредством *j*, а не особенных начертаний гласных, отсутствием *ъ* и *ь* и т. д.)» (Гильфердинг, 1871, с. 1). Его оценка сербского правописания прямо противоположна отзыву П. И. Прейса, который мы цитировали выше. Равным образом Н. П. Гиляров-Платонов характеризовал это правописание как «умышленное, нарочитое отречение от родства с современными соплеменниками и с умственную историей предков» (Гиляров-Платонов, 1904, с. 35).

Уместно отметить, что еще до поступления в Московский университет Гильфердинг учился у И. И. Паплонского (Jan Papłowski; см.: Лавров, 1916, с. 195), который вместе с С. П. Микуцким был сторонником перевода польского языка на кириллическую основу. Ср.: «Паплонский и Микуцкий были последними видными представителями польских славянофи-

лов той школы, которая стремилась к теснейшему сближению с русскими во имя общеславянских идеалов на почве восточного обряда и объединения алфавита» (Сидоров, 1901, с. 107).

⁴² См.: Корнилов, 1901, с. 175. — Необходимо иметь в виду, что 23 июля 1866 г. Главный начальник (генерал-губернатор) Северо-Западного края К. П. фон Кауфман распорядился уничтожить польский шрифт во всех типографиях и словолитнях подведомственного ему региона. Губернаторам 6 губерний, составляющих Северо-Западный край, предписывалось: «1. Воспретить всем содержателям типографий в вверенной Вам губернии иметь польский шрифт, в чем и обязать их подписками. 2. В случае надобности в печатании цитат на польском языке печатать их русскими буквами, как это введено в народных школах в Царстве Польском для обучающихся грамоте. 3. Имеющиеся в словолитнях формы для литья польского шрифта, как ненужные, предоставить им уничтожить» (Корнилов, 1901, с. 335, 384). В этих условиях как польские, так и литовские книги могли печататься на территории Северо-Западного края только русскими буквами (относительно литовского языка см. там же, с. 253—267, 290, 333—334, 349—350, 358—371, 378—379, 403, 405, 407—408; Aleksandravičius, Kulauskas, 1996, с. 84, 324).

⁴³ Ср. в этой связи: Долбилов, 2001, с. 232—236.

⁴⁴ «25 января [1865 г.] Н. А. Милютин конфиденциально информировал К. П. фон Кауфмана, что с разрешения царя составлена и в Петербурге русским алфавитом отпечатана польская азбука для крестьянских детей тиражом в 10000 экземпляров. Организаторы этого издания, пожелав остаться в тени, позаботились о том, чтобы она была распространяема по частной инициативе петербургского купца О. Кожанцева, имевшего книжный магазин также в Варшаве. Н. А. Милютин просил К. П. фон Кауфмана распространять это издание и в Виленском генерал-губернаторстве» (Merkys, 1994, с. 66—67; письмо Н. А. Милютина к фон Кауфману — Литовский гос. исторический архив, ф. 378, Канцелярия Виленского генерал-губернатора, 1865 г., д. 442, ч. 8, л. 385—386; письменное обязательство О. Кожанцева Н. А. Милютину — там же, л. 387). Ср. еще отношение Н. А. Милютина фон Кауфману от 4 февраля 1866 г. аналогичного содержания — Литовский гос. исторический архив, ф. 378, Общее отделение, 1865 г., д. 1775, л. 65—65 об.

⁴⁵ Щербатов, V, прилож., с. 168 (письмо от 28 июня / 10 июля 1833 г.). Ср.: Горизонтов, 1999, с. 35.

Цитируемая литература

- Барсов, 1981 — *А. А. Барсов*. Российская грамматика [1783—1788 гг.]. Подгот. текста и текстол. комментарий М. П. Тоболовой. Под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. М., 1981.
- Бодуэн де Куртенэ, 1871 — *И. Бодуэн-де-Куртенэ*. Несколько слов по поводу «общеславянской азбуки» [рец. на кн.: Гильфердинг, 1871]. — «Журнал Министерства народного просвещения», ч. CLV, 1871, май (с. 149—195).
- Гильфердинг, 1871 — *А. Гильфердинг*. Общеславянская азбука с приложением образцов славянских наречий. СПб., 1871.
- Гиляров-Платонов, 1904 — *Н. П. Гиляров-Платонов*. Эскурсии в русскую грамматику. Издание К. П. Победоносцева. М., 1904. Перепечатано из журнала «Радуга» за 1884 г.
- Горизонтов, 1999 — *Л. Е. Горизонтов*. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше. М., 1999.
- Долбилов, 2001 — *Михаил Долбилов*. Культурная идиома возрождения России как фактор имперской политики в Северо-Западном крае в 1863—1865 гг. — «Ab Imperio», 2001, № 1—2 (с. 227—268).
- Дубровский, 1852 — Образцы польского языка в прозе и стихах для русских, изданные *П. Д.* [= *П. Дубровским*]. *Wzory języka polskiego prozą i wierszem dla Rosyjan*, wydane przez *P. D.* СПб., 1852. Ср. 2-е (стереотипное) изд.: СПб., 1866.
- Живов, 1986 — *В. М. Живов*. Азбучная реформа Петра как семиотическое преобразование. — «Труды по знаковым системам», т. XIX (= «Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 720). Тарту, 1986 (с. 54—67).
- Корнилов, 1901 — *И. Корнилов*. Русское дело в Северо-Западном крае: Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху. СПб., 1901.
- Лавров, 1916 — *П. Лавров*. Гильфердинг Александр Федорович. — В изд.: «Русский биографический словарь», том *Герберский — Гогенлоэ*. М., 1916 (с. 195—204).
- Лотман и Успенский, 1996 — *Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский*. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры. («Происшествие в царстве теней, или Судьбина Российского языка» — неизвестное сочинение Семена Бобро-

- ва). — В изд.: *Б. А. Успенский. Избранные труды*, т. II: Язык и культура. Изд. 2-е, испр. и переработ. М., 1996 (с. 411—683).
- Новая тяжба, 1865 — Новая тяжба о букве ъ (из Литературной газеты 1830 г.). — «Русский архив». М., 1865 (стлб. 1129—1136).
- Обзор предложений, 1965 — Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII — XX вв.). М., 1965.
- Опись, 1913 — Опись дел архива Государственного совета, т. XXI. Дела собственной его императорского величества канцелярии по делам Царства Польского с 1836 года по 1845 год. СПб., 1913.
- Паллас, I-II — Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы [под ред. *П. С. Палласа*], отд. I, ч. 1—2. СПб., 1787—1789. Ср.: Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный [изд. переработ. и доп. под ред. *Ф. И. Янковича де Мириево*], ч. I—IV. СПб., 1790—1791.
- Пржецлавский, 1875 — *О. А. Пржецлавский*. Александр Семенович Шишков: Воспоминания. — «Русская старина», 1875, т. XIII, 1875, № 7 (с. 383—402).
- Сидоров, 1901 — *А. А. Сидоров*. Русские и русская жизнь в Варшаве (1815—1895). Изд. 2-е. Варшава, 1901.
- Соловьев, 1855 — [*С. М. Соловьев*]. Чеботарев Харитон Андреевич. — В изд.: «Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета за истекающее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 года по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку», ч. II. М., 1855 (с. 543—551).
- Успенский, 1975 — *Б. А. Успенский*. Первая русская грамматика на родном языке: Доломоновский период отечественной русистики. М., 1975.
- Успенский, 1994 — *Б. А. Успенский*. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX вв.). М., 1994.
- Успенский, 1996 — *Б. А. Успенский*. Фонетическая структура одного стихотворения Ломоносова (Историко-филологический этюд). — В изд.: *Б. А. Успенский. Избранные труды*,

- т. II: Язык и культура. Изд. 2-е, испр. и переработ. М., 1996 (с. 255—298).
- Успенский, 1997 — *Б. А. Успенский*. Старинная система чтения по складам (Глава из истории русской грамоты). — В изд.: *Б. А. Успенский*. Избранные труды, т. III: Общее и славянское языкознание. М., 1997 (с. 246—288).
- Успенский, 1997а — *Б. А. Успенский*. О «Российской грамматике» А. А. Барсова (1783—1788). — В изд.: *Б. А. Успенский*. Избранные труды, т. III: Общее и славянское языкознание. М., 1997 (с. 628—656).
- Успенский, 1997б — *Б. А. Успенский*. Одна архаическая система церковнославянского произношения (Литургическое произношение старообрядцев-беспоповцев). — В изд.: *Б. А. Успенский*. Избранные труды, т. III: Общее и славянское языкознание. М., 1997 (с. 289—319).
- Успенский, 2002 — *Б. А. Успенский*. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2002.
- Успенский, 2002а — *Б. А. Успенский*. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры. — В изд.: *Б. А. Успенский*. Этюды о русской истории. СПб., 2002 (с. 393—413).
- Шильдер, I—II — *Н. К. Шильдер*. Император Николай Первый: Его жизнь и царствование, т. I—II. СПб., 1903.
- Щербатов, I—VII — Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: Его жизнь и деятельность. По неизданным источникам составил [...] [*А. П.*] *Щербатов*, т. I—VII. СПб., 1888—1904.
- Aleksandravičius, Kulakauskas 1996 — *Egidijus Aleksandravičius, Antanas Kulakauskas*. Carų valdžioje: XIX amžiaus Lietuva. Vilnius, 1996.
- Brzezina, 1994 — *Maria Brzezina*. Nieznane polskie podręczniki do szkół podstawowych pisane grażdanką. — «Socjolingwistyka», t. XIV. Kraków, 1994 (s. 85—98).
- Brzezina, 1997 — *Maria Brzezina*. Propozycje zastosowania grażdanki do języka polskiego z drugiej połowy XIX wieku. — In: «Słowiane Wschodni: Między językiem a kulturą». Księga jubileuszowa dedykowana Professorowi Wiesławowi Witkowskiemu w siedmziesiątą rocznicę urodzin. Pod redakcją Anny Bolek, Adama Fałowskiego, Bożeny Zinkiewicz-Tomanek. Kraków, [1997] (s. 161—167).

-
- Brzezina, 1999 — *Maria Brzezina*. Die polnische Variante der Grashdanka. — In: «Vielfalt der Sprachen». Festschrift für Alexander Szulc zum 75. Geburtstag. Hrsg. von Maria Kłańska und Peter Wiesinger. Wien, 1999 (S. 119—130).
- Długosz-Kurczabowa i Dubisz, 2001 — *K. Długosz-Kurczabowa, S. Dubisz*. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 2001.
- Głębocki, 2000 — *Henryk Głębocki*. Fatalna sprawa: Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856—1866). Kraków, 2000.
- Kraushar, 1916 — *Alkar* [= *A. Kraushar*]. Czasy szkolne za Apuch-tina: Kartka z pamiętnika (1879—1897). Wyd. 2. Warszawa, 1916.
- Merkys, 1994 — *V. Merkys*. Knygnešiu laikai: 1864—1904. Vilnius, 1994.

Приложение

Секретно.

**О ПРЕДПОЛОЖЕНИЯХ
ЗАМѢНИТЬ
ВЪ ПОЛЬСКОМЪ ЯЗЫКѢ ЛАТИНСКІЙ АЛФАВИТЪ
РУССКОЮ АЗБУКОЮ.**

Бывшій намѣстникъ Царства Польскаго князь Варшавскій графъ Паскевичъ-Эриванскій сообщилъ бывшему министру народнаго просвѣщенія графу Уварову, отъ 11¹/₂₈ мая 1844 года за № 36, что по всеподданнѣйшему докладу предположеній обоихъ сихъ лицъ о средствахъ къ приведенію въ дѣйствіе мысли о примѣненіи русской азбуки къ польскому языку, Его Императорское Величество, вполне одобрилъ мысли князя Паскевича и графа Уварова, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Составить на этотъ конецъ въ С. Петербургѣ, по выбору графа Уварова, особый комитетъ изъ лицъ, посвятившихъ себя изученію славянскихъ нарѣчій и вполне съ ними ознакомленныхъ, пригласивъ въ этотъ комитетъ статскаго совѣтника Пржецлавскаго, составившаго записку о трудностяхъ, какія въ этомъ дѣлѣ встрѣтятся могутъ, которая была повергаема на Высочайшее воззрѣніе министромъ статсъ-секретаремъ Туркуломъ.

2) Въ составъ комитета, если окажется нужнымъ, назначить одного члена изъ ученыхъ Царства Польскаго, извѣстнѣйшаго познаніями своими въ славянскихъ нарѣчійхъ.

3) Такъ какъ покойный адмиралъ Шипковъ, сколько извѣстно, занимался этимъ предметомъ, то предлогомъ къ назначенію комитета должно быть продолженіе ученыхъ по этому предмету заятій покойнаго Александра Семеновича, не давая этому дѣлу вида политическаго.

4) По окончаніи трудовъ комитета, чтобы дѣло это, съ общимъ

— 4 —

князя Паскевича и графа Уварова заключеніемъ, повергнуто было на Высочайшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе.

Въ исполненіе сего Высочайшаго повелѣнія графъ Уваровъ составилъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ директора департамента народнаго просвѣщенія Гаевского, изъ слѣдующихъ лицъ: члена археографической комиссіи протоіерея Григоровича, статскаго совѣтника Пржецлавскаго, коллежскаго совѣтника Дукшинскаго и преподавателя славянскихъ нарѣчій при С. Петербургскомъ университетѣ Прейса. Въ предложеніи предсѣдателю комитета о цѣли онаго, отъ 13-го мая, говорится слѣдующее :

«Бывшій министръ народнаго просвѣщенія, покойный адмиралъ Шишковъ, сколько извѣстно, занимался способами къ приведенію въ дѣйство мысли его о возможности примѣнить русскую азбуку къ польскому языку, и даже къ другимъ славянскимъ нарѣчіямъ, и ввести однообразіе письма, вмѣсто употребляемыхъ нынѣ нѣкоторыми изъ сихъ нарѣчій латинскихъ и нѣмецкихъ или готическихъ письменъ. — Въ земляхъ, населенныхъ Славянами и принадлежащихъ ко владѣніямъ германскихъ государствъ, замѣнъ нѣмецкаго алфавита собственнымъ славянскимъ, составляетъ также въ теченіи значительнаго уже времени предметъ ученыхъ изслѣдованій славянскихъ филологовъ. Получивъ записку, относящуюся къ этому вопросу лингвистики, составленную статскимъ совѣтникомъ Пржецлавскимъ, я признаю полезнымъ рассмотреть ее въ связи съ занятіями покойнаго адмирала Шишкова и обсудить этотъ филологическій предметъ съ желаемою подробностію и основательностію».

Объ учрежденіи помянутаго комитета было сообщено одновременно и князю Паскевичу, причемъ назначеніе и командированіе въ составъ онаго кого либо изъ ученыхъ Царства Польскаго предоставлено было усмотрѣнію князя намѣстника; но вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Уваровъ изъяснилъ, что по его мнѣнію такая командировка придавала бы только особую гласность этому дѣлу, для обсужденія котораго избранныя въ члены комитета лица, по убѣжденію графа Уварова, имѣли достаточныя познанія.

Какъ видно изъ дальнѣйшаго хода дѣла, князь Варшавскій согласился съ этимъ мнѣніемъ, ибо не видно, чтобы къ составу комитета, сверхъ вышепоименованныхъ лицъ, былъ прибавленъ еще членъ отъ Царства Польскаго.

26-го сентября 1844 г. предсѣдатель комитета г. Гаевскій представилъ журналъ комитета, въ которомъ, относительно сущности предложеннаго на обсужденіе онаго вопроса, значится слѣдующее:

«Принявъ къ исполненію предложеніе г. министра, комитетъ прежде всего пожелалъ имѣть въ виду занятія по настоящему предмету покойнаго адмирала Шишкова; но предсѣдатель, безуспѣшно принимавшій мѣры къ открытію трудовъ почтеннаго славянофила, и статскій совѣтникъ Пржецлавскій объявили, что письменныхъ слѣдовъ послѣ него нѣтъ въ виду, и что, сколько извѣстно имъ, всѣ разсужденія о возможности примѣненія русской азбуки къ польскому языку были только словесныя; изъ чего слѣдуетъ, что комитету предстояло собственнымъ опытомъ сдѣлать требуемое примѣненіе.

«По выслушаніи за симъ въ засѣданіи записки статскаго совѣтника Пржецлавскаго по сказанному предмету оказалось, что настоящій вопросъ разсматривается въ ней въ отношеніи къ пользѣ и возможности нововведенія, и въ отношеніи своевременности онаго. Относительно первой категоріи г. Пржецлавскій полагаетъ, что русская азбука, въ теперешнемъ своемъ составѣ, не въ состояніи выразить многихъ звуковъ, свойственныхъ польскому языку, каковы: rz, dz, dź, dż, ą, ę, h, ł, l, jo, съ присовокупленіемъ замѣчанія о излишности, для польскаго языка, знаковъ z или ь. Въ отношеніи ко второй категоріи онъ полагаетъ, что предпринимаемая перемѣна могла бы быть введена постепенно и со временемъ. По прочтеніи сей записки, г. Пржецлавскій представилъ комитету еще нѣсколько словесныхъ замѣчаній, въ дополненіе къ прежнимъ, о недостаточности русскаго алфавита: 1) въ примѣненіи къ звукамъ даже малороссійскаго нарѣчія, ссылаясь на книгу Кулиша, «Украйна»; 2) для выраженія русскими буквами иностранныхъ словъ и именъ, съ указаніемъ на «Journal de Saint

Pétersbourg» 1844 г. № 174 стр. 3095, на «С. Петербургскія Вѣдомости» 1844 г. № 156 стр. 703 и на «Сѣверную Пчелу» 1844 г. № 164 стр. 655.

«За тѣмъ комитетъ приступилъ къ разсужденію о легчайшемъ способѣ примѣненія русскихъ буквъ къ польскимъ, и признано возможнымъ, для перваго опыта:

«1) Латино-польскія согласныя: b, c, d, f, g, k, m, n, p, r, s, t, u, z, ź, — замѣнять тождественными Русскими: б, ц, д, ф, г, к, м, н, п, р, с, т, в, з, ж; также звуки: ch, cz, dz, dź, sz выражать русскими: х, ч, дз, дж, ш. Польское szcz замѣнить звукосочетаніемъ *шч*, букву же *h* писать посредствомъ *з* съ надстрочнымъ знакомъ *h*-глас (*głos*), *h*арды (*hardy*). Согласныя твердыя въ концѣ словъ не обозначать *з*.

«2) Смягченіе согласныхъ обозначать надстрочными знаками, какъ было въ польскомъ, а именно: надъ б, дз, с, м, н, п, ц, в, з, ставить острое удареніе: голабъ — *goła**́**v*, дзвигамъ — *dzwigam**́***, свидекъ — *świadek**́***, кармъ — *ka**́**rm*, дарнъ — *da**́**rn*, паѣ — *pa**́**w*, цвѣрці — *cwie**́**rcé*, дропъ — *dro**́**p*, язъ — *ja**́**z*. Относительно гз принято писать сей знакъ по обстоятельствамъ — то посредствомъ *рж*: ржезба — *r**ż**e**ż**ba*, то посредствомъ *ри*: патрш — *pa**rz***. Твердое л (*l*) выражать надстрочнымъ знакомъ: *ł*, напр. мильы — *mi**ły***.

«3) Гласныя твердыя: а, е, о, у, і, соответствующія русскимъ: а, е, о, у, ы, и, замѣнять сими послѣдними. Знаки а и е, какъ не существующія въ Русскомъ языкѣ, принять изъ польскаго алфавита. Польскія ó и é писать съ надстрочнымъ знакомъ: Бóгъ — *Bó**g***, чѣмъ — *cz**ę**m*.

«4) Смягченіе гласныхъ выражать посредствомъ буквъ: *o* — вмѣсто польскаго *ie*: сѣрпъ — *si**e**rp*; ја, је — вмѣсто *ia, ie*: јадро — *ja**o**dro*, јекъ — *ie**o**к*; я, ю вмѣсто *ia, iu*: яблко — *ia**o**tko*, ютро — *iu**o**tro*; *jo* удерживать: јодла — *jo**l**la*. Вмѣсто русскаго *й* въ концѣ писать *j* или *й*: твој или твоѣй — *twó**y***, *twó**ji***.

«При такой условной возможности примѣненія русской азбуки къ польскимъ звукамъ, г. Прейсъ, равно какъ и г. Дукшинскій,

— 7 —

внесли въ комитетъ особыя записки, выражающія собственный ихъ взглядъ на предметъ, предложенный разсмотрѣнiю комитета».

Сверхъ сего г. Гаевскій донесъ о содержанiи трехъ отдѣльныхъ записокъ: гг. Пржецлавскаго, Прейса и Дукшта-Дукшинскаго слѣдующее:

1) Г. Пржецлавскій, послѣ довольно натянутыхъ доказательствъ трудности предположенiя, утверждаетъ, что принятiе русской азбуки для польскаго нарѣчiя не можетъ соответствовать главному условiю всякаго нововведенiя, пользѣ, и что перемѣна эта могла бы быть введена *постепенно и со временемъ*.

«Надежнѣйшею посредницею въ томъ послужила бы самая литература; но для сего нужно, чтобы двѣ соплеменные словесности ознакомились и сблизились къ себѣ взаимно. Теперь еще знакомство это довольно слабо, хотя въ послѣднее время и стали обнаруживаться симптомы вожделѣннаго сближенiя сего. Должно ожидать, что мѣры, принятыя правительствомъ для распространенiя въ западныхъ губернiяхъ и Царствѣ Польскомъ русскаго языка, будутъ имѣть въ образуемомъ поколѣнiи полный успѣхъ, и что труды благонамѣренныхъ литераторовъ довершатъ дѣло братскаго союза словесностей и тогда слiянiе видовъ и стремленiй породитъ само собою потребность единства въ средствахъ ихъ выраженiя».

2) Г. Лекторъ С. Петербургскаго университета, титулярный совѣтникъ *Прейсъ*, изложивъ ученымъ образомъ исторiю Кирилловскаго алфавита и отношенiе его къ нынѣшнему гражданскому письму, — говоритъ, что приложенiе нынѣшняго состава гражданского письма къ какому либо славянскому диалекту, *невозможно, безъ существенныхъ измѣненiй настоящей системы писанiя* и безъ усовершенiя ея по изложенной въ его запискѣ идеѣ св. Кирилла и Меодiя и свойствамъ Русскаго языка. Необходимость этой реформы г. Прейсъ находитъ тѣмъ настоятельнѣе, что для народа, едва начинающаго свое образованiе, для Сербовъ, создана уже изъ элементовъ Кирилловскаго алфавита, система правописанiя, самая совершенная и самая простая изъ всѣхъ славян-

скихъ. Указавъ на необходимость прежде всего глубоко изучить систему звуковъ польскаго языка и потомъ уже приступить къ обозначенію ихъ письменными знаками, авторъ записки присовокупляетъ обстоятельство, важное въ отношеніи къ современному расположенію умовъ въ земляхъ славянскихъ: «преобразование польскаго нынѣшняго алфавита, основанное единственно на замѣнѣ одного недостаточнаго алфавита другимъ, также не удовлетворительнымъ, потрясетъ во многихъ славянскихъ племенахъ довѣріе къ письмамъ св. Кирилла и Меѳодія и надолго отдалитъ эпоху соединенія Славянъ въ этомъ важномъ дѣлѣ».

3) Г. коллежскій совѣтникъ *Дукита-Дукшинскій*, уклоняясь отъ разсужденій о видимыхъ недостаткахъ обоихъ алфавитовъ и видя въ главномъ вопросѣ преодоленіе препятствій, затрудняющихъ сближеніе польскаго языка съ русскимъ, указываетъ на извѣстнаго польскаго писателя *Сташца*. Этотъ ученый, всегда пламенно защищавшій польскій языкъ и народность, изъясняетъ что Поляки приняли въ свой языкъ немало чуждыхъ оному звуковъ; что для возвращенія польскому языку прежней чистоты, необходимо устранить эти несвойственности, и что лучшее къ тому средство *сблизиться съ русскимъ* языкомъ, для чего и предложилъ средства. По мнѣнію г. Члена, предоставить это дѣло времени и соглашенію литераторовъ, значить отложить его на безконечное время, ибо польская литература нашего времени носить на себѣ печать скорѣе разъединенія, нежели сближенія съ русскою. При такихъ обстоятельствахъ успѣхъ дѣла возможенъ лишь при содѣйствіи и распоряженіи правительства.

Съ своей стороны г. Гаевскій присовокупилъ, что не смотря на относительное несовершенство азбукъ русской и латинской (употребляемой Поляками), примѣненіе послѣдней къ первой возможно, допустивъ модификаціи, предлагаемыя въ журналѣ комитета. Разумѣется, что сначала это нововведеніе, какъ и всякое нововведеніе, можетъ показаться страннымъ, особенно для тѣхъ людей, которые готовы все толковать по своему, и оно найдетъ много противниковъ, но при постоянномъ усиліи и при участіи благона-

мѣренныхъ ученыхъ будетъ достигнута цѣль, по послѣдствіямъ своимъ весьма важная. Польза письма польскаго русскими буквами, по мнѣнію г. Гаевского, очевидна; надобно только, чтобъ правительство съ своей стороны ободрило первые опыты; даже необходимо, чтобъ само правительство вызвало на этотъ опытъ кого либо изъ польскихъ публицистовъ или писателей здѣсь, либо въ Варшавѣ, и дало ему средства и возможность къ изданію труда его въ свѣтъ.

Графъ Уваровъ, разсмотрѣвъ вышеприведенный журналъ комитета нашелъ, что комитетъ не сдѣлалъ окончательнаго заключенія о предметѣ, предложенномъ на его обсужденіе, и потому предложилъ оному, 30 сентября 1844 года, войти еще въ соображеніе и сдѣлать общее заключеніе по слѣдующимъ вопросамъ:

Удобно-ли и возможно-ли замѣнить употребляемую нынѣ въ польскомъ языкѣ латинскую азбуку русскими буквами?

Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, показать, какимъ именно способомъ эта замѣна одного алфавита другимъ можетъ быть приведена въ дѣйство съ полною удовлетворительностію, и какой можно ожидать отъ того пользы.

Ежели же предположеніе это встрѣчаетъ затрудненія въ самомъ свойствѣ обоихъ языковъ, то въ чемъ оныя состоятъ и почему не могутъ быть устранены?

Въ исполненіе сего приказанія предсѣдатель представилъ, 19 января 1845 года, журналъ комитета отъ 20 октября 1844 г., въ которомъ значится:

«Комитетъ, приступивъ къ изложенію своихъ заключеній относительно замѣна латино-польскихъ буквъ русскими, нашелъ въ окончательномъ результатѣ, что этотъ предметъ подлежитъ въ существѣ своемъ *двоюкому* рѣшенію. Разсматривая его *безусловно*, комитетъ не предвидитъ средствъ нынѣшнимъ составомъ русскаго гражданскаго письма съ полною удовлетворительностію выразить многія существенныя особенности системы звуковъ польскаго нарѣчія. Затрудненія заключаются частію въ излишествѣ нѣкоторыхъ знаковъ русскаго алфавита, частію въ недостаткѣ

ихъ для обозначенія звуковъ, которые принадлежатъ къ спеціальнымъ свойствамъ, проникающимъ весь составъ польскаго языка. По этому комитетъ былъ вынужденъ искать другаго способа къ *приблизительному рѣшенію* столь сложнаго вопроса. Избранный комитетомъ способъ основанъ на трехъ неизбѣжныхъ условіяхъ:

- 1) на необходимости исключить часть русскихъ буквъ, которыя окажутся излишними для польскаго нарѣчія;
- 2) на модификаціи русскихъ буквъ въ примѣненіи ихъ къ польскимъ;
- 3) на заимствованіи нѣкоторыхъ буквъ изъ Польскаго алфавита.

«Принявъ этотъ способъ за основаніе, комитетъ находитъ, что слѣдующія латино-польскія буквы и звукосочетанія могутъ быть замѣнены русскими съ полною удовлетворительностію: такъ польскія буквы: a, b, c, d, e, f, g, i, k, m, n, o, p, r, s, t, u, w, z, y, совершенно соотвѣтствуютъ русскимъ буквамъ: а, б, в, г, д, е, ф, г, и, к, м, н, о, п, р, с, т, у, в, з, ы.

«Звуки, выражаемые въ польскомъ алфавитѣ сложнымъ начертаніемъ, отвѣчаютъ простымъ русскимъ: польское *ch* отвѣчаетъ русскому *ч*, *cz* — *ч*, *sz* — *ш*, *szcz* — *щ*, *) *ź* — *ж*.

«Наконецъ польскія сложныя звукосочетанія выражаются удобно также сложными звуками русскаго алфавита: польское *dz* посредствомъ русскаго *дз*, *dź* — *дж*, *gz* — *гз*, *rz*.

«Въ дальнѣйшемъ примѣненіи русскаго алфавита къ польскому языку *необходимы* нѣкоторыя измѣненія въ составѣ Русскихъ буквъ.

«Русскія буквы *г, е, з, ъ* и десятиричное *і* подлежатъ исключенію, по неприложимости ихъ къ звукамъ польскаго нарѣчія. Къ этому разряду принадлежитъ и *э*, знакъ, придуманный только для трехъ чисто русскихъ словъ и для выраженія этого звука въ словахъ иностранныхъ. Комитетъ находитъ болѣе удобнымъ замѣнить его буквою *е*, столь обыкновенною въ польскомъ языкѣ;

*) Г. Прейсъ предполагаетъ вмѣсто *щ* употреблять *ич*.

смягченное же произношеніе буквы полагаетъ изображать знакомъ ъ.

«Богатствомъ *смягченныхъ согласныхъ* польское нарѣчіе превосходить всѣ прочія, отличаясь еще отъ нихъ и тѣмъ, что одно и тоже слово можетъ состоять изъ нѣсколькихъ такихъ смягченныхъ согласныхъ, слѣдующихъ нерѣдко одна за другою непосредственно. Вотъ причина, которая не позволяетъ комитету прибѣгнуть къ обыкновенному въ русскомъ языкѣ способу обозначать смягченія согласныхъ посредствомъ буквы ъ. Польскій способъ выражать эти отгѣнки звуковъ посредствомъ надстрочнаго знака представляетъ ту выгоду, что, сокращая трудъ пишущаго, не требуетъ столько времени, сколько нужно для изображения ъ, напр. *ścisłości* вм. *смыслосльсь*, *ćwórci* вмѣсто *цьотриць*. Также и въ школахъ, при складываніи буквъ, ученику легче будетъ одинъ простой смягченный звукъ связывать съ слѣдующею буквою, безъ посредства буквы ъ, нежели безъ нужды разлагать его на два элемента, напр. вмѣсто *ć* говорить *ць*. Такое разложеніе только затрудняетъ успѣхи чтенія.

«Къ разряду смягченныхъ согласныхъ принадлежатъ:

«Польскія: *ń, ś, ś, m', n', r', ć, w', ź,* и сложное *ź*.

«Русскія: *б', с', м', н', ц', в', з'* и сложное *дз'*.

«Этотъ же знакъ необходимъ и для выраженія особенности выговора гласныхъ *ó* и *é*, которыя встрѣчаются въ значительномъ числѣ польскихъ словъ и грамматическихъ формъ, напр. *Bóg, чём, хлѣб, завржеј, сѣр.*

«Смягченныя гласныя: *ie, ju, ja* удобно замѣняются русскими буквами: *ю, ю, я*; напр. *sępi* — *сѣп*, *jabko* — *ябко*, *jutro* — *jutro*.

«Къ числу польскихъ звуковъ, невыразимыхъ особенными русскими буквами, принадлежатъ слѣдующія буквы:

«Буква *h*, существующая даже въ устахъ образованнаго класса русскаго народа, до сихъ поръ не имѣетъ своего представителя на письмѣ. Комитетъ предлагаетъ для обозначенія сего звука русскую букву *z*, съ знакомъ придыханія (*spiritus asper*). Этотъ знакъ не новъ: онъ уже встрѣчается въ сравнительныхъ

словаряхъ, собранныхъ Императрицею Екатериною II и изданныхъ Палласомъ въ 1787 — 1789 г.

«Новыя гласныя *ą* и *e* не могутъ быть замѣнены русскими буквами, по недостатку самыхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ. По этому комитетъ находить полезнымъ оставить эти знаки въ ихъ прежнемъ видѣ и значеніи.

«Польское *l* имѣеть двойное произношеніе: *твердое*, выражаемое прочеркнутымъ латинскимъ *ł*, и *мягкое* (но не въ такой степени какъ русскія *лe*, *ля* и проч.), обозначенное буквою *l*. Для отличенія на письмѣ твердаго *л* отъ мягкаго, комитетъ предлагаетъ къ русскому *л* присовокуплять знакъ придыханія (*spiritus asper*) *ł*, напр. *laska*—ляска, *łaska*—*л*аска.

«Наконецъ комитетъ считаетъ необходимымъ удержать изъ латинскаго алфавита букву *j*, для выраженія смягченія гласныхъ *ą* и *e* и *o*, напр. *jądro*—*я*дро, *jęk*—*я*ек, *jodła*—*я*од*л*а, представляя на произволь звукосочетанія: *aj*, *ej*, *oj*, *ój*, *uj*, *ű*, *uj* писать посредствомъ *й* или *j*, напр. *twoj* или *твѡй* — *twoj*.

«Относительно пользы, которая можетъ произойти отъ вмѣненія русскихъ буквъ къ польскому нарѣчію, комитетъ долженъ ограничиться указаніемъ на благотворныя, безъ сомнѣнія, послѣдствія введенія алфавита, общаго для двухъ народовъ, соединенныхъ подъ одною державою. Сверхъ того и въ частности введеніе простыхъ русскихъ знаковъ, *ж*, *х*, *ч*, *ш*, *щ*, вмѣсто употребительныхъ въ польскомъ: *ż*, *ch*, *cz*, *sz*, *szcz*, представляетъ выгоду, возможную только съ помощію Кирилловскаго алфавита. Впрочемъ комитетъ считаетъ своею обязанностію присоединить еще, что переимны въ русскомъ алфавитѣ для изображенія звуковъ польскаго нарѣчія, могутъ быть предложены единственно въ видѣ опыта, частію потому, что только практика въ состояніи рѣшить пользу и удобство предполагаемой комитетомъ комбинаціи русскихъ буквъ, частію и потому, что комитетъ, хотя и пользовался всѣми извѣстными ему матеріалами, не можетъ, однакоже, ручаться за тѣ особенности фонетической системы польскаго нарѣчія, которыя донынѣ еще не приведены въ извѣстность и

которыя, слѣдовательно, со временемъ могутъ открыться, а съ тѣмъ вмѣстѣ послужить новымъ дополнительнымъ матеріаломъ къ предположеніямъ комитета».

Всѣ журналы комитета и отдѣльныя мнѣнія членовъ препровождены были, 11 января 1845 года, графомъ Уваровымъ къ князю Паскевичу, при чемъ графъ Уваровъ изъяснилъ, что взвѣсившая и сравнивая между собою удобства и затрудненія, которыя представляются, и съ перваго взгляда, и при внимательнѣйшемъ разсмотрѣніи дѣла, нельзя не прийти къ заключенію, что мысль замѣнить въ польскомъ языкѣ латинскую азбуку русскими буквами, сколько бы ни казалась она заманчивою, при осуществленіи своемъ представляетъ такія затрудненія, которыя оказываются непреодолимыми. Между алфавитомъ русскимъ и латинскимъ нѣтъ такого тождества, какое находится между алфавитомъ латинскимъ и готическимъ; одно это тождество дозволяетъ въ нѣмецкомъ языкѣ безразличное употребленіе буквъ латинскихъ и готическихъ, которыя собственно суть тотъ же алфавитъ, немного только измененный въ наружномъ видѣ. Чтобы выразить звуки Польскаго языка русскими буквами надобно будетъ прибѣгнуть и къ изобрѣтенію новыхъ, доселѣ неупотребительныхъ знаковъ, и къ заимствованію буквъ изъ другихъ алфавитовъ, напр. латинскаго, т. е. составить особый алфавитъ; эта новая азбука будетъ совершенно чужда Полякамъ, и въ значительной части не понятна Русскимъ (разумѣя общую массу того и другаго народа, знающую одинъ только свой родной языкъ). Всякое изобрѣтеніе новаго алфавита бываетъ успѣшно только при первоначальномъ возникновеніи письменности у народа; изобрѣтеніе его, и даже нововведеніе значительное, въ эпоху позднѣйшаго развитія, всегда останется попыткою неуспѣшною, всегда будетъ анахронизмомъ; по крайней мѣрѣ исторія языковъ не представляетъ намъ примѣровъ подобнаго явленія. Слѣдовательно цѣль и выгода, съ обѣихъ сторонъ, не будутъ достигнуты. Ежели можно надѣяться устранить всѣ эти неудобства, то не иначе какъ развѣ съ теченіемъ времени, и при

совершенномъ сліянніи обоихъ народовъ, двухъ отраслей одного корня.

Вслѣдствіе сего князь Варшавскій увѣдомилъ, отъ 24 марта 1845 г., что съ своей стороны онъ не находитъ никакихъ причинъ не согласиться съ мнѣніемъ графа Уварова по настоящему предмету, и просилъ довести о томъ до Высочайшаго свѣдѣнія въ Бозѣ почившаго Императора Николая I, что графомъ Уваровымъ и было исполнено 5 апрѣля, съ изложеніемъ въ подробности всего хода дѣла. Его Величество изволилъ принять всеподданнѣйшій докладъ по сему предмету къ свѣдѣнію.

Въ началѣ 1852 г. бывшій министръ статсъ-секретарь Царства Польскаго объявилъ бывшему министру народнаго просвѣщенія князю Ширинскому-Шихматову о волѣ въ Бозѣ почившаго Императора Николая I имѣть свѣдѣніе: на чемъ остановилось производившееся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія дѣло о примѣненіи русской азбуки къ польскому языку. Вслѣдствіе сего князь Ширинскій - Шихматовъ представилъ на Высочайшее воззрѣніе вышеупомянутую всеподданнѣйшую докладную записку графа Уварова по настоящему дѣлу отъ 5 апрѣля 1845 г., и съ своей стороны изъяснилъ, что разсмотрѣвъ внимательно существо дѣла и сообразивъ всѣ относящіяся къ тому обстоятельства, онъ полагаетъ, что исполненіе означеннаго предположенія не представляетъ непреодолимыхъ затрудненій, и что опытъ примѣненія русской азбуки къ польскому языку возможенъ и въ настоящее время. Надлежитъ только опасаться, чтобы самый сей опытъ литературнаго сближенія двухъ языковъ одного корня, превратно перетолкованный людьми неблагомыслящими, не былъ принятъ Поляками за намѣреніе, клонящееся къ уничтоженію и къ приведенію со временемъ въ забвеніе ихъ собственнаго языка, на которомъ сохраняются всѣ историческіе памятники политическаго ихъ существованія; чтобъ они не подумали, что это косвенное покушеніе на языкъ народный есть только скрытный приступъ къ уничтоженію польской національности, и чтобы распространеніе такого мнѣнія не произвело броженія въ шаткихъ умахъ ихъ. Разрѣшеніе во-

просовъ, до какой степени это опасеніе можетъ быть признано основательнымъ, и благовременно ли теперь же производство такого опыта, Министръ представлялъ на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества.

Вмѣстѣ съ сѣмъ князь Ширинскій-Шихматовъ донесъ, что онъ поручалъ сдѣлать соображеніе по настоящему дѣлу двумъ Русскимъ, православнаго исповѣданія, вполне знакомымъ съ польскимъ языкомъ и литературою, а именно: члену главнаго управленія цензуры дѣйствительному статскому совѣтнику Сербиновичу и профессору польскаго языка въ главномъ педагогическомъ институтѣ Дубровскому, которые порученіе это и исполнили.

Къ сему князь Ширинскій-Шихматовъ присовокупилъ, что въ случаѣ Высочайшаго одобренія плана замѣна въ польскомъ языкѣ латинской азбуки русскими буквами, онъ полагалъ бы напечатать въ такомъ видѣ особою книжкою нѣкоторыя изъ лучшихъ произведеній польскихъ писателей и издать отъ имени профессора Дубровскаго, какъ *частный трудъ его*, съ объясненіемъ въ предисловіи, во-первыхъ, цѣли изданія, состоящей въ доставленія русскимъ читателямъ ближайшей возможности пользоваться замѣчательнѣйшими произведеніями польской литературы, и, во-вторыхъ, принятыхъ издателемъ основаній примѣненія русской азбуки къ употребленію въ польскомъ языкѣ и правилъ произношенія нѣкоторыхъ буквъ и знаковъ. Такая книжка могла бы даже быть разслана въ библіотеки учебныхъ заведеній, въ видѣ пожертвованія или приношенія въ пользу ихъ со стороны профессора Дубровскаго, нисколько не обнаруживая участія въ этомъ дѣлѣ правительства.

На этой всеподданнѣйшей докладной запискѣ князя Ширинскаго-Шихматова послѣдовала, въ 5 день января 1852 г., слѣдующая собственноручная Государя Императора Николая I резолюція: «очень можно, и полагалъ бы потомъ вводить во всѣхъ воспитательныхъ заведеніяхъ въ замѣнъ нынѣшняго букваря».

Въ соображеніяхъ гг. Дубровскаго и Сербиновича о примѣ-

нені русской азбуки къ польскому языку, представленныхъ въ тоже время на воззрѣніе Императора Николая I, излагалось слѣдующее:

«Ежели въ примѣненіи русской азбуки къ польскому языку наблюдать строгую филологическую точность, то дѣло это будетъ неисполнимо. Но строгая точность здѣсь и не нужна: ибо едва ли есть въ свѣтѣ языкъ, который имѣлъ бы совершенно удовлетворительную для себя азбуку. И польская, по сознанию самихъ Поляковъ, не выражаетъ всѣхъ оттѣнковъ польскаго произношенія; и мы, Русскіе, произносимъ многое не такъ, какъ пишемъ; и азбуки самыхъ образованныхъ Европейскихъ народовъ (укажемъ на Англію и Францію) съ трудомъ соотвѣтствуютъ, а во многомъ и вовсе не соотвѣтствуютъ, выговору изображаемыхъ ими звуковъ. Къ чему же требовать совершенства въ примѣненіи нашей азбуки къ польскому языку? Совершенство въ этомъ дѣлѣ и невозможно и не нужно.

«Но чтобы осуществить мысль объ упомянутомъ примѣненіи, довольно ограничиться опредѣленіемъ, по возможности, ближайшаго и простѣйшаго къ тому способа, который примѣрно представляется въ нижеслѣдующихъ правилахъ. Тогда всякій Полякъ, кому только извѣстны русскія буквы, легко станетъ читать по онымъ: твердое знаніе собственнаго языка дастъ ему возможность понимать или угадывать изображаемое ими. Но Русскому безъ сомнѣнія будетъ это труднѣе: во 1-хъ потому, что языкъ, польскій ему не природный; во 2-хъ потому, что выговоръ польскій ему не извѣстенъ или малоизвѣстенъ; многое, конечно, пойметъ онъ и самъ собою, другое только съ лексикономъ, и произносить правильно будетъ только при помощи живаго учителя. Но не то ли самое нужно и Малороссіянину, еще незнакомому съ выговоромъ великороссійскимъ; не то ли и всякому провинціалу, не слыжавшему чистаго произношенія Москвичей. По сей причинѣ при первыхъ опытахъ изданія книгъ польскихъ русскими буквами не бесполезно будетъ прилагать для русскихъ читателей краткое объясненіе главнѣйшихъ правилъ произношенія нѣкоторыхъ буквъ

и знаковъ. Все это считаемъ обязанностію изъяснить здѣсь для предваренія, что подобныя опыты могутъ облегчить Русскимъ чтеніе польскихъ книгъ, но не могутъ устранить всѣхъ затрудненій чтенія.

«Не излишнимъ считаемъ присовокупить къ сему, что по возможности простѣйшій, хотя и несовершенный способъ, гораздо ближе къ цѣли, нежели болѣе совершенный, но съ тѣмъ вмѣстѣ болѣе сложный, который потребуетъ болѣе глубокаго изученія, и потому едва-ли будетъ годиться для первыхъ опытовъ. Лучше начать съ того, что проще и понятнѣе. Съ теченіемъ времени легко будетъ принимать всякое совершенствованіе, вводимое исподволь и постепенно».

Въ правилахъ примѣненія русской азбуки къ польскому языку, представленныхъ также на Высочайшее воззрѣніе, предполагалось:

1) 22 польскія буквы замѣнить соответствующими русскими, а именно: а, е (произнося какъ э), і, о, у, b, с (ц), d, f, g и h (объ ѣ), k, l, m, n, p, r, s, t, и z. Сверхъ сего русское ѣ употреблять на мѣсто надстрочнаго польскаго знака.

2) 7 сочетаній польскихъ буквъ замѣнить русскими: ia (я), ie (ѣ), io (іо), iu (ію), cz (ч), sz (ш), szcz (щ).

3) Польское сочетаніе *rz* выразить русскимъ *р* съ надстрочнымъ знакомъ \tilde{r} (противъ этого послѣдовала собственноручная отмѣтка Императора Николая I: «вѣрнѣе прописывать рж»).

4) Носовыя польскія гласныя *a* и *e* (*он* и *ен*) сохранить, какъ незамѣнимыя (противъ этого послѣдовала собственноручная отмѣтка Императора Николая I: «вѣрнѣе такъ и писать» (т. е. какъ произносятся), при чемъ исправлены Его Величествомъ слова: *вонсы* (усы), *сконты* (скупой), *вензелъ* (вензель), и *бенбенъ* (ба-рабанъ).

5) Польскую гласную букву съ акцентомъ *ó*, произносимую почти какъ русское *у*, сохранить (собственноручная отмѣтка Императора Николая I: «писать *у* вѣрнѣе», и исправленіе, вмѣсто *крóль* — *круль*).

6) Принять въ русско-польскую азбуку согласную *j*, принятую уже въ сербскую азбуку, для смягченія слѣдующихъ за нею согласныхъ *e* и *o* и носовыхъ *ę* и *ą* (Собственноручная отмѣтка Императора Николая I: «не нужно, ибо выразить можно и нашими литерами: *e* и безъ того произносится какъ *i* и *e* слитыя вмѣстѣ, потому писать: едень (одинъ), іодла (ель), паіонкъ (паукъ), ензыкъ (языкъ)». Но когда гласныя предшествуютъ буквѣ *j*, то замѣнять ее русскою *й*.

На основаніи этихъ правилъ издана была г. Дубровскимъ, на счетъ министерства народнаго просвѣщенія, книга на польскомъ языкѣ русскими буквами, подъ заглавіемъ: *Образцы польскаго языка въ прозѣ и стихахъ для русскихъ*, представленная княземъ Шпринскимъ-Шихматовымъ въ Божѣ почившему Императору Николаю Павловичу при всеподданнѣйшей докладной запискѣ слѣдующаго содержанія;

«Экстраординарный профессоръ польскаго языка въ главномъ педагогическомъ институтѣ, Дубровскій, издалъ книжку подъ заглавіемъ: *Образцы польскаго языка, въ прозѣ и стихахъ, для Русскихъ*. Въ предисловіи къ этому изданію онъ между прочимъ объясняетъ, что польская литература, замѣчательная богатствомъ своихъ произведеній, можетъ быть любопытнымъ предметомъ вниманія просвѣщенныхъ русскихъ читателей, тѣмъ болѣе, что она принадлежитъ народу намъ соплеменному и нераздѣльно соединенному съ нашимъ отечествомъ. Изученіе польскаго языка для Русскихъ не трудно, также какъ для Поляковъ изученіе языка русскаго. Только употребленіе Поляками латинскихъ буквъ препятствуетъ, чтобы польскій языкъ сдѣлался для насъ доступнымъ. Съ цѣлю отклонить это неудобство, Дубровскій предлагаетъ русскимъ читателямъ образцы польскаго языка въ прозѣ и стихахъ, напечатанные, въ видѣ опыта, русскими буквами, примѣнительно къ польскому произношенію.» Вмѣстѣ съ симъ князь Шпринскій-Шихматовъ, донесъ, что дабы сдѣлать болѣе извѣстными начала, принятія г. Дубровскимъ къ замѣнѣ въ

— 19 —

польскомъ языкѣ латинскихъ буквъ русскими, онъ имѣетъ намѣ-
реніе снабдить экземплярами означенной книжки подвѣдомья ми-
нистерству народнаго просвѣщенія учебныя заведенія, и преиму-
щественно состоящія въ Царствѣ Польскомъ и въ губерніяхъ,
возвращенныхъ отъ Польши.

Это предположеніе князя Ширинскаго-Шихматова и было
въ послѣдствіи приведено въ исполненіе.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Наименования учреждений

- ГБЛ — Российская государственная библиотека (бывш. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина) (Москва)
- ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)
- ГПБ — Российская национальная библиотека (бывш. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) (Санкт-Петербург)
- ЦГАДА — Российский государственный архив древних актов (бывший Центральный государственный архив древних актов) (Москва)

Наименования изданий

- ЖС — Живая старина (Санкт-Петербург / Петроград)
- ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук (Санкт-Петербург / Петроград / Ленинград)
- Сб. ОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук (Санкт-Петербург / Петроград / Ленинград)
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинского Дома) (Ленинград / Санкт-Петербург)
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при имп. Московском университете (Москва)
- ЭО — Этнографическое обозрение (Москва)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Статьи, составившие данную книгу, были впервые опубликованы в следующих изданиях:

1. Европа как метафора и метонимия (применительно к истории России). — «Вопросы философии», 2004, № 6 (с. 13—22).

2. Пушкин и Толстой: тема Кавказа. — «Russica Romana», vol. IX, 2002 (In ricordo di Michele Colucci), pt. 2 (127—141).

3. Время в гоголевском «Носе» («Нос» глазами этнографа). — «Die Welt der Slaven», 2004, Jg. XLIX, 2004., Hft 3 (с. 335—346). Публикуется с дополнениями.

4. Когда был канонизирован князь Владимир Святославич? — «Paleoslavica», vol. X (For Professor Ihor Ševčenko on his 80th birthday), 2002, № 2 (с. 271—281). Публикуется в существенно переработанном виде.

5. Николай I и польский язык (Языковая политика Российской империи в отношении Царства Польского: вопросы графики и орфографии). — «Die Welt der Slaven», 2004., Jg. XLIX, 2004, Hft 1 (с. 1—38).